

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 5 (93) 2025

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович**, доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы
3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право»
6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук** по группе научных специальностей
6.0.0 — Военные науки
(№ 924 Перечня по состоянию на 01.07.2025)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Землин А.И. Государственная политика по сохранению культурных ценностей как фундамент цивилизационного суверенитета России	7
Теория и история военного права	
2. Глухов Е.А. Становление гарнизонных органов военного управления в России и правовое оформление их полномочий.....	15
3. Тарадонов С.В. Возвращаясь к вопросу о месте и «статусе» военного законодательства в системе законодательства России.....	26
4. Маляров А.И. Уголовная ответственность военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны: история становления и развития в России.....	35
5. Шишов С.С. К вопросу об организации работы военных правоохранительных органов в ходе проведения специальной военной операции (на примере организации работы военных прокуратур периода Великой Отечественной войны)	47
Военно-административное право	
6. Евсеев А.А. Современные кадровые технологии на государственной службе в Российской Федерации	56
7. Иванов Р.В. Перспективы использования технологии блокчейн для противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа	62
8. Иноземцев А.С. О некоторых особенностях правового регулирования списания лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в аптечки, сумки и комплекты медицинского имущества	66
9. Лисеенко М.В. Правовые аспекты организации практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине	72
Военная служба. Статус военнослужащих	
10. Курмакаева А.К. Женщины на военной службе в Российской армии	79
11. Корякин В.М. Дополнительные выплаты участникам специальной военной операции в связи с награждением государственными и ведомственными наградами	86
12. Чепель В.И. Вопросы получения военнослужащими образования в гражданских образовательных организациях	95
Уголовное право и криминология	

13. Бодрягина О.В., Левин М.С., Алькаев Р.Р.	
К вопросу о повышении эффективности уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом оружия	100
14. Раков А.В., Харитонов С.С.	
Дополнительное наказание осужденному по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения	105

Уголовный процесс и криминалистика

15. Кириченко Н.С., Попов А.А., Александрова Н.Г.	
О повышении уровня правовой защиты военнослужащих по уголовным делам	111

**Зарубежное военное законодательство.
Военные проблемы международного права**

16. Аулов В.К.	
Типология зарубежной военной уголовной юстиции	116
17. Жевноватый С.В.	
Проблема имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, в отечественное законодатель- ство и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации	127
18. Редкоус В.М.	
Некоторые вопросы развития правового регулирования прохождения военной службы в государствах — участниках СНГ	139
19. Туганов Ю.Н.	
К вопросу о правосубъектности НАТО в современном международном праве	147

Указатель сокращений

абз. — абзац

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

ВДВ — Воздушно-десантные войска

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет

ГОЗ — Государственный оборонный заказ

ЕС — Европейский Союз

ИИ — искусственный интеллект

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КНР — Китайская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — Народный комиссариат обороны

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВД — органы внутренних дел

ОГВ(с) — Объединенная группировка войск (сил)

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росстандарт — Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РТ — Республика Таджикистан

руб. — рубль, рублей

СБ — Совет Безопасности

СБУ — Служба безопасности Украины

СВО — специальная военная операция

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УИС — уголовно-исполнительная система

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ч. — часть

Правовое обеспечение национальной безопасности

Государственная политика по сохранению культурных ценностей как фундамент цивилизационного суверенитета России: правовое измерение

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, заведующий кафедрой прав
человека ФГБОУ ВО «Российский
государственный социальный университет»,
научный сотрудник ФГВКОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра
Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье проводится системный анализ отечественной нормативно-правовой базы, регулирующей сферу культуры, и выявляются её ключевые аспекты, направленные на формирование и поддержание устойчивого ценностного каркаса общества. Особое внимание уделяется выявлению угроз, таких как информационно-психологические операции, культурная экспансия и попытки «отмены» российской культуры. Подчеркивается роль государства как основного гаранта и субъекта формирования суверенной культурной политики, способной обеспечить консолидацию общества и его готовность к отражению внешних вызовов.

Ключевые слова: культурные ценности, государственная политика, цивилизационный суверенитет, национальная безопасность, правовое регулирование, информационные угрозы, культурная безопасность.

Для цитирования: Землин А.И. Государственная политика по сохранению культурных ценностей как фундамент цивилизационного суверенитета России: правовое измерение // Военное право. 2025. № 5. С. 7—14.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2025 г.

В современном мире, где геополитические трансформации ускоряются, а борьба за влияние принимает гибридные формы, культурные ценности выходят на передний план как критически важный фактор государственного бытия. Они представляют собой не просто совокупность исторических артефактов или произведений искусства, но сложную, динамичную систему смыслов, глубоко укоренившихся традиций, языка и фундаментальных моральных норм. Эта система, передающаяся из поколения в поколение,

формирует уникальную цивилизационную идентичность народа — его особый взгляд на мир, его ценностный каркас и его место в глобальной системе координат. Культурные ценности являются тем невидимым, но мощным фундаментом, на котором зиждется национальное самосознание и общественная сплоченность.

Аргументация того, что без защиты и прогрессивного развития культурных ценностей¹ невозможно обеспечить ни национальный суверенитет, ни устойчивое раз-

¹ Шишко А.А., Холиков И.В. Становление международно-правовой защиты культурных ценностей

в случае вооружённого конфликта // Военное право. 2021. № 6(70). С. 326—334.

витие государства, становится сегодня аксиомой. Деграция или подрыв культурного ядра напрямую ведет к дестабилизации общества, размыванию патриотического духа и утрате способности нации к самосохранению и сопротивлению внешнему давлению. В условиях современных вызовов, когда информационно-психологические операции нацелены на девальвацию традиционных устоев, сохранение культурной самобытности становится вопросом национальной безопасности первоочередной важности.

В Российской Федерации основополагающее значение культурных ценностей закреплено на высшем правовом уровне — в Конституции Российской Федерации. Основной Закон страны не только гарантирует права граждан на участие в культурной жизни и доступ к культурному наследию, но и возлагает на государство обязанность по защите и развитию этих ценностей как неотъемлемой части российской идентичности и ее будущего. Данный конституционный мандат формирует основу для выработки всеобъемлющей государственной политики, направленной на сохранение духовно-нравственных основ общества и его устойчивость перед лицом многообразных угроз.

В отличие от либеральных концепций, склонных рассматривать сферу культуры преимущественно как поле для свободной рыночной конкуренции и саморегулирования, российская модель исторически и стратегически основывается на признании фундаментальной роли государства в формировании, поддержке и защите культурных ценностей. Эта позиция не означает тотального контроля или цензуры, но подчеркивает осознанную ответственность государства за сохранение уникального цивилизационного кода, который является основой национальной идентичности и суверенитета. Государство выступает не просто как регулятор, но как активный субъект культурной политики, стратегически инвестирующий в развитие культуры, создающий условия

для её процветания и выступающий гарантом доступности культурных благ для всех граждан. В условиях внешнего информационного и идеологического давления именно государственная поддержка становится решающим фактором в противодействии деструктивным влияниям и сохранении культурного суверенитета.

Действующее российское законодательство в сфере культуры уже содержит мощный инструментарий для реализации этой государственной роли. Далее стоит обозначить ряд законов и иных актов, закрепляющих специальные нормы о культуре:

- Федеральный закон от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»;
- Федеральный закон от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»;
- Федеральный закон от 23 ноября 1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле»;
- Федеральный закон от 24 апреля 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ «О народных художественных промыслах»;
- Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 24 мая 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»;
- Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Основы государственной культурной политики»;
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года».

Весь этот обширный правовой пласт призван обеспечить всестороннее развитие и защиту культурного пространства. Однако динамика современных геополитических вызовов и интенсификация гибридных угроз¹ требуют постоянной адаптации и совершенствования этого законодательства. В частности, необходимо усиление правовых норм, касающихся защиты культурных ценностей от информационно-психологических атак, фейков и дискредитации², а также расширение правовых механизмов поддержки проектов, направленных на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей и патриотического воспитания, как в целом в обществе, так и военной организации государства³.

Реализация государственной культурной политики опирается на четкие принципы государственной поддержки, к которым относится: приоритетность сохранения и популяризации уникального культурного наследия России, включая исторические, языковые и этнические традиции; обеспечение равного доступа граждан к культурным благам и возможности

для творческой самореализации; поддержка проектов, способствующих укреплению гражданской идентичности, патриотизма, межнационального согласия и нравственного воспитания; стимулирование инноваций в культурной сфере, способствующих использованию современных технологий (включая ИИ) для продвижения и защиты национальных культурных ценностей, но с соблюдением этических и правовых границ; противодействие культурной экспансии и унификации, продвижение многополярности в мировом культурном пространстве; адресная поддержка деятелей культуры и искусства, чье творчество служит развитию отечественной культуры и соответствует национальным приоритетам.

Таким образом, государственная культурная политика в России – это не только комплекс правовых норм, но и стратегическая система действий, призванная обеспечить культурную безопасность, укрепить цивилизационный суверенитет и создать прочный фундамент для будущего развития страны.

¹ Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6(76). С. 233—237; Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]. М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023; Холиков И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6(323). С. 98—107; Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

² Войтова-Долгих Я.Н. Информационное противостояние Запада и России в интерпретациях Великой Отечественной войны // Теоретические и прикладные аспекты формирования информационного и правового пространства в современном мире : Материалы III Международной Российско-Казахской научно-практической конференции,

Краснодар, 31 октября 2019 г. / Отв. ред. Г.Ф. Гараева, М.Е. Бегларян, С.А. Сарина. Краснодар: ООО «Издательский Дом Юг», 2020. С. 177—180; Землин А.И., Колоколова Д.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции // Военное право. 2025. № 3(91). С. 13—17; Матвиенко Ю.А. Фейк как средство и технология информационного противоборства в цифровую эпоху // Информационные войны. 2022. № 3(63). С. 26—32; Ожерельева И.Г., Исаев Д.А. Информационно-психологическая война против Российской Федерации до начала и в ходе специальной военной операции на Украине // Военный академический журнал. 2023. № 1(37). С. 75—92; Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17—28.

³ Холиков И.В. Сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей как залог формирования правовой культуры военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7(324). С. 88—92; Корякин В.М. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — пусть к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 1(127). С. 2—11.

В условиях нарастающей турбулентности международных отношений и реформирования глобального миропорядка¹, культурные ценности России подвергаются беспрецедентному внешнему воздействию. Оно проявляется не только в прямых актах агрессии, но и в более тонких, гибридных формах, нацеленных на подрыв культурного суверенитета и дестабилизацию общества изнутри.

Одним из наиболее серьезных вызовов является культурная экспансия, ведущая к стандартизации и унификации, которая угрожает самобытности национальных культур. Эта экспансия часто проявляется через глобальное доминирование определенных медийных, развлекательных и идеологических продуктов, продвигающих универсалистские нарративы и ценности, чуждые российским традициям. Результатом такой гомогенизации становится размытие уникальных черт национальной идентичности, утрата смысловых ориентиров и ослабление культурного иммунитета общества. Для России, обладающей тысячелетней историей и уникальным цивилизационным кодом, противодействие этому процессу является стратегической задачей, требующей правовых и организационных мер по защите и продвижению собственной культурной повестки.

Особую остроту приобрело санкционное давление² в сфере культуры, которое стало неотъемлемой частью общей гибридной агрессии против России. Кампании по «отмене» русских деятелей искусства, запрет на выступления российских коллективов и исполнителей, а также полный или частичный запрет на распространение российских культурных продуктов — все это направлено на изоляцию России, подрыв ее культурных связей и дискредитацию ее цивилизационной миссии. Эта дискриминационная политика является прямым нарушением принципов

культурного обмена и свободы творчества, и требует адекватной, прежде всего, правовой реакции.

В этой связи критически важным становится развитие и применение эффективных правовых механизмов защиты от недобросовестной конкуренции в сфере культуры и информационной агрессии. К таким механизмам относятся:

— совершенствование законодательства о защите исторической памяти и противодействии фальсификации истории, включая ужесточение ответственности за публичное распространение заведомо ложных сведений о событиях, имевших место в период Второй мировой войны, и о ветеранах Великой Отечественной войны, а также за реабилитацию нацизма;

— разработка правовых норм, регулирующих деятельность цифровых платформ и социальных сетей, направленных на пресечение распространения деструктивного контента, дискредитирующего национальные культурные ценности, государственные символы и исторические достижения. Это включает механизмы блокировки, удаления информации и привлечения к ответственности;

— усиление правового регулирования деятельности иностранных агентов в культурной сфере, предусматривающее прозрачность их финансирования и отчетности, а также контроль за соответствием их деятельности национальным интересам России;

— совершенствование правовых инструментов для поддержки и продвижения отечественного культурного продукта на внутреннем и международном рынках, в том числе через систему государственного заказа, субсидий и налоговых льгот, обеспечивающих конкурентоспособность российской культуры;

— использование потенциала международного права, а также принципов госу-

¹ Белашенко Д.А., Сикираж Украинский В.В. кризис в современных международных отношениях: уровни влияния // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3(56). С. 29—43; Ермолович Г.П. Роль России как субъекта международного права в

изменяющихся международных отношениях // Закон. Право. Государство. 2022. № 4(36). С. 68—76.

² Морозова Д.Л. Культура в условиях санкций: экономические и правовые аспекты // Экономика и управление. 2022. № 28 (6). С. 549—562.

дарственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела, для отстаивания культурных прав России на мировой арене.

Таким образом, противодействие внешнему воздействию на культурные ценности требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию национального законодательства, активную государственную поддержку и развитие механизмов защиты информационного пространства от любых форм агрессии, направленных на подрыв культурного суверенитета.

Признание культурных ценностей фундаментальным элементом цивилизационного суверенитета и национальной безопасности неизбежно ведет к их интеграции в общую систему государственных приоритетов. Культура в данном контексте перестает быть изолированной сферой и органично вплетается в ткань всех ключевых направлений государственной деятельности, образуя с ними взаимозависимые связи.

Так, наблюдается неразрывная взаимосвязь культурных ценностей с образованием и воспитанием¹. Именно через систему образования происходит трансляция и интериоризация базовых культурных кодов, исторических знаний, нравственных норм и традиций. Формирование гражданской идентичности, патриотического сознания, уважения к истории и достижениям своей страны невозможно без глубокого погружения в национальное культурное наследие. Эта взаимосвязь также проявляется в развитии ответственности и дисциплины — качеств, воспитываемых через приобщение к ценностям

труда, служения Отечеству и взаимоуважения, которые являются неотъемлемой частью российской культуры.

Особое значение культурные ценности приобретают в контексте военной службы и обеспечения национальной безопасности. Патриотизм, мужество, верность присяге, готовность к самопожертвованию — эти качества, необходимые для защитника Отечества, глубоко укоренены в культурных архетипах и исторических примерах героизма русского народа². Воспитание военнослужащих на основе традиционных духовно-нравственных ценностей укрепляет их моральный дух, боевую сплоченность и повышает общую обороноспособность государства³. Даже в такой, казалось бы, сугубо прикладной сфере, как транспортная безопасность, культурные ценности играют значимую роль, формируя ответственное отношение к правилам, профессиональную этику и уважение к чужой собственности — всё это элементы, способствующие поддержанию порядка и безопасности в масштабах всей транспортной системы⁴.

В продвижении и защите национальных культурных кодов ключевую роль играют государственные и окологосударственные институты. Министерства культуры, образования, обороны, а также различные научные и образовательные учреждения, общественные организации — все они являются проводниками государственной культурной политики. В этом контексте военно-правовая наука, наряду с другими гуманитарными дисциплинами,

¹ Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: КноРус», 2021.

² Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. М.: КноРус, 2024.

³ Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М.: РГУПС, 2022.

⁴ Землин А.И., Холиков И.В. Правовая культура специалиста как фактор реализации государственной политики в сфере транспорта // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского / Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. М.: «Саратовский источник», 2021. С. 90—93.

несет особую миссию¹. Она исследует правовые основы защиты культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов, разрабатывает правовые механизмы противодействия культурной агрессии, а также формирует правовую культуру у военнослужащих и специалистов, обеспечивающих безопасность страны, что включает понимание значимости культурных ценностей как стратегического ресурса.

При этом одним из наиболее эффективных инструментов формирования устойчивого культурно-ценностного каркаса личности, способного противостоять внешним деструктивным воздействиям, является «непрерывное образование». Это не только система формального обучения, но и процесс постоянного саморазвития, включающий освоение новых знаний о культуре, истории, традициях, а также формирование критического мышления и медиаграмотности. Система непрерывного образования позволяет не только передавать культурное наследие, но и обновлять его, интегрировать в современный контекст, обеспечивая тем самым жизнеспособность и адаптивность национальной культуры в условиях быстро меняющегося мира.

Таким образом, культурные ценности пронизывают все сферы жизни общества и государства, выступая не просто дополнением, а системообразующим элементом национальных приоритетов, требующим комплексного и стратегического подхода к их сохранению и развитию.

Подводя итог изложенному, можно с уверенностью утверждать, что культурные ценности являются не просто атрибутом национальной идентичности, но и критически важным ресурсом, определяющим способность государства к выживанию и развитию в условиях нарастающих геополитических вызовов. В современном мире, где традиционные формы противо-

борства дополняются идейными и информационными войнами, культурные ценности выступают как мощнейший фактор консолидации общества и обеспечения его готовности к отражению любых угроз. Именно общность культурных кодов, разделяемые смыслы, язык и историческая память формируют нерушимый моральный дух нации, ее устойчивость к деструктивному внешнему воздействию и способность к мобилизации ресурсов для достижения национальных целей. В конечном счете, сохранение и приумножение национальных культурных ценностей — это не вопрос выбора, а императив для будущего России. Это залог ее цивилизационного суверенитета, способности самостоятельно определять свой путь развития, сохранять уникальную идентичность и быть сильным, самодостаточным игроком на мировой арене.

Список источников

1. Белащенко Д.А., Сикираж В.В. Украинский кризис в современных международных отношениях: уровни влияния // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 3(56). С. 29—43. DOI 10.20542/2073-4786-2022-3-29-43. EDN CRVUED.
2. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.
3. Войтова-Долгих Я.Н. Информационное противостояние Запада и России в интерпретациях Великой Отечественной войны // Теоретические и прикладные аспекты формирования информационного и правового пространства в современном мире : Материалы III Международной Российско-Казахской научно-практической конференции, Краснодар, 31 октября 2019 года / Отв. ред. Г.Ф. Гараева, М.Е. Бегларян, С.А. Сарина. Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2020. С. 177—180. EDN LDBAGW.
4. Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе

¹ Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права / И.В. Холиков, А.В. Дахин, А.Д. Куманьков [и др.] // Государство и право. 2024. № 6. С. 76—

92; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100—116.

подготовки специалистов в области юриспруденции. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021. 264 с.

5. Ермолович Г.П. Роль России как субъекта международного права в изменяющихся международных отношениях // Закон. Право. Государство. 2022. № 4(36). С. 68—76. EDN MOQINJ.

6. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6(76). С. 233—237. EDN SLNHFA.

7. Землин А.И., Колоколова Д.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях специальной военной операции // Военное право. 2025. № 3(91). С. 13—17. EDN DARBAZ.

8. Землин А.И., Холиков И.В. Правовая культура специалиста как фактор реализации государственной политики в сфере транспорта // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского / Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. Москва: Издательство "Саратовский источник", 2021. С. 90—93.

9. Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права / И. В. Холиков, А. В. Дахин, А. Д. Куманьков [и др.] // Государство и право. – 2024. – № 6. – С. 76-92. – DOI 10.31857/S1026945224060067. – EDN JPAPLN.

10. Корякин В.М. Стратегия социального развития Вооруженных Сил России — пусть к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2008. № 1(127). С. 2—11. EDN: IJQNRL

11. Матвиенко Ю.А. Фейк как средство и технология информационного противоборства в цифровую эпоху // Информационные войны. 2022. № 3(63). С. 26—32. EDN SIQXOY.

12. Морозова Д.Л. Культура в условиях санкций: экономические и правовые аспекты // Экономика и управление. 2022. 28 (6). С. 549—562.

13. Ожерельева И.Г., Исаев Д.А. Информационно-психологическая война против Российской Федерации до начала и в ходе специальной военной операции на Украине // Военный академический журнал. 2023. № 1(37). С. 75—92. EDN OQXGDG.

14. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н.В. Березина, И.Я. Богданов, Н.М. Великая [и др.]. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2023. 549 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023. EDN ORTSAQ.

15. Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17—28. EDN WCHRBA.

16. Традиционные российские духовно-нравственные ценности в контексте формирования правовой культуры военнослужащих: социально-философский и системно-правовой аспекты / П.В. Петрий, А.И. Землин, О.М. Землина, А.Н. Каньшин. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2024. 432 с. EDN VIYZOQ.

17. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100—116. DOI 10.31857/S1026945224010101. EDN LQLFNW.

18. Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права". Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 7—14. EDN QSCSGC.

19. Холиков И.В. Современные военные угрозы: динамика трансформации и способы противодействия // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 6(323). С. 98—107. EDN IDUBPL.

20. Холиков И.В. Сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей как залог формирования правовой культуры военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7(324). С. 88—92.

21. Шишко А.А., Холиков И.В. Становление международно-правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Военное право. 2021. № 6(70). С. 326—334. EDN WARKII.

Government Policy on the Preservation of Cultural Values as the Foundation of Russia's Civilizational Sovereignty: a Legal Dimension

© Zemlin A. I.,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Human Rights, Russian State Social University

Abstract. The article presents a systemic analysis of the domestic regulatory framework governing the cultural sphere, identifying its key aspects aimed at shaping and maintaining a sustainable societal value system. Particular attention is devoted to identifying threats, such as information-psychological operations, cultural expansion, and attempts to "cancel" Russian culture. The role of the state is underlined as the primary guarantor and architect of a sovereign cultural policy, capable of ensuring societal cohesion and its resistance to external challenges.

Keywords: cultural values, state policy, civilizational sovereignty, national security, legal regulation, information threats, cultural security.

For citation: Zemlin A.I. Government Policy on the Preservation of Cultural Values as the Foundation of Russia's Civilizational Sovereignty: A Legal Dimension // Military Law. 2025. No. 5. P. 7—14.

The article was received by the editorial office on August 29. 2025.

Теория и история военного права

Становление гарнизонных органов военного управления в России и правовое оформление их полномочий

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
Северо-западный институт управления
Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

Аннотация. В статье проведен ретроспективный анализ становления и трансформации органов военного управления местного уровня, проведен анализ правового регулирования определения компетенций начальников гарнизона и военных комендантов в период с XVII в. до окончания Великой Отечественной войны. Автор описывает процесс выделения из состава русской армии специальных воинских формирований, предназначенных для охраны и обороны городов, крепостей, укрепленных районов, делается вывод о наделении руководителей подобных воинских формирований полномочиями, выходящими за пределы сугубо воинской деятельности. Кроме того, начальники гарнизонов и органов местного военного управления получали ограниченную власть над воинскими формированиями и военнослужащими, дислоцированными в гарнизоне, тем самым вторгаясь в иерархичность и централизацию военного управления.

Ключевые слова: орган военного управления, начальник гарнизона, единоначалие, военный комендант, местное военное управление, воинские должностные лица, компетенция органа власти, гарнизонная администрация, правовое регулирование, двойное подчинение

Для цитирования: Глухов Е.А. Становление гарнизонных органов военного управления в России и правовое оформление их полномочий // Военное право. 2025. № 5. С. 15—25.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2025 г.

В Толковом словаре слово «гарнизон» приводится в двух значениях:

— как войско, назначенное для пребывания в определенной крепости, городе, местечке;

— команда внутренней стражи, вообще не числящаяся в полевых войсках¹.

В словаре иностранных слов гарнизон (от франц. Garnison — снаряжать, защищать) определяется как часть войска, защищающая города и крепости в военное время, а в мирное — несущая караулы в охраняемом городе (крепости), а также охраняющая общественное спокойствие².

Таким образом, изначально гарнизонные войска в противовес регулярным полевым войскам действующей армии понимались как хоть и воинские подразделения, однако не предназначенные для ведения маневровой войны, не предназначенные для участия в походах и наступательных операциях. Так, например, после бунта 1682 г. часть стрельцов была послана в окраинные крепости «на вечное житье». В результате некоторые стрелецкие полки были закреплены за конкретными крепостями и городами и несли службу без права ротации³.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М.: РИПОЛ классик, 2006.

² Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Составитель М.

Попов. Изд. третье. М.: Изд-во И.Д. Сытина. 1907. С. 87.

³ Рабинович М.Д. Полки петровской армии // Труды Государственного ордена Ленина исторического музея. М.: Советская Россия, 1977. С. 15.

Гарнизонные войска дислоцировались, главным образом, внутри крепостей и городов в целях их защиты и обороны, были к ним «привязаны», хотя и могли выделять личный состав для охраны иных близлежащих объектов. Например, В.Д. Пузанов пишет, что гарнизон Тобольска, насчитывающий порядка 2 тыс. человек, периодически направлял отряды в другие города, остроги и уезды сроком по одному году¹.

Следовательно, с противником они сталкивались только, когда сам противник наступал на гарнизон, пытался захватить охраняемые объекты.

В крупных городах в середине XVI в. появляются должности городских приказчиков, в чьи обязанности входило строительство и укрепление городских укреплений, производство и хранение оружия, боеприпасов. Постепенно в их ведение входила и охрана правопорядка.

В результате административной реформы в 1699 г. прежние российские уезды стали именоваться провинциями, в декабре 1708 г. образованы первые 8 губерний. Население провинции комплектовало или содержало полк солдат, поэтому многие полки именовались по тому городу или местности, где они дислоцировались изначально.

Параллельно завершался переход от стрелецкого войска к полкам нового строя. В мирное время стрельцы выполняли не только ратную службу, но и полицейские и пожарные обязанности, части регулярной армии нового строя хоть и привлекаются к подобным функциям, но в меньшем объеме.

В 1710 г. вышел один из первых указов Петра I, касавшихся категории военнослужащих, утративших возможность «служить в поле и море», но продолжавших числиться по военному ведомству:

«Престарелых и раненых и увечных офицеров, урядников и солдат пересмотреть в военном приказе и годных разослать по губерниям, а негодных к посылке отослать в Московские богадельни»².

В том же году должности руководителей провинций — воевод были ликвидированы, взамен введены должности комендантов (в крупных городах обер-комендантов). Обер-коменданты были старшими по отношению к комендантам, но отношения между этими должностными лицами мало выяснены.

15 февраля 1712 г. был издан царский указ, регламентировавший подчинение комендантов губернаторам: «... в губерниях генерал-губернаторам и губернаторам в города комендантов выбирать, по своему рассмотрению, годных и умных людей»³. При этом списки комендантов предписывалось отправлять в Сенат.

С 1715 г. обер-комендантов и комендантов оставили только в городах и крепостях, где имелись воинские гарнизоны, в остальных городах их должности были упразднены вовсе. В ведении военных комендантов находилась гауптвахта, где содержались подследственные и арестанты, производились дознание по воинским преступлениям.

Нормативных документов, устанавливающих круг компетенций комендантов и обер-комендантов, до настоящего времени не обнаружено, за исключением нескольких кратких царских инструкций при вступлении очередного коменданта в должность. В общем плане и по традиции указанные воинские должностные лица исполняли обязанности, прежде возложенные на воевод⁴, но теперь у них под рукой всегда были регулярные войска. По мнению Н.Р. Славнитского коменданты являлись начальниками гарнизонов крепостей, а обер-коменданты — это воена-

¹ Пузанов В.Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 43—47.

² Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. № 2249. С. 476.

³ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. № 2484. Т. 4. С. 805.

⁴ Редин Д.А. Первые уроки Остзее: рецепция административных практик прибалтийских провинций при Петре Великом // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 6—15.

чальники и одновременно администраторы, в подчинении которых находились как гарнизонные, так и армейские полки¹.

В разное время численность гарнизонных войск менялась, но, судя по Шта-там кавалерийских и пехотных полков с расположением оных по губерниям², из 85 существовавших по состоянию на 1710 г. полков почти половина (42) числились полевыми и 43 — гарнизонными.

На гарнизонные войска в России по-началу возлагались функции обеспечения внутреннего порядка в регионе дислоцирования, резерва для полевой армии, а также выполнение функции запасных войск³. Исходя из боевого предназначения гарнизонных войск, их комплектование в большей степени, нежели чем в действующей армии, осуществлялось за счет лиц, имеющих ограниченную годность или даже негодность к военной службе по состоянию здоровья. При императоре Петре I солдат, потерявший силы на службе, находил себе приют в монастыре или в гарнизонном полку.

Кроме того, как пишет Н. Морозов, в гарнизонные батальоны зачастую переводились офицеры за проступки из полевых частей⁴. Как следствие, оклады жалования личного состава гарнизонных полков были меньше, нежели армейских. Офицеры гарнизонных полков Киевской, Азовской и Санкт-Петербургской губерний получали жалование 2/3 от жалования соответствующих чинов армейских полков, в остальных губерниях — 1/2 армейских окладов⁵.

Поскольку основным видом планируемых боевых действий гарнизонных войск была оборона, то и оснащение их оружием, подготовка войск были также рассчитаны на позиционную оборону. Воинские начальники гарнизонов осуществляли не только сугубо воинские функции, занимались административной, судебной работой, руководили ремонтными работами и обучением в гарнизонных школах, исполняли обязанности администрации мест исполнения наказаний для осужденных младших чинов. Гарнизонные офицеры могли совмещать функции чиновников в тех губерниях, где служили, а солдаты были резервом рабочей силы и могли служить как для ремонта крепостей, так и для конвоирования, а также работ, не связанных с гарнизонной службой⁶.

Проводимые первым Императором российским административные реформы также учитывали наличие или отсутствие в данной местности гарнизонов. В частности, Указом от 28 января 1715 г.⁷ предусматривалось отделение гражданского управления от военного на местном уровне⁸, но только там, где не имелось воинских гарнизонов, обер-комендантов и комендантов гарнизонов. Губернаторы также участвовали в военном управлении в возглавляемом регионе, ему поручались

¹ Славнитский Н. Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2(18). С. 50—59.

² Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2319. С. 590—593.

³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат. 1958. С. 46.

⁴ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада. Вильна: Электротипография «Русский почин», 1909. С. 1—47.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. 1649—1825 гг. : в 45 т. СПб. 1830. Т. 43, ч. 1. Кн. III.

⁶ Назаренко В. Н. Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (на примере Киевского гарнизона) // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2015. № 2(197). С. 46—52.

⁷ Именной Указ от 28 января (8 февраля) 1715 г. «О жалованье губернаторам, вице-губернаторам и прочим чинам и о взимании на Канцелярии от решений гражданских дел пошлины» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. С-Пб, 1830. Т. 5. № 2879. С. 138—140.

⁸ Ананьев Д. А. Служилые люди в системе местного управления Сибири (первая половина XVIII в.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4(17). С. 29—33.

все гарнизоны, он заботился о расквартировании войск и наблюдал за рекрутскими наборами¹.

Как отмечалось выше, гарнизонные войска являлись по сути тыловыми, не относились к полевой действующей армии и были предназначены для несения гарнизонной и внутренней службы, охраны, обороны охраняемых объектов (крепостей, городов, портов) и подготовки рекрутов для полевых войск. В гарнизонах числились военные школы для солдатских детей, из которых готовили нижних чинов для армии. Военно-административной единицей гарнизонных войск были то полк, то отдельный батальон, то снова полк.

17 января 1811 г. на базе ряда воинских частей гарнизонных войск были созданы войска внутренней стражи. Они состояли из губернских батальонов, входящих в бригады, а те, в свою очередь, — в округа внутренней стражи. С 1816 г. все войска внутренней стражи объединены в отдельный корпус внутренней стражи. Согласно Положению для внутренней стражи главным предназначением нового рода войск была не защита от внешнего врага, а правоохранительная служба (поимка, преследование и разбойников, поиск дезертиров, содействие в сборе налогов, сопровождения рекрутов, арестантов и пленных, охрана тюрем и т.п.).

Как с огорчением писал А. Шеманский, «В русской армии после войн 1812—1814 годов часто «хромала» именно прямая подготовка к бою: маневры, полевая служба, тактические занятия. Все же, что лишь косвенно относилось к боевому воспитанию войск (парады, смотры, внутренняя и гарнизонная служба, внешний вид и форма одежды), налажено было прочно»².

Практиковавшаяся в войсках муштра и смещение акцентов с боевой

подготовки на внешнюю красоту строя сказались на неудачах в период Крымской войны. Касательно же гарнизонной службы, интересно отметить, что именно с началом Крымской войны в городе Севастополе появился такой воинский начальник как начальник гарнизона (генерал-лейтенант Ф.Ф. фон Моллер), о чем он и издал приказ от 4 октября 1853 г. № 1. Этим приказом он также уведомил находящимся в Севастополе воинским начальникам не подчиненной ему дивизии о вступлении в исполнение обязанностей, а также о том, что перечисленные в его приказе воинские формирования подчиняются ему «по наружной распорядительной части, сколько сие необходимо для соблюдения порядка и движения»³.

Из приказов того же должностного лица от 7 октября 1853 г. № 3⁴ и от 18 апреля 1854 г. № 9⁵ следует, что приказы воинским формированиям гарнизона отдавали кроме собственных их командиров также военный губернатор, комендант гарнизона и главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму, о чем сам начальник гарнизона знал не всегда.

Приказом по Севастопольскому гарнизону от 13 сентября 1854 г. № 28⁶ город Севастополь был объявлен состоящим на осадном положении. Из анализа приказов по Севастопольскому гарнизону 1853—1855 годов следует, что указанными правовыми актами, главным образом, регламентируются вопросы медицинского обеспечения, провианта для войск, войскового хозяйства, прикомандирования военнослужащих их награждения, возложения внештатных обязанностей, составления отчетной документации, доведения до войск распоряжений старших начальников, переговоров с неприятелем. Приказы относительно установления собственно порядка ведения боевых действий

¹ Долгов Е.Б. Казанский губернатор Александр Волконский // Эхо веков. 2020. № 1. С. 104—111.

² Шеманский А. «Зимние» тактические занятия с офицерами // Русский Инвалид. 1907. № 229.

³ Приказ по Севастопольскому гарнизону от 4 октября 1853 г. № 1 // Приказы по гарнизону г. Сева-

стополя : 1853—1855 гг. Сборник документов / Составитель А.В. Ефимов. М.: Институт Наследия, 2022. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 32.

были единичны, зато имеется множество приказов по итогам боевых действий с их оценкой.

Поражение в Крымской войне заставило переосмыслить причины неудач и реформировать структуру военной организации государства. Воинскими уставами того времени было нормативно установлено деление регулярной армии по роду службы и назначению: на полевые, крепостные, резервные, запасные, местные части и команды вспомогательного назначения.

Гарнизонные, крепостные войска, местные команды подчинялись кроме своего военного начальства также генерал-губернаторам и могли применяться в интересах охраны правопорядка, сопровождения арестантов и грузов.

В целях децентрализации власти военного министерства в 1862—1864 годах страну поделили на 15 военных округов, начальники военных округов зависели непосредственно от царя, который и возглавлял верховное командование. На территории военного округа вся полнота власти теперь сосредоточилась в руках Главного начальника округа (командующего), при котором существовало военно-окружное управление¹. Ему подчинялись все расположенные в округе воинские части и военные учреждения. Губернии и области, объявленные на военном положении, поступали в полное подчинение командующему войсками².

В 1864 г. в результате военной реформы Отдельный корпус внутренней стражи был упразднен, взамен были созданы местные войска. Так, Высочайшим указом от 6 августа 1864 г. было принято Положение об управлении местными войсками военного округа. К местным войскам были отнесены: резервные пехотные, стрелковые и саперные батальоны, резервные кавалерийские и артиллерийские

бригады; крепостные полки, батальоны и команды, составлявшие постоянные гарнизоны крепостей, а также крепостная и гарнизонная артиллерия; инженерные команды и дистанции, мастеровые команды, военно-рабочие и военно-арестантские роты инженерного ведомства; госпитальные роты (бывшие подвижные инвалидные) в военных госпиталях; губернские батальоны и уездные команды, осуществляющие несение гарнизонной службы и охранение внутреннего порядка в губерниях и уездах; этапные команды, предназначенные для конвоирования пересыльных.

Гарнизонные войска в 1869—1870 годах также были преобразованы в местные войска.

В соответствии со ст. 1 кн. 2 ч. 1 Свода военных постановлений военные округа, за исключением Приамурского, в отношении ведения управления уездных воинских начальников и управления местными и конвойными командами и военнотюремными заведениями, кроме расположенных в крепостях, делятся на бригадные районы, согласно особому расписанию. Начальник местной бригады назначается на должность Высочайшим Приказом и подчиняется непосредственно главному начальнику военного округа³.

Расположенные на окраинах (Оренбург, Сибирь, Кавказ), армейские корпуса представляли собой не столько войсковую единицу, сколько административный орган. Командиры данных корпусов были одновременно и военными, и гражданскими начальниками местного края⁴. Исключительное организационно-правовое положение указанных корпусов определяло их автономность от Военного министерства. Из шести армейских корпусов,

¹ Свод военных постановлений РИ 1869 г. 3-е изд. Ч. 1, кн. 2. Ст. 2.

² Свод военных постановлений РИ 1869 г. 3-е изд. Ч. 1, кн. 2. Ст. 6.

³ Свод военных постановлений Российской Империи 1869г. Кн. 3. Изд. 1907 г. С.9-11.

⁴ Глухов Е.А. Трансформация военной службы и формирование военно-бюрократического аппарата в дореволюционной России // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 11(256). С. 10—22.

не входивших в состав Действующей армии, военному министру подчинялись только два¹.

Положением об управлении местными войсками военного округа была введена должность начальника местных войск². Начальнику местных войск военного округа через губернских воинских начальников подчинялись кроме собственно местных команд и губернских батальонов еще казачьи полки и команды, не причисленные к частям полевых войск. По объему власти он приравнивался к начальнику дивизии и одновременно исполнял должность инспектора военных госпиталей, надзиравшего за их общим, прежде всего хозяйственным, благоустройством³. У сего начальника имеется подчиненный аппарат (штаб).

Расширение Российской империи на восток путем снаряжения казачьих отрядов и установления местных администраций на новых территориях приводило к тому, что большинство дальневосточных поселений основывалось как военные посты. С тем лишь отличием, что если в Сибири торговые и жилые постройки концентрировались внутри крепостей (острогов), то в Приморье, например, гарнизоны и гражданские кварталы существовали хоть и поблизости, но более автономно⁴ и разрозненно.

Коменданты по-прежнему назначались не во всех местностях, а лишь в некоторых городах и военных крепостях. В их подчинении имелся свой аппарат управления, по утвержденному штату. Именно им вменялось в обязанность наблюдать за несением караульной и гарнизонной службы, а также учет временно прибывших в подведомственный гарнизон военнослужащих. Кроме того, они ежегодно инспектировали служащих полицейских и

пожарных команд. О слиянии правоохранительной и военной функций комендантов свидетельствует их обязанность содействовать местным властям в городе во всем, что относится может к сохранению благоустройства и взаимного порядка между воинскими чинами и обывателями (п. 135 кн. 3 ч. 1 Свода военных постановлений). В местностях, где военные коменданты не назначались, вышеуказанные обязанности возлагались на губернских воинских начальников.

В крепостях комендант отвечал за спокойствие гарнизона и обывателей, он имел право давать разрешение на проход в крепости или отдельные здания внутри нее посторонних лиц. Без ведома комендантов ни какая постройка (общественная или частная) в крепости проводиться не должны. Еще более тоталитарны полномочия коменданта относительно вторжения в частную жизнь личного состава крепости и проживающих внутри нее и в ближайших окрестностях гражданских лиц: он был обязан иметь точные сведения об их образе мыслей и духа (п. 152 кн. 3 ч. 1 Свода военных постановлений). В периоды военного или осадного положения крепости права коменданта еще более возрастали.

Коменданты подчинялись Главным начальникам военных округов, а также военным губернаторам или начальникам областей на Кавказе (если таковые управляли данной местностью). Еще более сложным было положение комендантов императорских резиденций, которые кроме того были зависимы еще и от Министерства императорского двора.

Местное военное управление на Кавказе, в Оренбургском крае, в Сибири и в Туркестанском военном округе имело свои отличительные особенности. Так,

¹ Дусеев М.И. Состояние русской армии накануне Крымской войны 1853—1856 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1948. С. 142.

² Положения об управлении местными войсками и их штаты / Пр.в.м. от 13.08.1864 № 241. 54 с.

³ Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862—1918. М.: Центрполиграф, 2012.

⁴ Иванова А.П. Имперский проект: «гарнизонная архитектура» и монументальная скульптура // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2008. Т. 1. С. 395—401.

начальники некоторых Кавказских областей соединяли в себе функции гражданского и военного управления. Начальнику местных войск Закавказского края были подчинены воинские начальники полевой армии. В местностях Урала и Сибири управление местными войсками было вверено начальникам штабов военных округов.

Как отмечает М.А. Исаев, влияние генерал-губернаторов на военную деятельность было весьма значительным. В частности, в целях обеспечения внутренней безопасности генерал-губернатор имел возможность довольно широко распоряжаться общими полицейскими силами губернии и воинскими подразделениями, расквартированными в регионе¹.

Таким образом, вместо единой стройной иерархичной системы управления войсками имело место вторжение в компетенцию строевых начальников со стороны нескольких высших должностных лиц, никаким образом не связанных друг с другом, и по-своему понимавших пользу и интерес применения местных войск. Пестрота в организации управления приводила к тому, что поступающие приказы не были взаимосвязаны и могли противоречить друг другу либо приводить к затруднению их взаимного исполнения. Сами же командиры на местах были поставлены в затруднительное положение, поскольку наделённых полномочиями командовать должностных лиц было очень много, их полномочия не имели четкого разграничения, а приоритетность выполнения задач была неопределенной.

Одним из основных факторов разложения воинской дисциплины, снижения боеспособности Российской императорской армии в период революции явился знаменитый приказ Петроградского совета от 17 марта 1917 г. № 1 по гарнизону Петроградского округа, отменивший единоначалие и чинопочитание в воинских частях, послуживший основанием изгнания и даже самосуда над офицерами. В

дальнейшем эти разлагающие армию новшества распространились на иные военные гарнизоны.

В начале 20-х годов прошлого столетия в России началось строительство укрепленных районов — системы долговременных укреплений вблизи государственных границ, которые должны были обеспечивать длительное сопротивление в них обороняющихся специальных гарнизонов и общевойсковых частей (соединений). Эти воинские формирования составляли гарнизон войск укрепленного района. В отличие от крепостей укрепленный район имел открытый тыл и имел оборонительные сооружения только на направлениях потенциальной угрозы нападения противника.

Согласно п. 1 Устава гарнизонной службы Красной Армии² войсковые части, штабы, управления и учреждения Красной Армии, Военно-Морского Флота и войска НКВД, расквартированные в населенном пункте, составляют его гарнизон. Тот же Устав предписывал, что в каждом гарнизоне старший из «войсковых начальников по должности, а при равных должностях старший по званию назначается начальником гарнизона (п. 2). Начальники гарнизонов назначаются приказом командующего войсками округа (фронта, армии, флота и флотилии), которому они непосредственно и подчиняются. О вступлении в исполнение своих обязанностей начальник гарнизона объявляет в приказе по гарнизону (п. 3). Стало быть, Устав закреплял положение о том, что должность начальника гарнизона была внештатной, исполняемой сверх должности командира воинской части (соединения).

На начальника гарнизона возлагалось: следить за сохранением воинской дисциплины и общего порядка в гарнизоне; наблюдать за точным несением службы гарнизонными караулами и за правильным содержанием арестованных на гауптвахтах; производить размещение

¹ Исаев М.А. История Российского государства и права: учебник / МГИМО (Университет) МИД России. М.: Статут, 2012.

² Утвержден Приказом Народного Комиссара Обороны СССР от 24 января 1941 г. №40.

воинских формирований, прибывающих в гарнизон на постоянное или временное расквартирование; устанавливать порядок пользования между частями войск общегарнизонными учебными полями, манежами, стрельбищами, местами купания и т.п.; выделять в необходимых случаях войска для борьбы со стихийными бедствиями; определять порядок сбора и действий войск гарнизона по тревоге.

Тот же Устав вводил должность начальника гарнизона на железной дороге, но не определял порядка его назначения, временного промежутка функционирования и вступления в исполнение обязанностей (п. 17).

Во время Великой Отечественной войны командирам воинских частей (соединений) Красной Армии, назначенным начальниками гарнизонов, зачастую поручалось организация обороны территории гарнизонов, координация деятельности расположенных в нем войск (сил). Интересно отметить, что начальником Ленинградского гарнизона о одновременно командующим войсками внутренней обороны Ленинграда был назначен бывший командующий 42 армии генерал-лейтенант Ф.С. Иванов, а его заместителем был назначен комбриг А.П. Курлыкин, представляющий войска НКВД.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»¹ устанавливал: «В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов – высшему командованию войсковых соединений». Указ предоставлял военным властям следующие права: привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны важнейших объектов, для участия в борьбе с

пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями; устанавливать военно-квартирную обязанность для расквартирования воинских частей и учреждений, а также объявлять трудовую и авто-гужевую повинность для военных надобностей; производить изъятие транспортных средств и иного необходимого для нужд обороны имущества; регулировать время работы учреждений и предприятий, организацию всякого рода собраний и шествий, запрещать гражданам появление на улице после определенного времени, ограничивать уличное движение, а также производить в необходимых случаях обыски и задержания подозрительных лиц; регулировать торговлю и работу торговых организаций, коммунальных предприятий, устанавливать нормы отпуска населению продовольственных и промышленных товаров; воспрепятствовать въезду и выезду, а также выселять в административном порядке лиц, признанных социально опасными.

А поскольку указанные выше полномочия военные советы зачастую возлагали на начальников местных гарнизонов и военных комендатур, то указанные органы обладали большими властными полномочиями за пределами военной организации, вбирая в себя функции органов исполнительной власти.

Именно приказом начальника Московского гарнизона на территории города Москвы были установлены допустимые временные режимы работы предприятий и организаций, установлены запреты на въезд лиц, не прописанных в столице, запрещены фото- и киносъемка без специального на то разрешения².

В действующей армии начальники гарнизонов были обязаны отправлять в штрафные воинские части осужденных военными трибуналами военнослужащих, если командование последних находилось не в данной местности. Если срок пребывания в штрафной части не определен в

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — 1961 г. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1961. С. 418.

² Приказ начальника гарнизона г. Москвы от 25 июня 1941 г. № 1 «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Москве» // Вечерняя Москва. 1941. 26 июня.

судебном приговоре, то он устанавливается приказом командира войсковой части, в которой находится осужденный (или начальника гарнизона), сообразуясь с назначенной военным трибуналом мерой наказания¹. В дальнейшем право направлять в штрафные части действующей армии всех задержанных дезертиров сержантского и рядового состава, бежавших из частей действующей армии было предоставлено начальникам гарнизонов без предварительного судебного процедуры².

Начальники гарнизонов и военные коменданты гарнизонов назначались на занятых у противника территориях и городах. Они организовывали комендантскую и гарнизонную службу, восстанавливали работы местной администрации с учетом интересов Красной Армии, принимали меры к поиску и задержанию военнослужащих и партийных чиновников противника, принимали меры к восстановлению работы организаций промышленности, торговли и транспорта. Так, одним из первых приказов начальника гарнизона г. Берлина был приказ от 2 мая 1945 г. о восстановлении в городе органов здравоохранения и улучшении санитарно-эпидемиологического состояния³.

По данным исследователей по состоянию на 10 марта 1945 г. у нас (на территории Европейских стран, освобожденных Красной Армией) было создано 421 военная комендатура с 12 088 штатными единицами⁴.

Подводя итог, следует кратко обозначить краткие выводы:

1. На структуру военной организации влияют экономические возможности

государства, средства вооруженной борьбы, военные угрозы, представления военной элиты о методах боевых действий и др. С изменением любого из указанных факторов должны изменяться и структуры воинских формирований⁵.

2. В исторической ретроспективе гарнизон был собственно воинским формированием только применительно к крепостям и укрепленным районам. В остальных случаях гарнизон обозначал местность, на которой постоянно дислоцировались или временно находились воинские формирования и на которую распространялась власть одного местного военного начальника.

3. Гарнизонная служба — это служба оборонительного характера, поэтому решающее значение для нее имели различного рода укрепленные сооружения, а также правильная организация тылового обеспечения.

4. С середины XVIII в. неотъемлемым признаком гарнизонной службы стали военные коменданты и возглавляемые ими военные комендатуры.

5. В отличие от воинских формирований полевой армии гарнизонные органы военного управления создавались именно по территориальному принципу⁶ и не были предназначены для перемещений вместе с различного рода маневрами войск гарнизона.

6. Приказы по гарнизону имели больший охват субъектов управления: они касались как воинских формирований, штатно дислоцированных в гарнизоне, так и временно находящихся там формирований, и отдельных военнослужащих, а также находящихся там гражданских лиц.

¹ Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР от 16 октября 1942 г. № 323 «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны» // РГВА, ф. 4, оп. 12, д. 106, л. 106—108.

² Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР от 21 августа 1943 г. № 0413 «О предоставлении права командирам частей и соединений направлять своей властью, без суда в штрафные роты лиц сержантского и рядового состава, провинившихся в совершении некоторых видов преступлений» // РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 76, л. 165—166.

³ Лысенков С.Г. Органы военного управления и их полномочия в период Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 567—615.

⁴ Лавренев С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М.: Издательство АСТ, 2000.

⁵ Глухов Е.А. Концепция административно-правового реформирования деятельности органов военного управления // Военное право. 2023. № 2(78). С. 49—61.

⁶ Глухов Е. А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1(77). С. 83—92.

Данными приказами регламентировались кроме собственно вопросов воинской жизнедеятельности также вопросы охраны общественного порядка, права и обязанности находящихся на территории гарнизона гражданских лиц.

7. Правовое регулирование функционирования органов военного управления гарнизонов традиционно было фрагментарным, а права военачальников в ракурсе гарнизонной службы приобретались ими за счет вторжения в компетенцию командиров штатных воинских формирований.

8. Органы гарнизонного военного управления сочетали в своей компетенции и военную, и правоохранительную деятельность на вверенной территории. В современном понимании наличие у администрации гарнизонов права на применение мер административного принуждения, в том числе на использование оружия¹ свидетельствует о правоохранительной составляющей данного вида деятельности.

Список источников

1. Ананьев Д.А. Служилые люди в системе местного управления Сибири (первая половина XVIII в.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4(17). С. 29—33.
2. Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862—1918. Москва: Центрполиграф, 2012. 463 с.
3. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Москва: Воениздат, 1958. 645 с.
4. Глухов Е.А. Трансформация военной службы и формирование военно-бюрократического аппарата в дореволюционной России // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 11(256). С. 10—22.
5. Глухов Е.А. Территориальные органы военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1(77). С. 83—92.
6. Глухов Е.А. Концепция административно-правового реформирования деятельности органов военного управления // Военное право. 2023. № 2(78). С. 49—61.
7. Долгов Е.Б. Казанский губернатор Александр Волконский // Эхо веков. 2020. № 1. С. 104—111.
8. Дусеев М.И. Состояние русской армии накануне Крымской войны 1853—1856 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1948.
9. Иванова А.П. Имперский проект: «гарнизонная архитектура» и монументальная скульптура // Новые идеи нового века : материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. 2008. Т. 1. С. 395—401.
10. Исаев М.А. История Российского государства и права : учебник / МГИМО (Университет) МИД России. Москва: Статут, 2012. 840 с.
11. Лысенков С.Г. Органы военного управления и их полномочия в период Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 567—615.
12. Лавренев С. Я., Попов И. М. Крах Третьего рейха. Москва: Издательство АСТ, 2000. 608 с.
13. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада. Вильна: Электротипография «Русский почин», 1909.
14. Назаренко В.Н. Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (на примере Киевского гарнизона) // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2015. № 2(197). С. 46—52.
15. Приказы по гарнизону г. Севастополя : 1853—1855 гг. Сборник документов / Составитель А.В. Ефимов. Москва: Институт Наследия, 2022. 260 с.
16. Пузанов В.Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 43—47.
17. Рабинович М.Д. Полки петровской армии // Труды Государственного ордена Ленина исторического музея. Москва: Советская Россия, 1977. 57 с.
18. Редин Д.А. Первые уроки Остзее: рецепция административных практик прибалтийских провинций при Петре Великом // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 6—15.
19. Славнитский Н.Р. Функции комендантов и обер-комендантов крепостей в годы Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2(18). С. 50—59.
20. Чаннов С. Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. 2016. № 11(239). С. 64—71.

¹ Чаннов С.Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. 2016. № 11(239). С. 64—71.

The formation of garrison military authorities in Russia and the legal formalization of their powers

© Glukhov E.A.,

Candidate of Law, Associate Professor, North-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Abstract. The article provides a retrospective analysis of the formation and transformation of local-level military authorities, as well as an analysis of the legal regulation of determining the competencies of garrison chiefs and military commandants in the period from the 17th century to the end of the Great Patriotic War. The author describes the process of separating special military formations from the Russian army, designed to protect and defend cities, fortresses, and fortified areas, and concludes that the leaders of such military formations are given powers beyond purely military activities. In addition, the heads of garrisons and local military authorities received limited authority over military formations and military personnel stationed in the garrison, thereby encroaching on the hierarchy and centralization of military administration.

Keywords: military administration body, garrison chief, unity of command, military commandant, local military administration, military officials, authority authority, garrison administration, legal regulation, dual subordination

For citation: Glukhov E.A. The Formation of Garrison Military Management Bodies in Russia and the Legal Formalization of their Powers // Military law. 2025. No. 5. pp. 15-25.

The article was received by the editorial office on July 31, 2025.

Возвращаясь к вопросу о месте и «статусе» военного законодательства в системе законодательства России

© Тарадонов Сергей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории
государства и права ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье исследуется категория «военное законодательство». На основе системно-правового и либертарно-правового подходов предпринимается попытка определить место и «статус» военного законодательства в системе российского правового регулирования. Предлагается авторская концепция в отношении понятия, структуры и сущности системы военного законодательства как комплексного нормативного массива.

Ключевые слова: военное право; источники военного права; военное законодательство; система военного законодательства; комплексная отрасль законодательства; комплексный нормативный законодательный массив.

Для цитирования: Тарадонов С.В. Возвращаясь к вопросу о месте и «статусе» военного законодательства в системе законодательства России // Военное право. 2025. № 5. С. 26—34.

Статья поступила в редакцию 7 августа 2025 г.

Военное право является действующей отраслью российского права. Относящиеся к этой отрасли властные предписания, включенные в многочисленные отрасли государственного управления, относящиеся к военной деятельности, позволяют комплексно обеспечить функционирование военной организации и военное строительство.

В теории права под системой законодательства понимается совокупность взаимосвязанных между собой элементов: правовые предписания, нормативные правовые акты, институты и подотрасли военного законодательства в их неразрывной взаимосвязи. Вместе с тем, упомянутый в приведенном выше подходе к системе законодательства перечень таких элементов является не полным. В теории права в структуре системы законодательства также выделяют и так называемые комплексные образования законодательства разного уровня.

Современные представления о праве в большей степени тяготеют к либертарно-правовой теории, и системно-правовая теория испытывает на себе это влияние. Основоположником либертарной теории права В.С. Нерсисянцом, в частности, отмечалось, что «нормотворческий процесс и соответствующие нормативно-правовые акты по своему отраслевому профилю нередко выходят за рамки отраслей системы права, в результате чего складываются законодательные комплексы и массивы»¹.

В то же время очень часто группа отраслей (либо подотраслей) законодательства образует более широкую подсистему законодательства — отраслевой законодательный массив. Массив охватывает совокупность нормативных актов, регулирующих столь широкий и разнородный круг общественных отношений, что для управления им необходимо наличие ряда находящихся на одном уровне и не связанных иерархической зависимостью актов.

¹ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М.: ИНФРА-М., 2024. С. 445—446.

Законодательные массивы имманентно базируются преимущественно на предметных связях между входящими в них законами и подзаконными актами в тех случаях, когда в один комплекс сводятся отрасли (подотрасли) законодательства, адекватные ряду смежных однородных отраслей права.

Примером такого нормативного массива, по нашему мнению, как раз и является массив военного законодательства. Однако следует согласиться с мнением А.Д. Шминке, что на сегодняшний день незавершенность формирования многих законодательных массивов — один из существенных дефектов организации системы законодательства¹.

Массив военного законодательства представляет собой сложную, дифференцированную по подотраслям, и вместе с тем интегрированную систему, целостность которой обусловлена единством предмета регулирования: отношения по обеспечению обороны страны и безопасности государства, поддержания высокого уровня боеготовности и боеспособности военной организации.

Обозначенные цели достигаются путем комплексного регулирования различных сфер общественных воинских отношений: военно-уголовных, военно-административных, военно-судебных, военно-промышленных, военно-финансовых и иных. Однако разграничение сфер действия данных отраслей/подотраслей законодательства не дает оснований для их рассмотрения как независимых друг от друга. Общие закономерности развития военной организации, взаимодействие всех элементов, обуславливают единство правового регулирования воинских отношений в целом, которое проявляется, в частности, в наличии у всех нормативных образований в структуре военного законодательства общей части, отражающей единые черты правового регулирования в военной сфере.

Когда законодательный комплекс охватывает нормативно-правовые акты ряда смежных, но неоднородных по предметным характеристикам комплексных структурных образований законодательства, на первый план выходят функциональные связи, что, например, имеет место при формировании комплексного массива законодательства о борьбе с преступлениями против военной службы.

Выделение комплексных образований в структуре законодательства связано с существованием больших совокупностей комплексных нормативных актов, среди которых не представляется возможным выделить один нормативный акт, выступающий в качестве единого центра. Таким комплексным массивом и является военное законодательство, которое как комплексное образование значительно превышает по размерам комплексную отрасль законодательства. Причем в силу большого количества нормативных актов, управление с помощью единого формирующего ядра становится просто нереальным, так как по мере повышения неизбежной в таких случаях абстрактности основополагающего акта снижается его способность к эффективному управлению системой, что делает принятие такого единого для всего военного законодательного массива акта фактически излишним. Однако данный комплекс в системе законодательства имеет прочные предметно-функциональные связи и представляет собой единое по задачам и объекту регулирования (оборона страны, государственное управление военной организацией, сфера воинских отношений) нормативное образование.

По мнению О.А. Красавчикова, нормативный массив может быть выражен как в одном нормативном акте, так и в ряде нормативных правовых актов, объединенных исключительно на функциональных взаимосвязях правовых норм².

Военное законодательство имманентно имеет свою только ему присущую

¹ Шминке А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 18.

² Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 70.

структуру, состоящую из взаимодействующих между собой структурных элементов, в совокупности образующих самостоятельный комплексный нормативный массив.

Военное законодательство носит комплексный характер, поскольку оно основывается на нормах не только военного права, но и иных отраслей права (конституционного, административного, гражданского, финансового, земельного и др.). Оно представляет собой выстроенную систему военно-законодательных норм, регулирующих весь спектр воинских отношений, в которых участвуют все органы государственной власти, местного самоуправления, организации и их должностные лица (от Президента Российской Федерации, являющегося Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации, до рядового), а также граждане.

Именно этот разноотраслевой характер составляющих военное законодательство норм и образует комплекс правовых предписаний, обладающих определенным единством, поскольку все они связаны со строительством Вооруженных Сил, их организацией и деятельностью, с поддержанием и укреплением их боеспособности, дисциплины и установленного порядка несения военной службы.

Как было отмечено выше, в современной теории права разграничивают комплексные отрасли законодательства и комплексные нормативные массивы в зависимости от наличия у них одного или нескольких формирующих ядер (кодифицированных, комплексных актов), формирующих связи внутри данного комплексного образования законодательства. В структуре военного законодательства к таким актам (формирующим ядрам) можно отнести законы «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», Уголовный кодекс в части гл. 33 и 34 и ряд других

законов, что позволяет квалифицировать военное законодательство как комплексный нормативный массив.

Комплексный массив военного законодательства по «вертикали» имеет сложную внутреннюю структуру, которая членится на предписания, комплексные институты и подотрасли законодательства.

Причем не все данные элементы должны обязательно вычленяться в комплексном законодательном массиве, а также обладать комплексным характером. В отдельных случаях крупные массивы законодательного регулирования могут включать не только отрасли, подотрасли и институты, но и меньшие по масштабу массивы законодательства¹.

В зависимости от предметно-функциональных связей, в структуре комплексного массива военного законодательства возможно выделить следующие комплексные подотрасли (массивы меньшего порядка):

- законодательство военного времени (обоснование самостоятельности данной подотрасли будет дано в последующем);
- военно-административное законодательство;
- военно-уголовное законодательство;
- военно-социальное законодательство;
- военно-финансовое законодательство.

Отдельно в структуру военного законодательства входит ряд менее объемных законодательных институтов, составляющих из разноуровневых самостоятельных правовых актов, носящих комплексный характер. В качестве примера приведем законодательный институт военно-технического сотрудничества — законодательный институт, регулирующий вопросы научного и технологического обеспечения обороны (военной деятельности) государства, его военной организации и др.

¹ Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России : учеб. пособие. Н. Новгород, 2002. С. 53.

В научной литературе обосновано, что комплексным нормативным массивом (законодательным институтом), имеющим системный характер, объединяющим нормативные правовые акты, регулирующие отношения по подготовке и обеспечению деятельности военной организации государства, является институт «законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса». Под ним следует понимать совокупность нормативных правовых актов, управляемых из нескольких формирующих ядер (единых нормативных актов), объединяемых предметно-функциональными связями, принимаемых в целях подготовки и оснащения военной организации государства, обеспечения его военной безопасности¹. Основопологающими законодательными актами (ядрами структуры нормативного массива в сфере ОПК) являются федеральные законы «Об обороне», «О промышленной политике в Российской Федерации» и «О государственном оборонном заказе».

Солидаризируясь с мнением А.В. Кудашкина², отметим, что в систему военного законодательства также входят нормативные предписания, которые не достигли уровня сформированности правовых институтов, но имеют явно выраженную военную (оборонную) специфику. Это, например, институты, опосредующие военно-гражданские отношения («военные» закупки, удостоверение доверенностей и др.).

Таким образом, все элементы массива военного законодательства, начиная с нормативного предписания и кончая межотраслевыми комплексными нормативными массивами, находятся во взаимосвязи и взаимодействии, дополняя и обслу́живая друг друга.

Структура системы военного законодательства может рассматриваться в «вертикальной» плоскости. Законодательный

материал формируется по другому признаку, так сказать, по «силовым», по вертикальным связям между его элементами, по отношениям субординации. В отличие от горизонтальных отношений эти связи чаще всего производны не от предмета регулирования, а от иерархии издающих их правотворческих органов.

Иерархия представляет собой подчинение источников права нижестоящего уровня источникам вышестоящего уровня и проявляется во взаимных связях, существующих между источниками, расположенными на различных уровнях. Иерархия обусловлена определенной совокупностью факторов, посредством которых теоретически обосновывается необходимость придания одним актам (их видам) более высокой юридической силы, чем другим³.

Иерархическая структура законодательства может быть охарактеризована как совокупность взаимосвязанных законов, подзаконных нормативных актов и устойчивых связей подчинения между нормативными правовыми актами, расположенными на различных уровнях.

Подводя итог, резюмируем, что военное законодательство является сложным, комплексным, многоуровневым нормативным массивом, имеющим системный характер, объединяющим все действующие в государстве военно-правовые акты, объединяемые в комплексные подотрасли военного законодательства, комплексные законодательные институты и нормативные предписания.

С момента принятия Конституции 1993 г. в России создан значительный массив федеральных законов и иных нормативных правовых актов в сфере военной деятельности.

Законодатель ввел в правовой оборот разнопорядковые и разноуровневые массивы нормативных правовых актов в

¹ Тарадонов С.В. Правовое регулирование в сфере оборонно-промышленного комплекса как элемент системы военного законодательства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 121—127.

² Военное право : моногр. : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1:

История и теория военного права (с предисловием). С. 445—446; Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 33.

³ Толстик В.А. Иерархия источников российского права : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 37.

сфере военной деятельности государства. В зависимости от специфики предмета правового регулирования, возможно выделить и обособить следующие из них:

— «законодательство Российской Федерации в области обороны» (ст. 3 от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ Федерального закона «Об обороне»);

— «законодательство в области мобилизационной подготовки и мобилизации» (ст. 7 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»);

— «нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие вопросы обороны, воинской обязанности, военной службы и статуса военнослужащих» (ст. 3 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»);

— «законодательство Российской Федерации о военно-техническом сотрудничестве» (ст. 15 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»);

— «законодательство Российской Федерации о военных судах» (ст. 2 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»);

— «законодательство Российской Федерации о военном положении» (ст. 2 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении»);

— «законодательство в сфере государственного оборонного заказа» (ст. 6 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»);

— иные массивы.

Анализ приведенных выше законодательных массивов позволяет сделать вы-

вод, что законодатель, преследуя цели реализации конституционных норм, отказался от объединения разнородных нормативных положений в единый законодательный массив, а в самом тексте Конституции России нет понятия, которое объединяет обозначенные выше термины в единую сферу отношений¹.

В теории права в зависимости от масштаба комплексные образования классифицируются на «обычные», «крупные» и «сверхкрупные». «Сверхкрупные» законодательные комплексы — это супермассивы законодательства, которые охватывают столь широкие сферы общественных отношений, что входящие в их состав элементы иерархическими связями между собой не связаны и установление единой связи управления (активного центра) внутри этого образования невозможно.

Авторитетный военный юрист В.Г. Стрекозов ранее высказывал точку зрения, что военное законодательство является составной частью законодательства об обороне, под которым понимается система нормативных правовых актов, охватывающих своим регулированием общественные отношения, связанные с организацией и осуществлением обороны страны, возникающие не только в сфере строительства вооруженных сил, но и в сфере экономической, политической и социальной². Это обосновывалось тем, что круг общественных отношений, регулируемых нормами законодательства об обороне, значительно шире, ибо сюда входит и регулирование деятельности государственных органов, общественных организаций, всех граждан по укреплению экономических, политических, социальных основ оборонной мощи страны. Объектом же правового регулирования норм военного законодательства является только боевая мощь Вооруженных Сил как основа обороноспособности страны.

Кроме того, обращалось внимание и

¹ Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / С.В. Тарадонов, А.В. Барков, В.М. Корякин [и др.]. М.: Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 2024. С. 35—36.

² Стрекозов В.Г. Законодательство об обороне СССР и проблемы его совершенствования // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : Сборник научных статей № 2. М.: ВПА им. Ленина, 1974. С. 63.

на различия по субъектам правового регулирования. Для общественных отношений, регулируемых нормами военного законодательства, характерно то, что одной из сторон в этих отношениях непременно является либо военнослужащий, либо военная организация. Для отношений, регулируемых нормами законодательства об обороне, наличие таких субъектов не обязательно.

Полагаем, что такое понимание сущности массива военного законодательства неоправданно сужает сферу регулируемых им отношений. Термин «военное» не следует относить исключительно в Вооруженным Силам. Это все виды общественных отношений, связанных с обеспечением военной безопасности, военной деятельностью государства, его военной организацией.

Согласно доктринальным документами, «военная организация государства» — это совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, и оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации¹.

Таким образом, законодатель, основываясь на предметно-функциональном подходе, в целях защиты Отечества и обеспечения военной безопасности, включает в сферу военной деятельности самый широкий круг субъектов.

Обеспечение защиты Российской Федерации является одним из важнейших направлений деятельности государства. На государстве лежит обязанность по осуществлению одной из первостепенных задач — «защита его целостности и независимости»², которую А.В. Кудашкин называет функцией защиты государственности³. Именно такой вывод следует из выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации 21 декабря 2020 г.⁴

Под защитой Отечества следует, прежде всего, понимать оборону страны, охрану ее суверенитета, обеспечение военной безопасности государства, целостности и неприкосновенности его территории.

Еще в 80-х годах прошлого века советский военный юрист Г.В. Орлов предлагал выделить крупный комплексный нормативный массив — «законодательство о защите Отечества», в состав которого включить законодательство об охране государственной безопасности, законодательство о гражданской обороне⁵.

Член-корреспондент РАН А.В. Габов допускает возможным объединить вышеуказанные нормативные массивы в единое нормативное образование — «законодательство о военной деятельности»⁶.

Возникает вполне логичный и обоснованный вопрос: как более правильно и терминологически верно стоит наименовать данный массив нормативных правовых актов, регулирующий деятельность военной организации государства по защите Отечества и обеспечению его военной безопасности.

¹ Подп. «к» п. 8 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976).

² Добровольский А.М. Военно-административное право (лекции, прочитанные в 1914—1918 учебных годах). СПб., 1914. С. 2.

³ Военное право : Монография: в 3 т. / Под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). М., 2021. С. 235.

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/64684> (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Орлов Г.В. Предмет регулирования комплексной отрасли советского законодательства // Сборник статей. М.: ВКИ, 1985. № 21. С. 198.

⁶ Габов А.В. Вопросы науки и технологий в предмете военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 7(288). С. 3—14.

Единство юридической терминологии требует установления четких и однозначных терминов, применяемых в военной науке. Обозначение одного и того же правового понятия различными терминами — форма проявления избыточности юридической информации, с которой необходимо энергично и последовательно бороться.

Для единства юридической терминологии необходимо, чтобы при обозначении в нормативном тексте определенного понятия последовательно употреблялся один и тот же термин, а при обозначении разных, не совпадающих между собой понятий использовались различные термины. Иначе возможны нечеткость, путаница и даже ошибки в правовой деятельности. В связи с этим понятно, почему о необходимости единства юридической терминологии говорят практически все ученые, занимающиеся проблемами законодательной техники¹.

Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России важнейшее требование совершенствования законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации — единство употребления юридической терминологии не только в рамках отдельно взятого закона, но и во всей системе законодательства. Основой для структурирования нормативных предписаний является терминология, содержащаяся в конституционных и федеральных законодательных актах. Для обеспечения единого правового пространства на всей территории России особенно важно унифицированное формирование правотворческой системы законодательства.

Термин «военное законодательство» активно используется законодателем во множестве нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с

деятельностью военной организации государства.

Как известно, о понятиях не спорят, о них договариваются. Лишь условившись относительно названий и понятий, можно надеяться преуспеть в выстраивании действенной системы нормативного регулирования.

По нашему мнению, более правильным было бы остановиться на использовании унифицированного термина и считать обозначенные выше массивы нормативных актов в сфере военной деятельности государства составными частями комплексного нормативного массива (по сути супермассива), именуемого «военным законодательством».

Предлагается следующая дефиниция военного законодательства: *это комплексный нормативный массив, под которым следует понимать совокупность нормативных правовых актов и предписаний военного законодательства, сгруппированных в институты и подотрасли военного законодательства, управляемый из нескольких формирующих ядер (единых нормативных актов), объединяемый предметно-функциональными связями, регулирующий общественные отношения, связанные деятельностью военной организации государства в мирное и военное время, в целях защиты Отечества и обеспечения военной безопасности государства.*

На момент проведения настоящего исследования предпринята попытка определить место и «статус» массива военного законодательства в системе российского законодательства. Однако это обстоятельство не исключает необходимости развивать такой массив на основе применения предметно-функционального, программно-целевого и концептуального подходов, прогнозного видения его функционала, перспектив «роста»². Научные кон-

¹ Кабатаева К.Т. Единство юридической терминологии и системный подход к правовой терминологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8 (часть 3). С. 71—74.

² Научные концепции развития российского законодательства : монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законода-

цепции дальнейшего развития массива военного законодательства неразрывно связаны с концепциями базовых и комплексных отраслей, т.к. он органично встроен в общую научную картину развития российского законодательства.

Список источников

1. Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система и систематизация законодательства в современной России : учеб. пособие. Нижний Новгород, 2002. 239 с.
2. Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Москва, 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). 560 с.
3. Габов А.В. Вопросы науки и технологий в предмете военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7(288). С. 3—14.
4. Добровольский А.М. Военно-административное право (лекции, прочитанные в 1914—1918 учебных годах). Санкт-Петербург, 1914.
5. Кабатаева К.Т. Единство юридической терминологии и системный подход к правовой терминологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2013. № 8 (часть 3). С. 71—74.
6. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / С.В. Тарадонов, А.В. Барков, В.М. Корякин [и др.]. Москва: Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 2024. 370 с.
7. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 62—71.
8. Научные концепции развития российского законодательства : монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 656 с.
9. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. Москва: ИНФРА-М, 2024. 560 с.
10. Орлов Г.В. Предмет регулирования комплексной отрасли советского законодательства // Сборник статей. Москва: ВКИ, 1985. № 21. С. 191—200.
11. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.
12. Стрекозов В.Г. Законодательство об обороне СССР и проблемы его совершенствования // Вопросы теории военного законодательства и практики его применения : Сборник научных статей № 2. Москва: ВПА им. Ленина, 1974. С. 58—72.
13. Тарадонов С.В. Правовое регулирование в сфере оборонно-промышленного комплекса как элемент системы военного законодательства // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 121—127.
14. Толстик В.А. Иерархия источников российского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2002. 54 с.
15. Шминке А.Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 229 с.

Returning to the question of the place and "status" of military legislation in the Russian legal system

© Taradonov S.V.,

Sc. Law, docent, the professor of the Theory and History of State and Law Department of the Military University

Annotation. The article examines the category of «military legislation». Based on the systemic and libertarian legal approaches, an attempt is made to determine the place and «status» of military legislation in the system of Russian legal regulation. The author's concept is proposed in relation to the concept, structure and essence of the system of military legislation as a complex regulatory array.

Key words: military law; sources of military law; military legislation; system of military legislation; complex branch of legislation; complex regulatory legislative array.

тельства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. С. 17.

For citation: Taradonov S.V. Returning to the Question of the Place and "Status" of Military Legislation in the Russian Legislative System // Military law. 2025. No. 5. pp. 26-34.

The article was received by the editorial office on August 7, 2025.

Уголовная ответственность военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны: история становления и развития в России

© **Маляров Андрей Иванович**,
доцент 13 кафедры Краснодарского
высшего военного орденов Жукова и
Октябрьской Революции
Краснознаменного училища имени
генерала армии С.М. Штеменко
Министерства обороны Российской
Федерации

Аннотация. В статье исследуется становление института уголовной ответственности военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны. Осуществлен историко-правовой анализ опыта формирования уголовно-правовой защиты государственной тайны в России в период с XV века до введения в действие Уголовного кодекса РФ 1996 г. Определены основные этапы и элементы формирования системы уголовно-правовой защиты государственной тайны, их взаимосвязь и функциональность, предложена авторская периодизация истории развития уголовной ответственности военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны в России.

Ключевые слова: военная тайна, военная цензура, государственная измена, государственная тайна, декрет, разглашение, сведения, составляющие государственную тайну, трибунал, уголовный кодекс, шпионаж.

Для цитирования: Маляров А.И. Уголовная ответственность военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны: история становления и развития в России // Военное право. 2025. № 5. С. 35—46.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2025 г.

Вопросы истории становления и развития в России юридической ответственности за нарушения в области защиты государственной тайны нашли довольно широкое освещение в юридической литературе (на эту тему писали М.А. Вус,

А.В., Федоров, Н.И. Костенко, В.А. Рабкин, И.А. Слободанюк, С.В. Чертопруд и другие ученые¹). Исследование также опирается на труды таких крупных теоретиков военного права, как О.В. Дамаскин, А.И. Землин, А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин, В.М. Корякин, И.В. Холиков и др.²

¹ Государственная тайна в Российской Федерации: учебное пособие / Под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2007; Костенко Н.И. Государственная тайна как правовой институт информационной безопасности: монография. Краснодар: КВВУ, 2021; Рабкин В.А. Исторический генезис правового регулирования защиты государственной тайны в России // Информационное право. 2006. № 4; Слободанюк И.А. Развитие уголовного законодательства об ответственности военнослужащих за посягательства на режим сохранности государственной и военной тайны: монография. М., 2005; Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информа-

ции. 1996. № 4; Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): научно-практическое пособие / С.Л. Нудель, В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. М.: Проспект, 2023.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221; Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5(75). С. 8—14; Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3(79). С. 49—56; Катехизис норма-

Вместе с тем, в указанных работах не был выявлен позитивный и негативный опыт развития уголовной ответственности военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны в России в различных условиях военно-политической обстановки (в периоды мирного и военного времени).

Проведенный анализ научной литературы и исторических нормативных источников показывает, что первое упоминание вопросов защиты государственной тайны присутствует уже в самых ранних памятниках российского уголовного права¹. Так, по мнению специалистов, ее развитию положила начало Псковская судная грамота 1467 г., установившая в ст. 7 смертную казнь за «перевет» (государственную измену). Позже в Судебнике 1497 г. в ст. 9 уже упоминаются «подымщик» и «коромолник», т.е. бунтари, изменники, повстанцы. Необходимо особо отметить, что процесс централизации Российского государства, укрепления царской власти повлиял и на развитие уголовного законодательства. Поэтому Соборное уложение 1649 г. (глава II) содержит нормы, предусматривающие суровую ответственность за преступления против государства и самодержца-царя. К этой группе деяний были, в частности, отнесены посягательства на здоровье и жизнь государя, измена царю, организация бунта

и «завладения» Московским государством и др.

Необходимо согласиться с мнением, что в еще более развитом виде система соответствующих посягательств представлена в Артикуле Воинском (1715 г.) Петра I, которым посвящены были нормы главы 16 и 17². В нее вошли: тайная переписка с неприятелем, выдача неприятелю пароля или лозунга (по сути, выдача государственной тайны), иная измена, недонесение о шпионах или иных подозрительных людях, бунт, его организация и призывы к нему («возмущение») и др. Наказания за такие преступления предусматривались крайне жесткие, в основном телесные или смертная казнь (четвертование, повешение).

Первое упоминание в российском законодательстве о защите секретов в сфере государственной службы и о наказании тем, кто «тайно из коллегияльных писем и документов что унесет», содержится в Генеральном регламенте 1720 г.³ Необходимо отметить, что в данном случае состав преступления был формальным, т.е. ответственность в виде «смертной казни или вечной ссылки на галеры с вырыванием ноздрей и конфискацией имущества виновного» наступала безотносительно к последствиям совершенного деяния⁴.

Далее процесс последующего формирования системы преступлений в области

тивности: синкретические размышления о философских основаниях военного права / И.В. Холиков, А.В. Дахин, А.Д. Куманьков [и др.] // Государство и право. 2024. № 6. С. 76—92; Корякин В.М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 9-10. С. 104—111; Корякин В.М. Уголовно-правовое обеспечение специальной военной операции с позиций военно-правовой науки // Военное право. 2025. № 1(89). С. 171—180; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19, № 1. С. 137—164; Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125—138; Холиков И.В. Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии

научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100—116; Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

¹ Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. С. 642.

² Там же. С. 642.

³ Генеральный регламент. 27 февраля 1720 г. // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 99—124.

⁴ Государственная тайна в Российской Федерации : учебное пособие / Под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. С. 19.

защиты государственной тайны связан с появлением Свода законов Российской империи 1833 г. Вместе с тем необходимо отметить, что легального определения государственной тайны в указанный период законодательство не содержало.

Позже было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., содержащее раздел 3 «О преступлениях государственных», нормы которого устанавливали ответственность за преступления против священной особы государя императора и членов императорского дома, за бунт против власти верховной, за государственную измену и преступления против народного права¹. В данном разделе также указывался перечень деяний, относящихся к государственной измене: сообщение российским подданным «государственных тайн иностранному правительству», злоупотребление доверием дипломатическим или иным чиновником «с умыслом в явный вред для отечества» и другие². В связи с этим необходимо согласиться, что это была уже детально разработанная, построенная с учетом видового объекта система соответствующих посягательств.

Далее было принято Уголовное уложение 1903 г. Хотя оно в полном объеме в силу не вступило, им были введены в действие положения, касающиеся именно государственных преступлений. Это вполне объяснялось спецификой политической ситуации, сложившейся в России в этот период. Система посягательств на государственную власть существенно не изменилась. Вместе с тем, здесь уже содержался более детальный перечень государственных преступлений и наказаний за их совершение. Так в гл. 3 и гл. 4 Уголовного уложения предусматривалась ответственность за деяния, связанные с бунтом

против верховной власти, с посягательствами на священную особу государя императора и членов императорского дома, с государственной изменой. Отдельные нормы о названных преступлениях содержались в гл. 5 «О смуте». Также в главе «О государственной измене» устанавливалась уголовная ответственность «за шпионство», а также «за снятие копий с секретных документов»³. Однако само понятие «шпионство» не определялось.

В ходе русско-японской войны 1904—1905 гг., после революции 1905 г. и с началом подготовки к Первой мировой войне иностранные государства активизировали свою разведывательную деятельность против Российской империи. Следствием этого стало значительное возрастание количества преступлений, связанных с государственной изменой и шпионажем в русской армии и оборонной промышленности. Поэтому обеспечение национальной безопасности Российской империи настоятельно требовало изменения правовой базы борьбы со шпионажем и государственными изменами. В связи с этим уже в 1908 г. создается 1-я Межведомственная комиссия по контрразведке⁴. Данная комиссия утвердила понятийный аппарат в области контрразведывательной деятельности, в соответствии с которым под «военным шпионством» понимался «сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, проводимый с целью передачи их иностранной державе»⁵.

Вместе с тем, существовавшее уголовное законодательство нередко оказывалось неадекватным. Так, например, разведывательным отделением Варшавского

¹ Российской уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., залуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2015. С. 643.

² Российское законодательство X—XX веков. Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. Т. 6. С. 160—408.

³ Российское законодательство X—XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. Т. 9. С. 303.

⁴ Государственная тайна в Российской Федерации: учебное пособие / Под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. С. 24.

⁵ Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903—1914. С. 176.

военного округа, где велась наиболее интенсивная борьба со шпионажем, за период с 1901 по 1911 г. была раскрыта деятельность 150 иностранных шпионов. Однако до суда удалось довести только 17 дел, по которым было привлечено к ответственности всего 33 шпиона, из которых четверо были оправданы¹. К тому же явно недостаточный контрразведывательный контроль за сохранением государственной и военной тайны в печати нередко способствовал тому, что в периодической печати появлялись статьи, содержащие информацию государственной важности. Так, например, в 1910 г. английский журнал «Инжиниринг» поместил подробные чертежи вновь сооруженных русских броненосцев «Гангут», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловск»².

В связи с этим в 1912 г. военное министерство и министерство юстиции в совместной «Объяснительной записке к проекту изменений действующих законов о государственной измене путем шпионажа» указывали, что «шпионство получило небывалое ранее развитие. ... Судебная практика свидетельствует, что иностранные власти прилагают большие усилия насадить в пределах России своих агентов. ...»³. Поэтому Законом 1912 г. «Об изменении и дополнении действующих узаконений о государственной измене путем шпионства» были внесены соответствующие изменения в уголовно-правовую квалификацию шпионажа. Данный закон также расширил понятие государственной измены путем шпионажа. Необходимо особо отметить, что указанный Закон впервые ввел определение государственной тайны применительно к военной сфере — это «сведения или предметы, касающиеся внешней безопасности России или вооруженности ее сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны»⁴.

Поэтому необходимо согласиться с утверждением, что Закон 1912 г. не просто ликвидировал отсталость российского законодательства в области борьбы с иностранным шпионажем, но и давал серьезное оружие судебным и контрразведывательным органам для борьбы со шпионажем⁵.

Следует особо отметить, что после Октябрьской революции Советское правительство отменило все уголовно-правовые акты Российской империи, в том числе касавшихся защиты государственной тайны и борьбы со шпионажем.

Поэтому Советское государство с первых дней своего существования вынуждено было принимать всевозможные, в том числе законодательные, меры по обеспечению нормальных условий развития нового общественного строя. Вместе с этим на смену понятия «государственные преступления» приходят иные — «контрреволюционные преступления», «преступные деяния контрреволюционного характера»⁶.

Проведенный анализ нормативных правовых актов молодой Советской Республики показывает, что впервые в советском законодательстве шпионаж упоминается в декрете СНК от 4 мая 1918 г. «О Революционных трибуналах». На революционные трибуналы, созданные для борьбы с контрреволюционным саботажем и спекуляцией, этим декретом возлагалось также рассмотрение дел по борьбе со шпионажем. В постановлении Кассационного отдела ВЦИК от 6 сентября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов» была сделана первая попытка определения понятия шпионажа, дела о котором подлежали рассмотрению революционными трибуналами. Это постановление относилось к шпионажу три совершенно разных по своим объективным и субъективным признакам деяния: разглашение

¹ Государственная тайна в Российской Федерации : учебное пособие. С. 24.

² Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903—1914. С. 191.

³ Государственная тайна в Российской Федерации: учебное пособие. С. 24.

⁴ Никитский И.П. Из истории российской контрразведки. Сборник документов. М., 1946. С. 96—115.

⁵ Государственная тайна в Российской Федерации : учебное пособие. С. 26.

⁶ Российской уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. С. 643.

военных тайн, планов и сведений; передача военных тайн, планов и сведений; сношение с целью вызвать враждебное интересам Советской Республики действия.

Следует отметить, что предмет преступного посягательства при шпионаже был сформулирован довольно узко — военные тайны, стратегические планы, сведения о военных силах или вооружении. Другие тайны — государственные тайны и экономические сведения не были включены предмет посягательства при шпионаже. Поэтому в приведенном выше определении шпионажа в конечном счете шпионским деянием являлась лишь передача военных тайн и планов. Это определение включало в себя деяния и изменнического характера — связь с целью вызвать иностранное вмешательство против Советской Республики.

Подобного рода деяние, как оглашение военных тайн, планов и сведений, только при умышленном их совершении можно было бы рассматривать как шпионаж. Тем не менее, рассматриваемое постановление в полном объеме не раскрывало субъективной стороны действий виновного при шпионаже. Для обвинения в шпионаже было необходимо изобличить лицо в том, что оно «в той или иной форме» огласило или передало иностранному государству военную тайну или вошло в сношение с этим государством. Субъектом шпионажа согласно этому постановлению мог быть не только иностранец или лицо без гражданства, но и гражданин Советской Республики.

Необходимо также отметить, что в советском уголовном законодательстве понятие «государственная измена» впервые появилось только в декрете ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». Вместе с тем, содержание этого понятия не раскрывалось. Об измене говорилось лишь в том случае, если в местностях, объявленных на военном положении до издания данного декрета, Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и Губернским Чрезвычайным Ко-

миссиям принадлежит право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) за ниже последующие доказанные преступные деяния: государственную измену, шпионаж, укрывательство изменников, шпионов. Далее об ответственности за государственную измену и шпионаж также указывалось в декрете СНК от 23 сентября 1919 г. «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе».

Вместе с тем, указанные правовые акты не содержали санкций (конкретных наказаний), но в них указывалось, что совершаемые деяния наказываться «по всей строгости революционных законов» или же «сурово караться». В Положении о революционных трибуналах, утвержденном декретом ВЦИК 12 апреля 1919 г., в п. 25 указывалось, что трибуналы выносят приговоры, «руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести», и в соответствии с этим им «предоставляется ничем неограниченное право в определении меры репрессии».

Следует особо отметить, что Декретом СНК 13 октября 1921 г. был обнаружен Перечень сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Эти сведения делились на две категории: военного и экономического характера. Также 13 октября 1921 г. Постановлением СНК было утверждено Положение о военной цензуре ВЧК, согласно которому «для ограждения политических, экономических и военных интересов РСФСР» вводилась «цензура печатных произведений, почтово-телеграфной корреспонденции и контроль за радиотелеграфными связями».

Однако в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, утвержденных Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г., такие деяния как государственная измена, шпионаж, разглашение государственной тайны не упоминались.

В УК РСФСР 1922 г. нормы о государственных преступлениях содержались

в гл. I «Государственные преступления» Особенной части¹. Первый ее раздел именовался «О контрреволюционных преступлениях», где в ст. 57 было сформулировано общее понятие контрреволюционного преступления. К этому разряду относились организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний, сношение с иностранными государствами или их представителями в целях склонения их к вооруженному вмешательству в дела Советской Республики или объявлению ей войны, создание контрреволюционных организаций и участие в них, шпионаж, антисоветская пропаганда и агитация и др.

Следует отметить, что УК РСФСР 1922 г. уже предусматривал ответственность за шпионаж и оглашение сведений, имеющих характер государственной тайны, при отсутствии контрреволюционных или корыстных целей и неосведомленности о возможных последствиях таковой деятельности.

Так, в ст. 66 УК РСФСР указывалось «Участие в шпионаже всякого рода, выражающееся в передаче, сообщении или похищении, или собирании сведений, имеющих характер государственной тайны, в особенности военных, иностранным державам или контрреволюционным организациям в контрреволюционных целях или за вознаграждение, карается высшей мерой наказания (расстрел) и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. Оглашение тех же сведений, при отсутствии контрреволюционных или корыстных целей и неосведомленности о возможных последствиях таковой деятельности, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет.

Согласно ст. 66 УК РСФСР 1922 г. субъектом шпионажа мог быть любой гражданин, за исключением военнослужащего РККА, ответственность которого предусматривалась ст. 213 данного УК

РСФСР. Ст. 213 определяла, что «Военный шпионаж, т.е. агентурное обслуживание неприятельской армии путем собирания и передачи неприятелю всякого рода сведений, осведомленность в коих может способствовать неприятелю в его враждебных действиях против республики, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет.

В свою очередь ст. 212 анализируемого УК РСФСР 1922 г. предусматривала, что «Переписка и сношение военнослужащего во время войны непосредственно или через других лиц с кем-либо, находящимся в неприятельской армии, во владениях неприятеля или в местности, занятой войсками неприятеля, карается лишением свободы на срок до трех лет со строгой изоляцией.

В тех же случаях, когда военнослужащий, хотя и без умысла способствовать неприятелю, сообщил таким путем сведения, могущие иметь какое-либо отношение к военным действиям, карается лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

Объектом шпионажа являлась внешняя безопасность РСФСР. Субъективная сторона этого преступления выражалась в форме как прямого, так и эвентуального умысла. Цель могла быть как контрреволюционной, так и корыстной.

После объединения советских республик в единое государство — СССР и образования общесоюзной Рабоче-Крестьянской Красной армии и Рабоче-Крестьянского Красного Флота возникла необходимость принять общесоюзное положение о воинских преступлениях. Поэтому Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. «Положение о воинских преступлениях» была введена уголовная ответственность за переписку или сношение другими способами военнослужащего во время войны непосредственно или через других лиц с лицами, принадлежащими к составу неприятельской армии или ее обслуживающими, или проживающими во владениях неприятеля или в

¹ Российской уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. С. 643.

местности, занятой войсками неприятеля. Данные преступления влекли применение меры социальной защиты в виде лишения свободы

со строгой изоляцией на срок до трех лет.

Также было введено понятие военного шпионажа, т.е. собирание, сообщение, передача сведений иностранным правительствам, контрреволюционным организациям и неприятельским армиям о вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР, который влек за собой применение высшей меры социальной защиты.

Далее 14 августа 1925 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли Постановление «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению». В данном Постановлении под шпионажем понималась передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влекут за собой в качестве меры социальной защиты лишение свободы на срок не менее 3 лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства — расстрел.

В Примечании 1 указывалось, что специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР и опубликовываемом во всеобщее сведение.

В Примечании 2 определялось, что в отношении военного шпионажа сохраняет силу ст. 16 Положения о воинских преступлениях, утвержденного Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР 31 октября 1924 г.

В свою очередь «Собирание экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запреще-

нию закона или по распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, и передача их за вознаграждение или безвозмездно организациям и лицам, указанным в ст. 1, влекут за собой в качестве меры социальной защиты лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до 3 лет.

Также Центральным исполнительным комитетам союзных республик предлагалось на основе данного Постановления внести соответствующие изменения в действующие уголовные кодексы.

Кроме этого, необходимо особо отметить, что Постановлением СНК СССР от 27 апреля 1926 г. был утвержден Перечень сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной.

Указанный Перечень содержал: а) сведения военного характера; б) сведения экономического характера; в) иного рода сведения.

Необходимо отметить, что данный Перечень утратил силу в связи с изданием Постановления Совмина СССР от 8 июня 1947 г. № 2009 «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». Указанный Перечень уже содержал: 1. Сведения военного характера; 2. Сведения экономического характера; 3. Сведения об открытиях, изобретениях и усовершенствованиях невоенного характера; 4. Сведения иного рода.

Позже данный Перечень утратил силу в связи с изданием Постановления Совмина СССР от 28 апреля 1956 г. № 556 «Об установлении Перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону». В свою очередь указанный Перечень юридически был отменен только Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 80 «О признании не действующими на территории Российской Федерации актов СССР и их отдельных положений».

Далее Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» с 1 января 1927 г. был введен в действие УК РСФСР

1926 г., который содержал ст. 58.3, 58.4, 58.5, 58.6, являющиеся «прародителями» составов уголовных преступлений, предусмотренных последующими редакциями УК РСФСР и РФ. Так ст. 58.6 содержала определение шпионажа — как передачу, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам. Ответственность за данное преступление предусматривала лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжкие последствия для интересов Союза С.С.Р., высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества.

Необходимо отметить, что расположение норм о государственных преступлениях в системе Особенной части УК РСФСР 1926 г. было аналогичным предыдущему УК¹. Кроме этого, первоначально их система практически не отличалась от представленной в УК РСФСР 1922 г. Однако постепенно она расширялась. Особенно заметным этот процесс стал во время эпохи культа личности Сталина и массовых репрессий (печально известная ст. 58, а, по сути, система норм о контрреволюционных преступлениях, содержащихся в ст. 58.1, 58.1а—58.1г, 58.2—58.18 УК).

Согласно УК РСФСР 1926 г. передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специальной охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение

или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекли за собою лишение свободы на срок до трех лет.

Следует особо отметить, что впервые в примечании 1 к данной статье указывалось, что специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утверждаемом Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и публикуяемом во всеобщее сведение.

Также важной вехой в развитии советского уголовного законодательства по защите государственной тайны стали новые уголовные кодексы союзных республик, принятые в 1926—1928 гг. Необходимо подчеркнуть, что составы контрреволюционных преступлений, в том числе измена Родине и шпионаж, вошли в эти кодексы с отдельными технико-терминологическими изменениями впредь до утверждения общесоюзного Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления), которое было утверждено Постановлением ЦИК Союза ССР от 25 февраля 1927 г.

Необходимо особо отметить, что указанные положения о шпионаже, передаче, похищении или собирании с целью передачи экономических сведений, отнесенных к специально охраняемой государственной тайне, были в полном объеме включены в Особенную часть уголовных кодексов союзных республик.

Следует особо подчеркнуть, что в УК РСФСР 1926 г. активно вносились изменения и дополнения до 1938 г., и далее вплоть до 1959 г. УК РСФСР 1926 г. (с уголовной ответственностью за измену родине, шпионаж и разглашение государственной тайны) полностью утратил силу только с 1 января 1961 г. в связи с принятием Закона РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» и изданием Указа Президиума

¹ Российской уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. С. 643.

Верховного Совета РСФСР от 28 марта 1961 г.

Позже Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июля 1927 г. было введено в действие «Положение о воинских преступлениях, которое содержало статьи, предусматривающие ужесточение уголовной ответственности за государственную измену и шпионаж.

Далее Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 9 января 1928 г. в УК РСФСР 1926 г. была введена гл. IX «Преступления воинские», которая предусматривала ответственность за преступления, направленные против установленного порядка несения военной службы, совершенные военнослужащими и военнообязанными запаса РККА. Указанная глава содержала статьи, усиливающие уголовную ответственность за разглашение являющихся специально охраняемой тайной сведений о вооруженных силах и об обороноспособности Союза ССР.

Далее Постановлением ЦИК СССР от 8 июня 1934 г. «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине» указанное Положение было дополнено статьями об измене родине, включающую шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу. Эти деяния наказывались высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества.

Особого внимания заслуживает норма о том, что в случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены

семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, подлежали лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет.

Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влекло за собой лишение свободы на 10 лет. Недонесение со стороны остальных граждан (невоеннослужащих) влекло за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 6 месяцев».

Указанные положения утратили силу только в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1959 г.

Позже вопросы уголовно-правовой защиты государственной тайны получили свое дальнейшее развитие в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». Данным Указом устанавливалась ответственность за разглашение должностными лицами сведений, составляющих государственную тайну, и за утрату документов, содержащих такие сведения.

Далее 9 июня 1947 г. был издан новый Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну».

25 декабря 1958 г. были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Дальнейшее развитие вопросы защиты государственных секретов получили в Законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления» и Законе «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Необходимо отметить, что предусмотренная им система норм была воспроизведена в УК РСФСР 1960 г. Так, с учетом уровня общественной опасности соответствующие посягательства подразделялись на две группы: особо опасные государствен-

ные преступления (измена Родине, шпионаж, террористический акт, диверсия, вредительство, создание антисоветской организации и участие в ней и др.) и иные государственные преступления (разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну, бандитизм, массовые беспорядки и проч.). Основные принципы и структура этой системы сохранились до принятия Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» и УК РФ 1996 г. Изменение социально-экономических и политических условий жизни российского общества предопределило необходимость корректировки системы преступлений против государства¹.

Подводя итог необходимо отметить, что в истории развития уголовной ответственности военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны в России целесообразно выделить следующие этапы:

— формирование института уголовно-правовой защиты государственной тайны в рамках некодифицированного уголовного законодательства России (XV—XVIII вв.);

— структурное обособление института уголовно-правовой защиты государственной тайны в качестве подсистемы уголовного законодательства Российской империи (1813—1845 гг.);

— развитие института уголовно-правовой защиты государственной тайны в системе кодифицированного уголовного законодательства Российской империи (1845—1917 гг.);

— формирование института уголовно-правовой защиты государственной тайны в рамках некодифицированного уголовного законодательства Советской России (1918—1922 гг.);

— развитие института уголовно-правовой защиты государственной тайны в системе кодифицированного уголовного

законодательства РСФСР и Российской Федерации (1922—1996 гг.);

— совершенствование института уголовно-правовой защиты государственной тайны в системе кодифицированного уголовного законодательства Российской Федерации (1996 г. по н.в.).

Также при дальнейшей детализации возможно выделение внутри указанных этапов развития специфических периодов, которые отражают особенности внутренних или внешних социально-экономических и военно-политических условий функционирования государства. Это необходимо для выявления негативного и позитивного опыта развития уголовной ответственности военнослужащих за преступления в области защиты государственной тайны в России для оперативной и эффективной корректировки уголовной политики государства перед стоящими перед ним вызовами².

Вместе с тем однозначно полагаем, что историческая практика ужесточения уголовно-правовой ответственности военнослужащих за государственную измену и шпионаж, введение военной цензуры позволяет значительно повысить эффективность защиты государственной тайны в предвоенный период и период военного времени.

Список источников

1. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с. EDN LPSPHA.

2. Государственная тайна в Российской Федерации : учебное пособие / под общ. ред. М.А. Вуса и А.В. Федорова. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: «Юридический центр Пресс», 2007. 752 с.

3. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214—221. EDN YHPYSL.

¹ Российской уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. С. 643; Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

² Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батурин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. М.: Юнити-Дана, 2020.

4. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России // Военное право. 2022. № 5(75). С. 8—14. EDN ZNMXLD.
5. Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3(79). С. 49—56. EDN WZQYEG.
6. Костенко Н.И. Государственная тайна, как правовой институт информационной безопасности : монография. Краснодар: КВВУ, 2021. 373 с.
7. Кудашкин А.В. Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19, № 1. С. 137—164. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-1-a.v.kudashkin-v.v.kudashkin. EDN FXAFWE.
8. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125—138. DOI 10.31857/S1026945224110118. EDN EYXQVZ.
9. Корякин В.М. Соблюдение режима защиты государственной тайны (режима секретности) как предмет общего надзора органов военной прокуратуры // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 9-10. С. 104—111.
10. Корякин В.М. Уголовно-правовое обеспечение специальной военной операции с позиций военно-правовой науки // Военное право. 2025. № 1(89). С. 171—180. EDN RZUJKV.
11. Никитский И.П. Из истории российской контрразведки : сборник документов. Москва, 1946.
12. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Ю.М. Батурин, В.Е. Батюкова, С.Д. Белоцерковский [и др.]; Институт государства и права РАН. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Юнити-Дана"», 2020. 559 с. EDN UMXHNB.
13. Рабкин В.А. Исторический генезис правового регулирования защиты государственной тайны в России // Информационное право. 2006. № 4. С. 7—11.
14. Российское законодательство X—XX веков. Законодательство первой половины XIX века. Москва, 1988. Т. 6.
15. Российское законодательство X—XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Москва, 1994. Т. 9.
16. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М.Л. Прохоровой. Москва: Контракт, 2015. 928 с.
17. Слободанюк И.А. Развитие уголовного законодательства об ответственности военнослужащих за посягательства на режим сохранности государственной и военной тайны : монография. Москва: ВУ, 2005. 182 с.
18. Старков Б.А. Охотники на шпионов: контрразведка Российской империи: 1903—1914. Москва: Питер, 2006. 304 с.
19. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : Научно-практическое пособие / С.Л. Нудель, В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. Москва: Проспект, 2023. 352 с. EDN NRINAB.
20. Холиков И.В., Дахин А.В., Куманьков А.Д. [и др.] Катехизис нормативности: синкретические размышления о философских основаниях военного права // Государство и право. 2024. № 6. С. 76—92. DOI 10.31857/S1026945224060067. EDN JPAPLN
21. Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14. EDN QSCSGC.
22. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100—116. DOI 10.31857/S1026945224010101. EDN LQLFNW.
23. Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4.

Criminal liability of military personnel for crimes in the field of protection of state secrets: the history of formation and development in Russia

© **Malyarov A.I.,**

Associate Professor of the 13th Department of the Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and the October Revolution of the Red Banner College named after Army General S.M. Shtemenko of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article provides the details of the research on the establishment of the institute of criminal liability of military personnel for crimes in the field of protection of state secrets. Historical and legal analysis of the experience of forming the criminal-legal protection of state secrets in Russia in the period from the 15th century until the introduction of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996 is performed. The main stages and elements of the formation of the system of criminal-legal protection of state secrets, their interrelation and functionality are determined, the author's periodization of the history of the development of criminal liability of military personnel for crimes in the field of protection of state secrets is offered.

Keywords: military secret, military censorship, high treason, state secret, decree, disclosure, information constituting a state secret, tribunal, criminal code, espionage.

For citation: Malyarov A.I. Criminal Liability of Military Personnel for Crimes in the Field of Protection of State Secrets: the History of Formation and Development in Russia // Military law. 2025. No. 5. pp. 35-46.

The article was received by the editorial office on August 20, 2025.

К вопросу об организации работы военных правоохранительных органов в ходе проведения специальной военной операции (на примере организации работы военных прокуратур периода Великой Отечественной войны)

© Шишов Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук

Аннотация. статья освещает вопросы возможной организации органов предварительного следствия и прокуратуры в период военного времени. Анализ работы органов предварительного следствия, военной прокуратуры и военных судов (трибуналов) производится на основе опыта Великой Отечественной войны. Рассматриваются вопросы возможной организации работы органов предварительного следствия, надзора и суда на театре военных действий.

Ключевые слова: органы предварительного следствия, военная прокуратура, военный суд, боевые действия, специальная военная операция.

Для цитирования: Шишов С.С. К вопросу об организации работы военных правоохранительных органов в ходе проведения специальной военной операции (на примере организации работы военных прокуратур периода Великой Отечественной войны) // Военное право. 2025. № 5. С. 47—55.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2025 г.

В настоящее время наша страна проводит специальную военную операцию. В её ходе, как и во время Великой Отечественной войны, встаёт вопрос о необходимости поддержания должного уровня правопорядка и высокой воинской дисциплины в войсках. Наши военнослужащие достойно выполняют конституционные обязанности по защите Отечества, однако отдельные моменты поддержания высокой воинской дисциплины и правопорядка в войсках требуют оперативного реагирования со стороны правоохранительных органов. В частности, например, имеется проблема так называемых «пятисотых» (лиц, под различными в основном надуманными предлогами оставивших передовые позиции на линии боевого соприкосновения), превышения командованием своих должностных полномочий и иные, на которые периодически указывают средства массовой информации. Инструментом оперативного реагирования на нарушения воинского правопорядка безусловно являются военные прокуратуры и военные следственные органы, правовой режим которых определён федеральными зако-

нами «О прокуратуре Российской Федерации» и «О Следственном комитете Российской Федерации».

Однако эти нормативно-правовые акты определяют организацию работы указанных органов в мирное время. Вместе с тем, наша страна впервые с 1941 г. попала в ситуацию настолько интенсивного военного противостояния, что безусловно, должно сказываться и на организации работы органов военной юстиции. Инструмент поддержания правопорядка в войсках, на наш взгляд, должен соответствовать уровню и интенсивности ведущегося конфликта, а также предполагаемых конфликтов, которые могут вестись даже с большей интенсивностью. В этой связи требуется рассмотреть, каким образом была организована работа военных прокуратур Красной армии во время Великой Отечественной войны.

Деятельность военных прокуратур в ходе войны освещает О.В. Докучаев, работы которого базируются на обобщении широкого круга первоисточников — пра-

вового и эмпирического материала указанного периода¹. Кроме того, указанную тему затрагивают своей работе «Руководство по военной-полевой криминалистике» С.В. Маликов и А.Н. Савенков², а также иные авторы³.

Правовыми основами организации системы военных прокуратур в годы Великой Отечественной войны были Положение о Верховном Суде Союза ССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР от 29 июля 1929 г., Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 (с изменениями 1929 г.), приказы Государственного комитета обороны, Прокурора СССР, Главного военного прокурора Красной армии, директивы НКО и Генерального штаба РККА и др.

Для работы в военное время приказом Главного военного прокурора Красной армии от 16 сентября 1940 г. было введено Наставление по работе органов военной прокуратуры Красной Армии в военное время», впоследствии, в ходе войны заменённое на Временное наставление по работе военных прокуроров РККА, введённое в действие приказом Главного военного прокурора РККА от 15 сентября 1941 г. № 53.

На первый день войны Главной военной прокуратуре Красной Армии было подчинено более 600 различных военных прокуратур общей штатной численностью около 4,5 тыс. военнослужащих.

За первый год организационного строительства органов военной прокуратуры в условиях Великой Отечественной войны была проделана большая работа.

Сформировано военных прокуратур: фронтов — 15, армий — 88, гарнизонов — 78, районов авиационного базирования — 89, корпусов — 51, дивизий — 511, бригад — 464, опергрупп — 8, укрепрайонов —

12, железных дорог — 29, водных бассейнов — 9, военных автодорог — 1, войск НКВД областей и охраны войскового тыла фронта (армии) — 51, спецлагерей НКВД — 21, Московской зоны обороны — 1, а всего — 1 430 военных прокуратур общей численностью 8 883 военнослужащих.

По состоянию на июль 1945 г. в числе подчинённых Главной военной прокуратуре Красной Армии органов числились прокуратур: фронтов — 12, тыла фронта — 7, фронтов ПВО — 3, опергрупп — 2, округов — 14, гарнизонов — 114, общевойсковых, гвардейских и ударных армий, армий ПВО — 72, стрелковых, танковых, механизированных, кавалерийских, авиационных, и других корпусов — 69, районов авиационного базирования, танковых лагерей, укрепрайонов, проверочно-фильтрационных лагерей НКВД и других — 38, стрелковых, танковых, кавалерийских, артиллерийских, авиационных, воздушно-десантных и других дивизий — 670, различных бригад — 30.

Всего содержалась 1 030 военных прокуратур общей штатной численностью 5 тыс. человек личного состава, включая 3 675 офицеров.

Кроме этого содержались многие военные прокуратуры Народного комиссариата ВМФ, железнодорожного транспорта, морского и речного флота⁴.

Из приведённых данных можно сделать два следующих вывода. Во-первых, основной, так сказать, тактической единицей для военной прокуратуры на театре военных действия являлась военная прокуратура дивизии и бригады (последняя — на начальном периоде войны), во-вторых, эти тактические формы организации военных прокуратур оперативно и неоднократно реорганизовывались, исходя из насущных задач войск во время ведения боевых действий и были ориентированы

¹ Докучаев О.В. Развитие организационно-штатного устройства органов военной прокуратуры в России // Историко-правовые аспекты становления и развития органов военной прокуратуры в России : Сборник научных статей. М., 2008. С. 32—50.

² Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике : монография. М.: Этника, 2011. С. 54—59.

³ Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. М., 2000.

⁴ Докучаев О.В. Указ. соч.

на организационно-штатную структуру войск, ведущих боевые действия.

Россия в конце XX — начале XXI в. трижды сталкивалась с серьёзными военными вызовами на своей и соседних территориях. Это вооружённый конфликт в Чеченской Республике и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации, отнесённых к зоне вооружённого конфликта (с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г.) и контртеррористическая операция на территории Северо-Кавказского региона (с августа 1999 г.), а также выполнение задач по обеспечению безопасности и защите граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Южная Осетия и Республики Абхазия (с 8 по 22 августа 2008 г.).

В ходе этих конфликтов организация работы военных прокуратур повторяла их структуру в мирной жизни. Так, в Чеченской Республике были образованы прокуратура ОГВ(с), то есть Объединённой группировки войск (сил) с правами прокуратуры субъекта Российской Федерации, и подчинённые ей номерные военные прокуратуры с правами прокуратур гарнизонов. Все указанные прокуратуры имели постоянное место дислокации. В ходе конфликта на территориях республик Южная Осетия и Абхазия задачи по правоохране действий Вооружённых Сил выполняли работники номерных военных прокуратур, дислоцированных на территории этих республик, и прикомандированные к ним работники, а также, в связи с созданием Следственного комитета Российской Федерации — сотрудники военных следственных органов по такому же принципу. Имеющаяся практика работы указанных военных прокуратур и военных следственных органов в целом показала свою эффективность и отвечала условиям тех конфликтов, два из которых характеризовались относительно ограниченной вовлечённостью в них сил и

средств, а второй — небольшим временным промежутком.

Однако идущий теперь военный конфликт (СВО) — это конфликт иного рода. Он значительно обширнее как по территориальному охвату, так и по количеству задействованных в нём частей, соединений и объединений Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований, на что указывается в научной литературе¹. В этом плане данный военный конфликт наиболее похож на реалии Великой Отечественной войны, конфликты такого рода, на наш взгляд, в дальнейшем могут потребовать схожей организации работы военных правоохранительных органов, а также порядка их управления и взаимодействия, существовавшему во время Великой Отечественной войны.

О.В. Докучаев отмечает, что основной объём работы на фронте выполнялся военными прокуратурами дивизий и бригад. В 1941—1942 годах, когда в штате военных прокуратур дивизии состояло три военных следователя, два из них закреплялись за действующими на переднем крае частями и подразделениями, а третий вместе с канцелярией оставался во втором эшелоне управления дивизии для обслуживания подразделений и служб тыла. Сам военный прокурор находился в первом эшелоне, на командном пункте командира дивизии. При этом военный прокурор, разумеется, регулярно посещал передовые и тыловые части и всегда имел возможность руководить своими оперативными работниками, направлять их деятельность в соответствии с боевой обстановкой и задачами дивизии.

Такая расстановка сил позволяла военному прокурору иметь повседневную связь с командованием и различными службами управления и тыла дивизии, с командирами полков и других подразделений. Военный прокурор, как правило, всегда был в курсе всех событий, боевых

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 59—77.

операций дивизии и мероприятий командования, знал жизнь и обстановку в частях, был информирован обо всех чрезвычайных происшествиях и нарушениях воинской дисциплины и быстро на них реагировал. Помимо этого, указанная организация позволяла военному прокурору оперативно докладывать о происшествиях в Главную военную прокуратуру Красной Армии.

Согласно штатам военного времени, по состоянию на 13 мая 1942 г. в военных прокуратурах фронта состояло по 16 человек оперативного и 13 человек технического состава (6 военнослужащих и 7 вольнонаёмных), армии — 6 человек оперативного и 7 человек технического состава (4 военнослужащих и 3 вольнонаёмных), стрелкового корпуса — 5 человек оперативного и 4 человека технического состава (3 военнослужащих и 1 вольнонаёмный), стрелковой дивизии — 4 человека оперативного и 1 человек технического состава из военнослужащих, отдельной стрелковой бригады — 2 человека оперативного и 1 человек технического состава из военнослужащих.

Таким образом, из приведённых данных следуют четыре принципиальных положения: во-первых, и это главное, привязка прокуратур к обслуживаемым воинским частям не по территориальному (гарнизонному) принципу, а по принципу непосредственной принадлежности и подчинённости воинских частей на театре военных действий; во-вторых, сравнительно небольшое количество прокурорских работников относительно численности обслуживаемого воинского формирования; в-третьих, разделение на оперативный (военные юристы) и технический состав, включающий военнослужащих — не юристов и вольнонаёмных работников; в-четвертых, возрастание соотношения количества технического персонала по мере увеличения численности и возрастания уровня управления обслуживаемого воинского формирования (в военных прокуратурах дивизий и бригад соотношение оперативных работников к техническим — 2

к 1, а в военных прокуратурах фронтов и армий — почти 1 к 1).

Нам представляется, что в случае и условиях ведения интенсивных боевых действий, связанных со значительным перемещением войск, целесообразно образовывать военные следственные отделы и военные прокуратуры исходя из схожего принципа. При этом в больших по численности и уровню управления воинских формированиях необходимо предусматривать по две-четыре должности оперативного состава прокурорских и следственных работников, которые могут работать на отдельном направлении в значительном удалении от места дислокации отдела, а также одну-две должности оперативного состава для координации деятельности подчинённых военных следственных отделов и прокуратур.

На наш взгляд, в штате органов военной юстиции также целесообразно содержать военнослужащих, не имеющих специальных воинских званий, для замещения ими должностей в обеспечивающих подразделениях.

Таким образом, вероятная штатная структура военных следственных органов на театре военных действий в случае ведения интенсивных боевых действий могла бы иметь следующий вид.

Низовой тактический уровень — военные следственные отделения (кабинеты) соединения (в зависимости от его вида), состоящие из двух-четырёх военнослужащих СК России, имеющих специальные воинские звания (далее — военнослужащие, имеющие специальные воинские звания), а также сотрудников из числа военнослужащих по контракту (начальник специальной части и водитель).

Целесообразно выделение из отделения следственного участка с отдельным местом дислокации в соединении, либо возможности комплектования за счёт своего штата ещё одного военного следственного отделения.

Указанные военные следственные отделения должны подчиняться согласно их организационно-штатной структуре военным следственным отделам объединений.

Далее — военные следственные отделы объединения. В военном следственном отделе объединения, помимо должностей руководителей и следователей целесообразно предусмотреть должности следователя-криминалиста, инспектора (процессуального контроля), а также сотрудников из числа военнослужащих по контракту, не имеющих специальных воинских званий, в том числе водителя и инспектора (по обеспечению деятельности технических средств), федеральных государственных гражданских служащих — начальника отдела документационного обеспечения и начальника специальной части.

Таким образом, указанные отделы будут одновременно являться оперативным резервом руководителя военного следственного направления. За счёт своего штата такой отдел должен иметь возможность сформировать одно военное следственное отделение соединения или два следственных участка, а также иметь возможность осуществлять процессуальный контроль за расследованием уголовных дел подчинёнными военными следственными отделами соединений, расследовать особо важные дела воинских частей и подразделений армейского подчинения и приданных воинских частей, осуществлять криминалистическую помощь в расследовании уголовных дел подчинёнными военными следственными отделами соединений.

Указанные военные следственные отделы должны подчиняться согласно их организационно-штатной структуре военным следственным управлениям направления.

В состав военного следственного управления направления предлагается включить два военных следственных отдела и три отделения, укомплектованных военнослужащими, имеющими специальные воинские звания, а также технических работников — военнослужащих по контракту, федеральных государственных гражданских служащих. В аппарате следственного управления целесообразно организовать два следственных отдела, а

также три отделения: контрольно-зональное, криминалистическое и обеспечения деятельности.

Третий уровень — военное следственное управление направления, то есть фронта, флота, тылового района фронта, округа и так далее. Военное следственное управление направления должно иметь возможность при необходимости автономно действовать минимум в трёх разных местах дислокации, осуществлять процессуальный контроль за деятельностью подчинённых военных следственных отделов и отделений, осуществлять их материально-техническое обеспечение и кадровую работу, обеспечивать участие следователей-криминалистов в производстве значимых следственных действий, расследовать резонансные уголовные дела о преступлениях, совершенных военнослужащими частей фронтового подчинения (направлений) и приданных частей и воинских формирований. На базе военного следственного управления должна иметься возможность формирования двух военных следственных отделов объединения либо до четырёх военных следственных отделений соединений.

При этом в указанном управлении должны быть штатно предусмотрены кроме таких же отделов и отделений, как в объединении, отделение резерва и аналитический отдел.

Каждый сотрудник военных следственных органов на театре военных действий должен быть обеспечен портативным компьютером и принтером, стационарными средствами связи, а сотрудники, выезжающие на места происшествий, ещё и средствами индивидуальной защиты (бронежилет и каска) и портативными средствами связи. На военный следственный отдел соединения или четырёх следователей и (или) следователей-криминалистов должен быть предусмотрен один криминалистический чемодан и один комплект БПЛА со средством управления, а также набором сменных винтов и комплектом минимум из трёх аккумуляторов и зарядного устройства.

В каждом отделе должна быть обеспечена охрана за счёт подразделений Вооружённых Сил Российской Федерации, или его расположение должно осуществляться таким образом, чтоб его прикрывали штатные подразделения охраны соединения или объединения, в котором имеется конкретный военный следственный отдел. Должна быть налажена система открытой и закрытой связи, а также разработана таблица позывных, налажен обмен паролями и позывными при выездах на линию боевого соприкосновения.

Для оперативного обмена информацией в системе военных следственных органов необходимо вести учёты: 1) лиц, самовольно оставивших воинские части и дезертировавших из них с указанием их анкетных и документальных данных; 2) без вести пропавших лиц, с указанием их анкетных и документальных данных; 3) обнаруженных в зоне действия войсковых частей и пунктах временной дислокации войсковых частей на театре военных действий неопознанных трупов с указанием места обнаружения; 4) нераскрытых убийств по принадлежности войсковых частей с указанием места совершения и анкетных данных убитых; 5) признаков (разработать отдельно), свидетельствующих об умышленном выводе военной техники и вооружения из строя; 6) событий мародёрства; 7) событий крупного хищения военного имущества и оружия, а также их утраты; 8) событий неконвенционального применения оружия; 9) перечня лиц, попавших в плен с указанием их анкетных данных 10) перечня военнопленных с указанием анкетных данных и мест пленения.

Кроме того, представляет интерес опыт Великой Отечественной войны в плане оперативного перемещения кадров работников военных прокуратур и создания временных структур — групп, бригад, участков, новых военных прокуратур. Так, Указанием от 16 августа 1941 г. Главный военный прокурор Красной Армии

определил основы подчинённости и взаимодействия органов военной прокуратуры на территории дислокации фронтов. Прокуроры фронтов по отношению к подчинённым военным прокуратурам Красной Армии пользовались всей полнотой управленческих полномочий, включая право перемещения кадров и создания в отдельных случаях, вызванных боевой обстановкой, новых штатных структур. Таким образом, военные прокуратуры Красной Армии находились в прямом подчинении военных прокуроров фронтов. С другими органами военной прокуратуры и военизированными территориальными прокуратурами осуществлялось постоянное взаимодействие, и они находились в оперативном подчинении военных прокуроров фронтов.

В районах военных действий активно создавались временные нетиповые формирования военной прокуратуры: оперативные группы, бригады, участки, что было обусловлено быстрой сменой обстановки, постоянными перемещениями крупных войсковых контингентов, необходимостью концентрации усилий личного состава военных прокуратур в конкретных районах. Временные структурные подразделения создавались приказами военных прокуроров фронтов за счёт собственной штатной численности и личного состава постоянного кадрового резерва прокуратур фронтов с последующим уведомлением Главного военного прокурора¹.

Аналогичным образом, на наш взгляд, необходимо действовать и сегодня в случае возникновения крупного регионального военного конфликта, который будет связан с быстрым перемещением крупных масс войск.

Полагаем также целесообразным делегирование части полномочий по созданию, реорганизации и упразднению новых следственных органов руководителю военного следственного управления направления для того, чтобы имелась опе-

¹ Докучаев О.В. Указ. соч.

ративная возможность создания временных организационно-штатных образований в виде отделов, отделений и участков за счёт собственного штата, с обязательным письменным уведомлением заместителя Председателя Следственного Комитета Российской Федерации — руководителя Главного военного следственного управления и Председателя Следственного Комитета Российской Федерации в течение суток.

Для оперативного получения информации Председателем Следственного комитета Российской Федерации и его заместителем — руководителем главного военного следственного управления необходимо предусмотреть табель срочных донесений, куда включить только необходимые для учёта и обработки сведения, как нам представляется: о количестве лиц, самовольно оставивших воинские части (дезертировавших), и уклонившихся от исполнения обязанностей военной службы иным способом; без вести пропавших, о случаях умышленного вывода военной техники и вооружения из строя; о преступлениях, связанных с хищением военного имущества; утрат оружия; о случаях неисполнения приказов командиров (начальников); о количестве лиц, добровольно сдавшихся в плен; о случаях мародёрства; о применении запрещённых средств и методов ведения войны. В каждом случае совершения преступления военнослужащими также надлежит указывать принадлежность воинской части для того, чтобы указанную информацию обобщать в целях уведомления прокуратуры для проведения профилактических и надзорных мероприятий. Для оперативности обмена информацией следует предусмотреть возможность и порядок обмена ею в национальных мессенджерах. Вопрос обеспечения информационной безопасности необходимо прорабатывать отдельно. Необходимо создание полностью национального мессенджера с защищёнными каналами связи, выделяемыми для правоохранительных органов и органов военного управления.

Отдельно хочется остановиться на сроках расследования уголовных дел в ходе Великой Отечественной войны. О.В. Докучаев в своей статье приводит характерный пример оперативного расследования уголовного дела: «В ночь на 28 ноября 1941 г. 80-я стрелковая дивизия Невской оперативной группы, согласно разработанному штабом фронта плану операции по прорыву блокады должна была нанести отвлекающий удар на левом берегу Невы южнее Шлиссельбурга. При этом 1-й особый лыжный полк морской пехоты Балтийского флота под командованием майора Маргелова В.Ф. (ставшего после войны командующим ВДВ) скрытно выдвинулся по льду Ладожского озера на его южный берег для захвата плацдарма. Однако 80-я стрелковая дивизия боевую задачу не выполнила, на рубеж атаки не вышла и удар не нанесла. Командир соединения полковник П. сообщил в штаб фронта, что подчинённые ему воинские части после боев слабы и к наступлению не готовы. В результате боя с превосходящими силами противника полк морской пехоты был почти полностью уничтожен, а Маргелов В.Ф. тяжело ранен. В связи с этим командир и комиссар дивизии арестованы и преданы суду военного трибунала. Уголовное дело в отношении них по обвинению в измене Родине (ст. 58-1 «б» УК РСФСР) расследовано военными следователями военной прокуратуры фронта совместно с фронтовой контрразведкой. К делу приобщены в качестве доказательств боевые документы и штабные карты. Допрошены многие свидетели из числа военнослужащих дивизии. Проведена военно-тактическая экспертиза. Обвинительное заключение утвердил военный прокурор фронта Грезов М.Г. Судебное заседание военного трибунала фронта состоялось 2 декабря 1941 г. Суд переквалифицировал действия подсудимых на п. «б» ст. 193.21 УК РФ РСФСР «Самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений вопреки военным правилам

при особо отягчающих обстоятельствах» и приговорил их к расстрелу»¹.

Как видим, с момента совершения преступления до начала судебного разбирательства прошло 4 суток. Разумеется, в современных условиях такие сроки расследования представляются невероятными и потребуют изменения процессуального законодательства и организационных мер, в том числе в военной прокуратуре и военных судах. Тем не менее, максимально возможному оперативному расследованию преступлений в зоне проведения специальной военной операции могли бы способствовать, на наш взгляд, внесение изменений в ряд норм уголовно-процессуального законодательства, позволивших бы существенно сократить сроки проведения проверок сообщений о преступлении, расследования уголовных дел (данный вопрос требует отдельного детального обсуждения и в рамках данной статьи не рассматривается), перевод ряд обязательных процессуальных процедур по обеспечению прав защиты в уведомительные, использование возможностей информационных технологий, в том числе, проведения следственных действий по видео-конференц-связи, применения современных технико-криминалистических средств, экспертных методик, научной организации труда следователя, а также ужесточения уголовно-правовой ответственности за ряд воинских преступлений.

Военные прокуратуры на театре военных действий в случае их интенсификации могли быть образованы схожим с военными следственными органами образом. Вероятнее всего, потребуется введение военных трибуналов, в которых на должностях судей будут состоять военнослужащие.

При организации взаимодействия в работе с военными прокурорами и судьями опять же интересен опыт Великой Отечественной войны. В частности, был накоп-

лен значительный опыт при решении вопросов взаимодействия в условиях действующей армии военных прокуратур и военных трибуналов. Организация их эффективного взаимодействия в этих условиях была связана со значительными трудностями, вызванными боевой обстановкой, быстрыми перемещениями войск и кратковременностью концентрации частей и соединений в небольших населённых пунктах, на железнодорожных путях, развязках шоссейных дорог, где отсутствовали военные прокуратуры и трибуналы гарнизонов.

С другой стороны, это определялось несовершенством организации некоторых тактических соединений, в боевом составе и штате которых не предусматривалось содержание военных прокуратур и трибуналов. Сложившаяся ситуация потребовала совместными решениями военных прокуроров и председателей военных трибуналов фронтов создавать соответствующие временные внештатные структуры — комбинированные группы. В них включалась полевая действующая выездная сессия военного трибунала фронта в составе нескольких судей и народных заседателей. Из личного состава ближайших военных прокуратур формировалась бригада, включающая военных следователей и помощников военных прокуроров, которую возглавлял военный прокурор одного из соединений. Общую координацию действий мог осуществлять помощник военного прокурора фронта.

В приведённом примере предложен действенный способ организации работы следственных, прокурорских и судейских работников в составе временных структурных образований в ходе боевых действий.

Таким образом, на наш взгляд, использование обобщённого опыта Великой Отечественной войны могло бы позволить в условиях интенсивного военного кон-

¹ Докучаев О.В. Деятельность военной прокуратуры Ленинградского фронта по борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 12.

фликта выстроить действительно результативную систему правоохраны в Вооружённых Силах России, а также значительно повысить результативность борьбы с воинскими преступлениями.

Список источников

1. Докучаев О.В. Деятельность военной прокуратуры Ленинградского фронта по борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 7—13.
2. Докучаев О.В. Развитие организационно-штатного устройства органов военной прокура-

туры в России // Историко-правовые аспекты становления и развития органов военной прокуратуры в России : Сборник научных статей. Москва, 2008. С. 32—50.

3. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. EDN KYVIBT

4. Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике : монография. Москва: Этника, 2011. 654 с.

5. Ушаков С.Ю., Стукалов А.А. Фронт военных прокуроров. Москва, 2000. 224 с.

On the issue of organizing the work of military law enforcement agencies during a special military operation (using the example of organizing the work of military prosecutor's offices during the Great Patriotic War)

© Shishov S.S.,
PhD in Law

Annotation. The article highlights the issues of the possible organization of pre-trial investigation and prosecutor's offices during the wartime period. The analysis of the work of the preliminary investigation bodies, the military prosecutor's office and military courts (tribunals) is based on the experience of the Great Patriotic War. The issues of possible organization of the work of the bodies of preliminary investigation, supervision and trial in the theater of military operations are being considered.

Keywords: preliminary investigation bodies, military prosecutor's office, military court, military operations, special military operation.

For citation: Shishov S.S. On the Issue of Organizing the Work of Military law enforcement agencies during a Special military operation (on the example of organizing the work of Military Prosecutor's offices during the Great Patriotic War) // Military law. 2025. No. 5. pp. 47-55.

The article was received by the editorial office on July 2, 2025.

Военно-административное право

Современные кадровые технологии на государственной службе в Российской Федерации

© **Евсеев Алексей Александрович**,
слушатель 2 факультета Академии
управления МВД России

Аннотация. Статья представляет комплексный анализ современных кадровых технологий, применяемых в органах внутренних дел Российской Федерации. Рассматривается специфика кадровой работы в системе МВД России, обусловленная особым правовым статусом сотрудников, задачами обеспечения правопорядка и национальной безопасности. Детально исследуются ключевые технологии: цифровизация кадровых процессов, система оценки, формирование и работа с кадровым резервом, профессиональная подготовка и дополнительное образование, мотивационный комплекс. На основе анализа нормативно-правовой базы, официальных отчетов органов государственной власти, результатов научных исследований и экспертных оценок выявляются актуальные проблемы внедрения и эффективности данных технологий, а также определяются перспективные направления их совершенствования в контексте повышения качества кадрового обеспечения органов внутренних дел.

Ключевые слова: МВД России, сотрудник органов внутренних дел, кадровая работа, кадровые технологии, профессиональная подготовка, социальные гарантии, аттестация, комплексная проверка.

Для цитирования: Евсеев А.А. Современные кадровые технологии на государственной службе в Российской Федерации // Военное право. 2025. № 5. С. 56—61.

Статья поступила в редакцию 18 августа 2025 г.

Кадровая политика в органах внутренних дел представляет собой сложный институциональный механизм, функционирующий в условиях дуализма публично-правовых и управленческих задач. Специфика данного механизма определяется совокупностью взаимосвязанных факторов, требующих детального рассмотрения. Данная тема характеризуется актуальностью, что также подтверждается научными работами российских ученых¹.

В настоящее время использование информационных технологий в управлении персоналом — это необходимое условие

для того, чтобы обеспечить эффективную работу любой компании. Как показывает практика, одному менеджеру кадровой службы при помощи автоматизированных систем под силу вести дела сотни сотрудников компании. Использование в работе компьютерных технологий позволяет в кратчайшие сроки получать различные формы отчетности согласно всем изменениям, происходящим в законодательстве. Можно отметить, что электронные базы данных, используемые в МВД России, предназначены для систематизации и хра-

¹ См. напр.: Брунер Р.А. Кадровая политика Министерства внутренних дел как инструмент управления сотрудниками полиции // Государственная служба и кадры. № 5. 2021. С. 27—30; Корякин В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. 2019. № 1. С. 217—228; Кириченко Н.С. К вопросу о государственной кадровой политике в области формирования и подготовки резерва управленческих

кадров // В сборнике: Контрактная система: итоги работы и направления совершенствования. Материалы IV международной научно-практической конференции. 2014. С. 215—220; Калашников В.В., Харитонов С.С. Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по материалам военных судов) // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 35—48.

нения информации, а также позволяют получить оперативный доступ к необходимым сведениям, облегчают их поиск и предоставление в самом различном формате — в тестовом, цифровом, графическом, фото и видео. Исходя из широкого перечня используемых в процессе служебной деятельности органов внутренних дел персональных данных, следует вывод о том, что информация о сотрудниках наличествует в различных учетах и банках данных, функционирующих в МВД России. Эти банки данных сопоставимы с гигантским хранилищем документальной памяти, обеспечивающим процесс поиска, обработки и анализа информации. Работа с личным составом неразрывно связана с накоплением, формированием, обработкой и использованием значительных объемов сведений о всех категориях сотрудников органов внутренних дел. В условиях нарастающего темпа развития новых технологий в обществе вопрос необходимости применения информационно-аналитических систем и перехода службы кадровых подразделений органов внутренних дел в новый формат приобретает особое значение.

Нормативно-правовая база кадровой работы в ОВД формируется под влиянием двух взаимосвязанных, но разнонаправленных векторов регулирования. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел» и ведомственные приказы МВД России устанавливают жесткие формальные требования к отбору, аттестации и профессиональному развитию сотрудников. В то же время оперативная обстановка требует гибкости и адаптивности кадровых решений, что создает перманентное напряжение между бюрократической регламентацией и практической целесообразностью.

Кадровая работа в ОВД характеризуется выраженной этапностью и цикличностью. Процесс профессионального ста-

новления сотрудника проходит через последовательные стадии, начиная с первичного отбора с применением психофизиологических методов диагностики, через базовую профессиональную подготовку в образовательных учреждениях МВД России, до поэтапного должностного продвижения через систему аттестационных процедур. Непрерывное повышение квалификации с учетом специализации завершает этот процесс.

Особая роль отводится системе ценностных ориентаций и профессиональной социализации. Формирование корпоративной идентичности сотрудников ОВД осуществляется через институт наставничества, ритуалы служебного взаимодействия и систему ведомственных наград и поощрений¹. Современные исследования отмечают нарастающий конфликт между традиционными ценностями правоохранительной субкультуры и требованиями цифровой трансформации кадровой работы.

Кадровые технологии представляют собой систематизированную совокупность методов, инструментов и процедур управления персоналом, направленных на эффективное решение задач кадрового обеспечения организации². При помощи кадровых технологий можно определить, насколько работник органов публичной власти удовлетворен результатами своего труда. В том числе, при реализации кадровых технологий можно проследить, насколько работодатель удовлетворен своим работником, какие меры дисциплинарного характера или меры поощрения применить к персоналу, как выявить личностные, психологические, индивидуальные, деловые качества персонала, как провести аттестацию персонала, как произвести прием, отбор и подбор персонала. Данные аспекты решаются в кадровых службах при помощи методики применения кадровых технологий. Перейдем к

¹ Екимов А.Ю. Совершенствование информационных технологий в организации кадрового обеспечения территориальных органов МВД России // Академическая мысль. № 1 (22). 2023. С. 48—51.

² Круглякова Н.Н. Тенденции применения кадровых технологий при реализации государственной кадровой политики // Форум молодых ученых. № 1 (77). 2023. С. 122.

рассмотрению современных кадровых технологий:

1. Цифровизация кадровых процессов.

Процесс цифровой трансформации кадровой работы в МВД России развивается по нескольким ключевым направлениям. Автоматизация кадрового документооборота через внедрение сервисов электронного документооборота позволила унифицировать процессы электронного кадрового делопроизводства, автоматизированного формирования отчетности и управления кадрами¹. В то же время применение методов предиктивной аналитики способствует прогнозированию кадровых потребностей, выявлению факторов текучести кадров и оптимизации распределения человеческих ресурсов. Развитие системы дистанционных технологий оценки включает онлайн-тестирование профессиональных компетенций и создание цифровых портфолио сотрудников.

2. Система оценки сотрудников.

Современная модель оценки сотрудников представляет собой комплексную систему, включающую ряд компонентов². Профессионально-квалификационный блок охватывает аттестационные процедуры, оценку результатов оперативно-служебной деятельности и анализ выполнения индивидуальных планов задач. Психолого-профессиографический блок предполагает проведение психодиагностики профессионально важных качеств, оценку стрессоустойчивости и анализ когнитивных способностей сотрудников. Социально-адаптационный блок направлен на оценку командного взаимодействия, анализ корпоративной лояльности и исследование уровня профессионального выгорания. Инновационно-креативный блок системы оценки сотрудников включает оценку способности к организационным изменениям и анализ готовности к освоению новых технологий. Такая мно-

гоаспектная система позволяет комплексно оценивать профессиональные качества сотрудников и их потенциал для дальнейшего развития.

3. Обучение и повышение квалификации.

Система профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел направлена на постоянное совершенствование их квалификации и адаптацию к изменяющимся требованиям оперативно-служебной деятельности. Правовой основой данного направления кадровой работы выступают положения ст. 76 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и приказ МВД России от 19 сентября 2022 г. № 691 «Об утверждении Особенности организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, дополнительным профессиональным программам и основным программам профессионального обучения, Особенности организации и осуществления методической и научной (научно-исследовательской) деятельности в области подготовки кадров, которые регламентируют порядок дополнительного и иного профессионального образования».

Обязательное дополнительное образование проводится не реже одного раза в 5 лет, при этом сохраняется возможность инициативного обучения по инициативе как самого сотрудника, так и руководства подразделения. Современная система обучения сочетает традиционные очные формы подготовки в ведущих ведомственных организациях и обучение с использованием дистанционных технологий.

4. Мотивация и стимулирование.

¹ Екимов А.Ю. Совершенствование информационных технологий в организации кадрового обеспечения территориальных органов МВД России // Академическая мысль. № 1 (22). 2023. С. 49.

² Тихонов Н.Е., Николаев А.А., Миндубаева Н.Р., Мартынова О.Ю. Система и методы оценки персонала в организации // Форум молодых ученых. № 10 (50). 2020. С. 615.

Современная система материального стимулирования в МВД строится на основе должностных окладов и званий, дополненных надбавками за выслугу лет и особые условия службы, а также премированием за достижения в оперативно-служебной деятельности. Однако практика показывает, что существующий уровень материального вознаграждения далеко не всегда адекватен тем психофизическим нагрузкам, которые испытывают сотрудники, что неизбежно приводит к снижению мотивации. Параллельно с этим в ведомстве применяются различные формы нематериального стимулирования, включая ведомственные награды, привлечение к участию в значимых мероприятиях и программы психологической поддержки. К сожалению, зачастую эти методы реализуются формально, без должного внимания к их содержательному наполнению, что существенно снижает их потенциальную эффективность.

Современная практика применения кадровых технологий в ОВД сталкивается с рядом существенных проблем, требующих детального рассмотрения. Центральной проблемой выступает чрезмерная бюрократизация кадровых процессов, проявляющаяся в избыточной регламентации, многоступенчатых согласованиях и формальном подходе к реализации кадровых решений. Такая ситуация значительно снижает оперативность принятия управленческих решений и затрудняет адаптацию кадровой системы к изменяющимся условиям оперативно-служебной деятельности.

Не менее значимой проблемой является недостаточная адаптивность существующих кадровых технологий. Быстро меняющаяся криминогенная обстановка, появление новых форм преступности и трансформация общественных ожиданий требуют от системы управления персоналом высокой гибкости и способности к оперативному реагированию. Однако инерционность организационных структур и консервативность управленческих

подходов зачастую препятствуют своевременной модернизации кадровых процессов.

Особую озабоченность вызывает дефицит квалифицированных специалистов в области управления персоналом. Кадровая работа в ОВД традиционно рассматривается как вспомогательная функция, что приводит к недостаточному вниманию к профессиональному развитию специалистов по управлению кадрами. Отсутствие системной подготовки кадровых работников в области современных технологий управления персоналом существенно ограничивает возможности внедрения инновационных подходов.

Серьезной проблемой остается слабая система обратной связи с личным составом. Существующие механизмы не позволяют в полной мере учитывать мнение рядовых сотрудников при разработке и реализации кадровой политики. Это приводит к разрыву между формальными кадровыми решениями и реальными потребностями оперативных подразделений, снижая эффективность управления персоналом.

В контексте выявленных проблем особую актуальность приобретает развитие цифровых технологий в кадровой работе. Перспективным направлением представляется внедрение систем искусственного интеллекта для анализа больших массивов кадровых данных, что позволит перейти от реактивного к предиктивному управлению персоналом. Создание интегрированных цифровых платформ профессионального развития, объединяющих электронные курсы, симуляторы практических навыков и системы оценки компетенций, может существенно повысить эффективность обучения сотрудников.

Совершенствование системы оценки персонала требует внедрения комплексных подходов, сочетающих традиционные аттестационные процедуры с современными методами оценки. Разработка объективных показателей эффективности деятельности, увязанных с ключевыми целями ведомства, поможет преодолеть субъективизм в оценке сотрудников.

Модернизация системы мотивации предполагает комплексный пересмотр подходов к материальному и нематериальному стимулированию. Упрощение и повышение прозрачности системы денежного содержания, разработка дифференцированных подходов к оплате труда в зависимости от сложности и результативности службы могут повысить мотивационную составляющую. Параллельно необходимо развивать программы корпоративной культуры, направленные на формирование командного духа и укрепление профессиональной идентичности сотрудников ОВД.

Подводя итог, отметим, что кадровая работа представляет собой сложный механизм, функционирующий в условиях баланса нормативной регламентации и оперативной целесообразности. Специфика статуса сотрудников и их деятельности требует специализированных подходов к управлению персоналом.

Исследование выявило развитие кадровых технологий по ключевым направлениям: цифровизация процессов, внедрение комплексных систем оценки, совершенствование подготовки и развитие мотивации. Однако их реализации мешают серьезные проблемы, включая чрезмерную бюрократизацию, недостаточную адаптивность, дефицит квалифицированных кадровиков и слабую интеграцию обратной связи от сотрудников.

Перспективы совершенствования связаны с комплексной модернизацией системы управления персоналом. Приоритетными направлениями являются: глубокая цифровизация с использованием искусственного интеллекта и предиктивной аналитики; создание объективных, прозрачных систем оценки по реальным показателям эффективности; развитие гибких моделей профессионального обучения;

совершенствование мотивации через баланс материальных и нематериальных стимулов; формирование корпоративной культуры для повышения профессиональной идентификации и престижа службы.

Совершенствование кадровых технологий является важнейшим условием повышения эффективности правоохранительной деятельности. Дальнейшее развитие темы требует углубленного изучения как теории управления персоналом в силовых структурах, так и практического опыта внедрения инноваций в ОВД.

Список источников

1. Брунер Р.А. Кадровая политика Министерства внутренних дел как инструмент управления сотрудниками полиции // Государственная служба и кадры. 2021. № 5. С. 27—30.
2. Екимов А.Ю. Совершенствование информационных технологий в организации кадрового обеспечения территориальных органов МВД России // Академическая мысль. 2023. № 1 (22). С. 48—51.
3. Калашников В.В., Харитонов С.С. Проблемы практического применения норм военного законодательства об увольнении с военной службы (по материалам военных судов) // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 35—48.
4. Кириченко Н.С. К вопросу о государственной кадровой политике в области формирования и подготовки резерва управленческих кадров // Контрактная система: итоги работы и направления совершенствования. Материалы IV международной научно-практической конференции. 2014. С. 215—220.
5. Корякин В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. 2019. № 1. С. 217—228.
6. Круглякова Н.Н. Тенденции применения кадровых технологий при реализации государственной кадровой политики // Форум молодых ученых. 2023. № 1 (77). С. 121—125.
7. Тихонов Н.Е., Николаев А.А., Миндубаева Н.Р., Мартынова О.Ю. Система и методы оценки персонала в организации // Форум молодых ученых. 2020. № 10 (50). С. 614—617.

Modern Personnel Technologies in the Public Service of the Russian Federation

© Evseev A.A.,

Student of the 2nd Faculty of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of modern personnel technologies used in the Russian Interior Ministry. It examines the specifics of personnel management in the Russian Interior Ministry, which are determined by the special legal status of employees, the tasks of ensuring law and order, and national security. The article also explores key technologies, including digitalization of personnel processes, evaluation systems, the formation and management of personnel reserves, professional training and additional education, and motivational programs. Based on the analysis of the regulatory framework, official reports of government bodies, the results of scientific research, and expert assessments, the article identifies current problems in the implementation and effectiveness of these technologies, as well as identifies promising areas for their improvement in the context of improving the quality of personnel support for law enforcement agencies.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, law enforcement officer, personnel management, personnel technologies, professional training, social guarantees, certification, comprehensive verification.

For citation: Evseev A.A. Modern Personnel Technologies in the Civil Service in the Russian Federation // Military law. 2025. No. 5. pp. 56-61.

The article was received by the editorial office on August 18, 2025.

Перспективы использования технологии блокчейн для противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа

© **Иванов Роман Валерьевич**,
соискатель 25 кафедры ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы совершенствования правового режима противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа. Констатируется повсеместное внедрение новых информационных технологий в эту сферу, как уже прочно вошедших в практику, так и новых, пока еще малоизученных и не в полной мере адаптированных как к российским условиям в целом, так и к специфике функционирования системы государственного оборонного заказа. К числу таких новых явлений относятся технологии блокчейна и смарт-контракта. Публикация носит прогностический характер, в ней раскрываются некоторые пути внедрения этих новых информационных технологий в сферу закупочной деятельности для нужд обороны, дается их оценка с точки зрения возможности использования в целях противодействия коррупции.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ; противодействие коррупции; блокчейн; смарт-контракт; цифровизация.

Для цитирования: Иванов Р.В. Перспективы использования технологии блокчейн для противодействия коррупции в сфере государственного оборонного заказа // Военное право. 2025. № 5. С. 62—65.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2025 г.

Все мы являемся очевидцами того, как стремительно, буквально за последние полтора десятилетия осуществляется цифровизация практически всех сфер государственной и общественной жизни, включая и область общественных отношений, связанных с осуществлением закупок товаров, работ и услуг для нужд обороны страны и военной безопасности государства. Традиционно эта сфера, несмотря на предпринимаемые меры, является наиболее подверженной коррупции. Статистика преступлений, выявленных органами военной прокуратуры, свидетельствует о сохранении высокого уровня коррупционных преступлений, совершаемых при проведении закупок товаров, работ и услуг для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2024

г. было возбуждено 863 уголовных дела о хищениях в рамках реализации оборонных программ, сумма причинённого ущерба составила более 4,5 млрд. руб.¹

При этом коррупционеры при выстраивании разнообразных коррупционных схем самым активным образом используют возможности современных информационных технологий. В связи с этим нисколько не является преувеличением вполне обоснованное мнение о том, что вся современная коррупция постепенно уходит «в цифру»². Безусловно, и государство в лице его правоохранительных органов все активнее берет на вооружение информационные технологии в борьбе с этим злом. В частности, речь идет об использовании обширных информационных ресурсов для анализа и получения данных

¹ Выступление Генерального прокурора Российской Федерации И.В. Краснова на коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2025 г. — URL: <https://genproc.gov.ru> (дата обращения 01.06.2025)

² Корякин В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. 2019. № 1. С. 217—228.

о действующих и потенциальных субъектах коррупционной деятельности¹.

В современных условиях цифровизации экономики особую значимость приобретает внедрение новых технологических решений, направленных на повышение прозрачности и подотчётности процессов государственных закупок, в том числе в сфере оборонного заказа. В условиях постоянного усовершенствования коррупционных схем в сфере государственного оборонного заказа (ГОЗ) возрастает потребность в использовании технологических решений, повышающих прозрачность и контролируемость процессов. Одной из таких технологий является блокчейн — распределённый реестр, обеспечивающий неизменяемость записей, децентрализацию хранения данных и верифицируемость операций. Применение блокчейн-технологий в сочетании со смарт-контрактами (программируемыми алгоритмами исполнения контрактных обязательств) может существенно сократить пространство для коррупционных злоупотреблений на всех этапах контрактного цикла.

Смарт-контракты позволяют автоматизировать исполнение договорных условий, исключая необходимость в человеческом факторе при осуществлении критически значимых операций — например, при переводе денежных средств за поставку или выполненную работу. Контракт исполняется строго по заданным параметрам (например, после загрузки в систему подтверждения поставки и результатов военного приёмочного контроля), а любая попытка его изменения фиксируется и подлежит последующему контролю. Это делает невозможным отклонение от контрактных обязательств без

следа и ограничивает возможности сговора между должностными лицами заказчика и подрядчиками.

На международной арене уже фиксируются пилотные проекты внедрения блокчейн-платформ для отслеживания закупок в оборонной сфере. Так, Министерство обороны Великобритании проводит эксперименты с использованием распределённых реестров для логистики и цепочек поставок. Аналогичные разработки ведутся в Пентагоне. Российская практика пока не демонстрирует широкого внедрения подобных решений в системе ГОЗ, что обусловлено как технологическим отставанием, так и институциональными ограничениями.

Тем не менее, возможность внедрения блокчейн-решений в российскую систему государственного оборонного заказа остаётся актуальной в контексте задач цифровой трансформации оборонно-промышленного комплекса. Их реализация требует пересмотра нормативной базы, стандартизации процедур цифровой верификации, а также подготовки квалифицированных кадров.

Блокчейн и смарт-контракты представляют собой перспективный технологический инструментарий для создания прозрачной, подотчётной и контролируемой системы закупок, где коррупционные риски могут быть минимизированы за счёт невозможности скрытого вмешательства в ход исполнения обязательств.

Обобщая обоснованные в научных публикациях выводы и суждения по данной проблеме², можно сформулировать следующие основные тезисы, отражающие антикоррупционный потенциал технологий блокчейна.

1. Обеспечение прозрачности.

¹ Иванов Р.В., Корякин В.М. Реестры «неблагонадежных лиц» как инструмент профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // Военное право. 2019. № 5. С. 126—137

² См., например: Маринкин Д.Н., Плотников Д.Р. Информационные технологии блокчейн как способ борьбы с коррупцией в современной России // Вестник Прикамского социального института.

2019. № 1 (82). С. 61—64; Мокрецов Ю.В. Совершенствование правового режима противодействия коррупции применением технологии блокчейн // Закон и право. 2023. № 11. С. 106—109; Токолов А.В. Блокчейн как инструмент в борьбе за искоренение коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3 (25). С. 155—157.

Блокчейн позволяет фиксировать все операции, связанные с размещением, заключением и исполнением государственных контрактов, в единой неизменяемой базе данных. Каждое действие — от подачи заявки до окончательного расчёта — записывается в реестре и становится доступным для контроля в режиме реального времени.

Такая система исключает возможность:

- сокрытия фактических условий контракта;
- внесения изменений задним числом;
- несанкционированных финансовых переводов.

Прозрачность движения денежных средств существенно снижает возможности для реализации коррупционных схем, основанных на манипуляциях данными о поставках, объёмах работ или стоимости товаров.

2. Повышение эффективности отчётности.

Блокчейн позволяет формировать полную и неизменяемую цепочку событий, отражающую:

- условия заключения контракта;
- все платёжные операции;
- этапы выполнения обязательств сторонами.

Это обеспечивает:

- автоматическую отчётность о каждом этапе исполнения контракта;
- сокращение возможностей для сокрытия нарушений;
- упрощение последующего аудита и проверки.

Участники закупочной деятельности вынуждены действовать в условиях полной прозрачности, что повышает их дисциплину и ответственность.

3. Помощь в раскрытии коррупционных преступлений.

Внедрение блокчейн-технологий значительно облегчает расследование коррупционных преступлений за счёт:

- фиксации всех транзакций без возможности их удаления или изменения;

— создания достоверных доказательств совершённых финансовых операций;

— установления реальных связей между участниками коррупционных схем.

Данные, полученные из блокчейн-систем, могут использоваться в уголовных процессах в качестве допустимых доказательств. Это повышает вероятность раскрытия преступлений и неотвратимость привлечения виновных лиц к ответственности.

5.4. Рекомендации по внедрению

На первом этапе целесообразно реализовать пилотные проекты по внедрению блокчейн-систем и смарт-контрактов на наиболее значимых направлениях оборонного заказа.

Параллельно требуется разработать:

- нормативную базу, определяющую правила использования распределённых реестров;
- стандарты безопасности и защиты информации;
- регламенты контроля исполнения контрактов с применением новых технологий.

Таким образом, интеграция блокчейн и смарт-контрактов способна стать эффективным инструментом профилактики коррупции и повышения прозрачности в сфере государственных закупок.

Список источников

1. Иванов Р.В., Корякин В.М. Реестры «неблагонадёжных лиц» как инструмент профилактики коррупции в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд военных организаций // Военное право. 2019. № 5. С. 126—137.
2. Корякин В.М. «Цифровизация» общественных отношений и ее влияние на состояние коррупции в военной организации государства // Военное право. 2019. № 1. С. 217—228.
3. Маринкин Д.Н., Плотников Д.Р. Информационные технологии блокчейн как способ борьбы с коррупцией в современной России // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 61—64.
4. Мокрецов Ю.В. Совершенствование правового режима противодействия коррупции применением технологии блокчейн // Закон и право. 2023. № 11. С. 106—109.

5. Токолов А.В. Блокчейн как инструмент в борьбе за искоренение коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3 (25). С. 155—157.

Prospects of using blockchain technology to counter corruption in the field of state defense procurement

© **Ivanov R.V.**,

Candidate for the 25th Chair of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Russian Ministry of Defense

Annotation. The article discusses some issues of improving the legal regime for combating corruption in the field of state defense procurement. The article notes the widespread introduction of new information technologies in this area, which have already become firmly established in practice, as well as new ones that are still poorly understood and not fully adapted to both Russian conditions in general and the specifics of the functioning of the state defense order system. Such new phenomena include blockchain and smart contract technologies. The publication is predictive in nature, it reveals some ways of introducing these new information technologies into the field of procurement for defense needs, and evaluates them in terms of the possibility of using them to combat corruption.

Keywords: state defense order; anti-corruption; blockchain; smart contract; digitalization.

For citation: Ivanov R.V. Prospects of Using Blockchain Technology to Counter Corruption in the Field of State Defense Procurement // Military law. 2025. No. 5. pp. 62-65.

The article was received by the editorial office on August 25, 2025.

О некоторых особенностях правового регулирования списания лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в аптечки, сумки и комплекты медицинского имущества

© Иноземцев Антон Сергеевич,
адъюнкт ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра
Невского» Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы регулирования и правоприменения в области списания лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в состав аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества. Особое внимание уделяется снабжению военнослужащих медицинскими препаратами и медицинским имуществом, вскрываются проблемные вопросы правового регулирования некоторых аспектов этой деятельности. Предлагается правовой алгоритм в области списания лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в состав аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества.

Ключевые слова: аптечка, сумка и комплект медицинского имущества, командир подразделения воинской части (организации), старшина роты, аптека воинской части (организации), медицинское имущество, списание с бухгалтерского учета, наркотические средства и психотропные вещества.

Для цитирования: Иноземцев А.С. О некоторых особенностях правового регулирования списания лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в аптечки, сумки и комплекты медицинского имущества // Военное право. 2025. № 5. С. 66—71.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2025 г.

Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ст. 28, п. 1) предусматривает, что военнослужащие (сотрудники) Росгвардии имеют право на медицинское обеспечение, предусмотренное федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для военнослужащих (сотрудников).

Оказание медицинской помощи, военно-врачебная экспертиза, медико-психологическая реабилитация, медицинские осмотры и диспансеризация проводится военнослужащим (сотрудникам) войск

национальной гвардии в медицинских организациях Росгвардии и МВД России, военно-медицинских организациях Вооруженных Сил Российской Федерации (на основании взаиморасчетов), медицинских организациях государственной и муниципальной системы здравоохранения (на договорной основе). Ведомственные медицинские организации Росгвардии в целях проведения указанных мероприятий обеспечиваются соответствующим медицинским имуществом по нормам снабжения¹.

В основном данные права установлены для военнослужащих ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ

¹ Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экс-

пертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493.

«О статусе военнослужащих», для сотрудников — ст. 11 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», среди которых и право на бесплатное обеспечение лекарственными препаратами и бесплатное обеспечение медицинскими изделиями в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и в организациях Росгвардии и МВД России¹.

Особую актуальность вопросы медицинского обеспечения войск приобрели с началом специальной военной операции². С учетом ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач военнослужащими, обеспечение их аптечками, сумками и комплектами медицинского имущества является важным аспектом организационной подготовки и безопасности при оказании медицинской помощи в порядке само- и взаимопомощи, в случае получения увечий (ранений, травм, контузий) или внезапно возникших заболеваний до прибытия медицинских специалистов, имеющих профессиональную подготовку³.

Проблема обеспечения имуществом различных сфер деятельности людей, его использования, расходования и списания с бюджетного учета, особенно в сложных социальных системах — актуальная задача

теории и практики⁴. Ее актуальность проявляется и в повседневной жизни, и в особых условиях⁵. При угрозе применения оружия массового поражения, возникновения эпидемий и пандемий именно материально-технический компонент и созданный заблаговременно запас материальных средств обеспечивает устойчивость системы общественного здравоохранения⁶. Снабжение военнослужащих (сотрудников) аптечками, сумками и комплектами медицинского имущества, в том числе в период проведения специальной военной операции, решает значительный комплекс необходимых задач по сохранению их жизни и здоровья, включающий в себя возможность остановки кровотечений, обработки ран, обезболивания и предотвращения инфекций, обеспечения поддержки жизненно важных функций пострадавшего и много другого.

Необходимо обратить внимание, что например, в соответствии с п. 9 ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» в Росгвардии установлены особенности оснащения аптечек, сумок и комплектов медицинского имущества⁷, включающее различные лекарственные препараты для медицинского применения и медицинские изделия, которые имеют ограниченные сроки годности, а также подлежат в последующем списанию в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем, а также в виду отсутствия правовой определенности списания

¹ Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

² Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32.

³ Наумов П.Ю., Шепель Р.Н., Холиков И.В. Оказание военнослужащим первичной медико-санитарной помощи: правовое регулирование и проблемные аспекты // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № S9. С. 46—56.

⁴ Холиков И. В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на

транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4(28). С. 93—99.

⁵ Мельков С.А., Холиков И.В. Экономико-правовые составляющие безопасности жизнедеятельности населения в условиях распространения эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 3(33). С. 159—172.

⁶ Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555; Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации // Современное право. 2010. № 3. С. 23—28.

⁷ Приказ Росгвардии от 26 мая 2023 г. № 175.

лекарственных препаратов для медицинского применения и медицинских изделий, входящих в состав аптек, сумок и комплектов медицинского имущества, автор предлагает рассмотреть к правоприменению в федеральных органах, в которых предусмотрена военная служба, концептуальную модель правового регулирования особенностей списания этого имущества.

Обеспечение воинской части (организации) медицинским имуществом является важным вопросом обеспечения правового статуса военно-медицинского персонала, позволяющее ему гарантировать выполнение своих обязанностей по оказанию медицинской помощи жертвам вооруженных конфликтов¹. Оно возлагается на начальника медицинской службы воинской части (организации), а в случае его отсутствия — на назначенное лицо от командования (руководящего состава) воинской части (организации).

Обеспечение медицинским имуществом в соответствии с нормами в подразделениях воинской части (организации) возлагается на командиров (начальников) соответствующих подразделений, которыми в том числе осуществляется контроль за ведением учета, качественным состоянием, а также за использованием медицинского имущества по назначению².

Медицинское имущество для оказания первой помощи относится к лекарственным средствам и материалам, применяемым в медицинских целях³, а также подлежат отражению на счете 1 105 31 «Медикаменты и перевязочные

средства — иное движимое имущество учреждения»⁴ с применением общих правил поступления, перемещения и выбытия (списания), установленных для материальных запасов (расходного медицинского имущества), определяемых соответствующим федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, — самостоятельно.

Отмечается, что в федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба списание лекарственных препаратов и медицинских материалов из аптеки воинской части (организации), за исключением медицинского имущества, подлежащего предметно количественному учету, осуществляется прямым расходом по ведомости выдачи материальных ценностей на нужды учреждения по установленной форме⁵.

Тем самым, списание медицинского имущества с бюджетного учета воинской части (организации) осуществляется финансово-экономическим подразделением воинской части (организации) при организации «проводки» соответствующих документов, сформированных на основании ежемесячного (ежеквартально) акта списания (отчета), представляемого начальником аптеки воинской части (организации).

В случае выдачи медицинского имущества командиру (начальнику) подразделения воинской части (организации) либо старшине роты для дальнейшей передачи в пользование

¹ Холиков И. В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

² Военно-административное право (Военная администрация) : Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

³ ОК 034-2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности, утвержденный приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст.

⁴ План счетов бюджетного учета и Инструкции по его применению, утвержденные приказом Минфина России от 6 декабря 2010 г. № 162н.

⁵ Форма по ОКУД 0504210, утвержденная приказом Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н «Об утверждении форм первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета, применяемых органами государственной власти (государственными органами), органами местного самоуправления, органами управления государственными внебюджетными фондами, государственными (муниципальными) учреждениями, и Методических указаний по их применению».

третьим лицам, оформляются требования-накладные по установленной форме¹ или раздаточная (сдаточная) ведомость, определяемая федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба², и выданное медицинское имущество, продолжает числиться по требованию-накладной в учете

за командиром (начальником) подразделения воинской части (организации) либо старшиной роты до формирования акта списания и (или) раздаточных (сдаточных) ведомостей.

При выдаче медицинского имущества из аптеки воинской части (организации) личному составу из числа военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в постоянное (личное) пользование оформляется ведомость выдачи материальных ценностей на нужды учреждения по установленной форме³, которая в последующем представляется в финансово-экономическое подразделение воинской части (организации), и выданное медицинское имущество списывается с соответствующего учета.

В случае выдачи медицинского имущества во временное пользование (для выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных задач) военнослужащим из числа переменного состава сроком не более чем на месяц, выдача медицинского имущества оформляется по книге (ведомости) учета материальных ценностей, выданных во временное пользование по форме, определяемой федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена

военная служба⁴, при этом в учете медицинское имущество продолжает числиться за командиром (начальником) подразделения воинской части (организации) либо старшиной роты.

Отмечая, что до истечения сроков годности медицинского имущества командир (начальник) подразделения воинской части (организации) либо старшина роты заблаговременно (не позднее, чем за 6 месяцев) информирует начальника аптеки воинской части (организации) о сроках и количестве медицинского имущества, подлежащего замене (освежению), а начальник аптеки воинской части (организации) осуществляет приобретение медицинского имущества, его замену, в том числе организует его последующую выдачу.

Медицинское имущество с истекшим сроком годности изымается начальником аптеки воинской части (организации) из использования, и может быть утилизировано в установленном порядке либо может быть использовано для пополнения учебно-материальной базы для проведения занятий по военно-медицинской подготовке, за исключением лекарственных препаратов для медицинского применения.

Изъятые начальником аптеки воинской части (организации) лекарственные препараты для медицинского применения с истекшим сроком годности, к бюджетному учету воинской части (организации) не принимаются и, в соответствии с требованиями федерального

¹ Форма по ОКУД 0510451, утвержденная приказом Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н.

² Например, в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации форма раздаточной (сдаточной) ведомости определена приложением № 9 к Инструкции по организации учета вооружения, военной, специальной техники и иных материальных ценностей в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденной приказом Росгвардии от 29 декабря 2021 г. № 490.

³ Форма по ОКУД 0504210, утвержденная приказом Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н.

⁴ Например, в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации форма книги (ведомости) учета материальных ценностей, выданных во временное пользование определена приложением № 15 к Инструкции по организации учета вооружения, военной, специальной техники и иных материальных ценностей в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденной приказом Росгвардии от 29 декабря 2021 г. № 490.

законодательства¹ подлежат утилизации, как недоброкачественные лекарственные препараты для медицинского применения в установленном порядке², в том числе после заключения соответствующего договора со сторонней организацией, имеющей лицензию на соответствующий вид деятельности.

В случае необходимости пополнения (освежения) медицинского имущества, выданного в постоянное (личное) пользование (использование, утрата, истечение срока годности) командир (начальник) подразделения воинской части (организации) представляет соответствующую заявку в аптеку воинской части (организации) и списание с бюджетного учета медицинского имущества осуществляется после оформления ведомости выдачи материальных ценностей на нужды учреждения³ и последующего представления в финансово-экономическое подразделение воинской части (организации), при этом медицинское имущество с истекшим сроком годности, за исключением наркотических средств и психотропных веществ у личного состава не изымается, в связи с тем, что оно уже списано с баланса воинской части (организации).

Наркотические средства и психотропные вещества в установленных случаях⁴ сдаются личным составом командиру (начальнику) воинской части (организации) либо старшине роты, которые обеспечивают их сохранность и последующую передачу в аптеку воинской части (организации) для последующего уничтожения

в порядке, определенном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения⁵.

Обозначенный выше правовой алгоритм организации списания медицинского имущества заслуживает внимания, и соответствующего нормативного правового закрепления в правовых нормах, что позволит федеральным органам исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба упорядочить работу по списанию медицинского имущества.

Также сущность и особенности применения разработанного правового алгоритма, возможно, внедрить в содержательную информацию для применения в системе обучения курсантов, профессиональной, должностной и командирской подготовке военнослужащих (сотрудников), поскольку передача правовой информации в доступной форме с примерами из практики является эффективным средством формирования правовых компетенций⁶.

Список источников

1. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.

2. Грувер Н.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в

щих контроле в Российской Федерации, дальнейшее использование которых в медицинской практике признано нецелесообразным, утвержденной приказом Минздрава России от 22 октября 2021 г. № 1004н.

⁵ П. 11 и 12 Инструкции, утвержденной приказом Минздрава России от 22 октября 2021 г. № 1004н.

⁶ Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков. И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: Общество с ограниченной ответственностью КноРус, 2021.

¹ Ст. 59 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

² Правила уничтожения изъятых фальсифицированных лекарственных средств, недоброкачественных лекарственных средств и контрафактных лекарственных средств, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1447.

³ Форма по ОКУД 0504210, утвержденная приказом Минфина России от 30 марта 2015 г. № 52н.

⁴ Инструкции по уничтожению наркотических средств и психотропных веществ, входящих в списки II и III перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежа-

области юриспруденции / Н.В. Грувер, А.И. Землин, И.В. Холиков. Москва: КноРус, 2021. 264 с. EDN OZFMDDK.

3. Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военное-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32. EDN: RJERPA

4. Мельков С.А., Холиков И.В. Экономико-правовые составляющие безопасности жизнедеятельности населения в условиях распространения эпидемий, пандемий и массовых заболеваний // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2020. № 3(33). С. 159—172.

3. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493. EDN QIGLAF.

4. Наумов П.Ю., Шепель Р.Н., Холиков И.В. Оказание военным служащим первичной медико-санитарной помощи: правовое регулирование и проблемные аспекты // Кардиоваскулярная терапия и

профилактика. 2023. Т. 22, № S9. С. 46—56. DOI 10.15829/1728-8800-2023-3885.

5. Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

5. Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. 160 с.

6. Холиков И.В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4(28). С. 93—99.

6. Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации // Современное право. 2010. № 3. С. 23—28.

7. Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.

About some features of the legal regulation of the write-off of medicines for medical use and medical devices included in first-aid kits, bags and sets of medical equipment

© Inozemtsev A.S.,

Associate Professor of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article discusses some acute issues of regulation and law application in the domain of writing off medicines for medical use and medical devices included in first-aid kits, bags and kits of medical equipment. The main focus is given to the provision of servicemen with medicines and medical supplies, the problem issues of legal regulation of particular aspects of this activity are demonstrated. The legal algorithm for writing off medicines for medical use and medical devices included in first-aid kits, bags and kits of medical equipment is suggested.

Keywords: first-aid kit, bag and set of medical equipment, unit commander of a military unit (organization), company sergeant major, pharmacy of a military unit (organization), medical equipment, write-off from accounting, narcotic drugs and psychotropic substances.

For citation: Inozemtsev A.S. On Some features of the Legal Regulation of the Write-off of medicines for medical use and medical devices included in first-aid kits, bags and sets of medical equipment // Military law. 2025. No. 5. pp. 66-71.

The article was received by the editorial office on August 20, 2025.

Правовые аспекты организации практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине

© Лисеенко Марина Валерьевна,
подполковник медицинской службы,
старший офицер Центра координации
медицинского обеспечения Министерства
обороны Российской Федерации Военно-
медицинской академии имени С.М. Кирова

Аннотация. В статье рассмотрены правовые аспекты организации практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине, раскрыты противоречия, имеющие место в требованиях руководящих документов, регламентирующих организацию военно-медицинской подготовки как предмета боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации, а также между требованиями к организации практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине, и их фактической реализацией.

Ключевые слова: тактическая медицина, обучение, подготовка по тактической медицине, военное образование, практическая подготовка.

Для цитирования: Лисеенко М.В. Правовые аспекты организации практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине // Военное право. 2025. № 5. С. 72—78.

Статья поступила в редакцию 15 июля 2025 г.

Знание правил оказания первой помощи и умение ее оказать в любой ситуации является жизненно важным для любого человека. За последние несколько лет вопросы обучения граждан оказанию первой помощи в нашей стране вышли на одно из приоритетных мест. Важная координационная роль в этом принадлежит созданному 1 марта 2022 г. Российскому обществу первой помощи, одним из направлений деятельности которого явилось внесение изменений в образовательные программы основного общего и среднего общего образования¹, позволивших увеличить количество часов, отведенных на изучение вопросов оказания первой помощи.

С началом специальной военной операции изменения коснулись и Вооруженных Сил Российской Федерации: в программу военно-медицинской подготовки войск (сил) введен курс тактической медицины, разработаны временные нормативы по тактической медицине, позволяющие оценить сформированность навыков оказания первой помощи в условиях, приближенных к боевым, усовершенствованы средства оказания первой помощи². Изменения, внесенные в федеральные нормативные акты³, законодательно закрепили обязанность военнослужащих оказывать первую помощь в порядке

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 1 февраля 2024 г. № 62 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающихся федеральных образовательных программ основного общего и среднего общего образования».

² Евкуров Ю.Б., Павлов А.Н. Тактическая медицина в общевойсковых подразделениях // Армейский сборник. 2022. № 5. С. 97—101; Корякин

В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32.

³ Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона «Об обороне» и статью 31 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

само- и взаимопомощи при определенных состояниях¹.

Однако необходимо отметить, что в требованиях руководящих документов, регламентирующих порядок организации и проведения военно-медицинской подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации, до настоящего времени имеются определенные противоречия.

Так, согласно требованиям п. 55 Наставления по боевой подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации², непосредственным руководителем занятий по боевой подготовке с личным составом (в том числе занятий по военно-медицинской подготовке) является командир взвода и ему равные должностные лица. При этом, в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 13 июля 2023 г. № 340 военнослужащие должны проходить подготовку по оказанию первой помощи под руководством привлекаемых медицинских специалистов и подготовленных нештатных специалистов по тактической медицине³.

Несомненно, медик, обладая специальными знаниями, сможет лучше показать технику и объяснить особенности выполнения мероприятий, входящих в объем оказания первой помощи, предусмотренный расширенным курсом тактической медицины, которые еще несколько лет назад являлись прерогативой только медицинских работников (таких, как обеспечение внутривенного и внутрикостного

доступа, проведение декомпрессии грудной клетки при напряженном пневмотораксе, установка назофарингеального воздуховода), но обеспечить неснижаемый уровень готовности личного состава к оказанию первой помощи способен только командир, постоянно находящийся со своим подразделением, знающий сильные и слабые стороны своих подчиненных и готовящий их к боевой работе. Таким образом, наиболее высокие требования современные условия ведения боевых действий предъявляют к выпускникам военных вузов: командир должен обладать знаниями, умениями и навыками, позволяющими ему в межбоевой период осуществлять качественную подготовку личного состава, а в ходе боя грамотно руководить подразделением и на высоком уровне организовывать его всестороннее обеспечение, а при необходимости самому оказывать первую помощь в порядке само- и взаимопомощи.

В ходе исследования был проведен анализ организации практической подготовки по тактической медицине обучающихся по программам высшего среднего профессионального образования шести военных вузов Министерства обороны Российской Федерации: ФГКВОУ ВО «Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище» Минобороны России (НВВКУ), ФГКВОУ ВО «Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 760 «Об утверждении Перечня состояний, при которых оказывается первая помощь военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых

(учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны, а также правил ее оказания».

² Наставление по боевой подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации (утв. и введено в действие с 1 декабря 2013 г. приказом Министра обороны Российской Федерации от 2013 г. № 760).

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 340 «Об утверждении Порядка организации подготовки военнослужащих и медицинских специалистов медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации по проведению мероприятий по оказанию первой помощи».

имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского» Минобороны России (ДВОКУ), ФГКВОУ ВО «Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко» Минобороны России (КВВУ им. С.М. Штеменко), ФГКВОУ ВО «Черноморское высшее военно-морское училище имени П.С. Нахимова» Минобороны России (ЧВВМУ им. П.С. Нахимова), ФГКВОУ ВПО «ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова» Минобороны России (ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»), а также Центра тактической медицины ФГКВОУ ВПО «Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» Минобороны России.

В большинстве военных вузов практическая подготовка обучающихся по тактической медицине осуществляется в рамках освоения учебной дисциплины (раздела учебной дисциплины (модуля) «Медицинское обеспечение» (далее – учебной дисциплины «Медицинское обеспечение») на 2–4 курсах обучения. Исключения составляют КВВУ им. С.И. Штеменко, ЧВВМУ им. П.С. Нахимова, где вопросы оказания первой помощи изучаются обучающимися на 1 курсе, а также Военно-медицинская академия, где подготовка курсантов по тактической медицине осуществляется дополнительно к освоению основных профессиональных программ на последнем курсе обучения в рамках прохождения дополнительной программы обучения повышения квалификации «Инструктор по тактической медицине».

Приказом Министра обороны от 13 июля 2023 г. № 340 предусмотрена этапность в изучении тактической медицины: практическая подготовка курсантов первого года обучения должна обеспечить освоение базового курса тактической медицины, курсанты второго и последующих курсов должны владеть навыками расширенного курса тактической медицины, независимо от военно-учетной специальности. Объем

помощи, оказываемый в рамках базового и расширенного уровней подготовки, установлен требованиями приказа Министра обороны от 9 декабря 2022 г. № 760

Как показал проведенный анализ, принцип этапности в изучении тактической медицины не реализован ни в одном военном вузе. Основной причиной, вероятно, является небольшая трудоемкость дисциплины «Медицинское обеспечение» — не более 3 зачетных единиц (табл. 1), что не позволяет выделить необходимое количество времени для того, чтобы организовать образовательный процесс так, как требует данный руководящий документ: на 1 курсе обучения предусмотреть изучение базового, на втором и последующих — расширенного курса тактической медицины, то есть, фактически, дважды в ходе освоения учебной дисциплины рассмотреть большинство тем. При этом, наибольшее количество часов, отведенных на изучение вопросов оказания первой помощи (тактической медицины), предусмотрено в военных вузах, профессиональная деятельность выпускников которых подразумевает руководство личным составом и выполнение задач с риском для жизни, тогда как в вузах, осуществляющих подготовку офицеров инженерных и гуманитарных специальностей, на изучение вопросов оказания первой помощи выделено гораздо меньше времени.

Возможным способом решения данной проблемы является включение базового курса тактической медицины в программу общевоинской подготовки курсантов 1 курса, известной также, как «курс молодого бойца». В этом случае, освоив базовый курс тактической медицины в течение первого месяца обучения в вузе, в последующем, в ходе освоения дисциплины «Медицинское обеспечение», курсанты могли бы с большей эффективностью освоить новые знания, умения и навыки, предусмотренные более сложным, расширенным курсом тактической медицины.

Таблица

Сравнительный анализ трудоемкости учебной дисциплины «Медицинское обеспечение» военных вузов Министерства обороны Российской Федерации

Наименование вуза	Направление подготовки (специальность)	Наименование дисциплины (модуля)	Трудоемкость дисциплины, час	В том числе количество часов, отведенных на изучение вопросов оказания первой помощи ¹	Из них часов контактной работы
обучение по программам высшего образования					
НВВКУ	56.05.04 Управление персоналом (Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и приравненные к ним органы Российской Федерации)	Медицинское обеспечение	108	72	48
ДВОКУ	56.05.04 Управление персоналом (Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и приравненные к ним органы Российской Федерации)	Медицинское обеспечение Модуль «Специальная военная подготовка»	108	51	34
КВВУ им. С.М. Штеменко	56.05.06 Защита информации на объектах информатизации военного назначения	Радиационная, химическая, биологическая защита и медицинская подготовка	72	30	20
ЧВВМУ им. П.С. Нахимова	26.05.03 Строительство, ремонт и поисково-спасательное обеспечение надводных кораблей и подводных лодок	Медицинская подготовка	72	66	44
	26.05.04 Применение и эксплуатация технических систем надводных кораблей и подводных лодок	Медицинская подготовка	72	66	44
обучение по программам среднего профессионального образования					
ДВОКУ	23.02.07 Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей (СПО)	Медицинское обеспечение Модуль «Специальная военная подготовка»	36	27	18
ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» ВМПИ	26.02.06 Эксплуатация судового электрооборудования и средств автоматики (СПО)	Медицинское обеспечение	36	30	20

¹ Количество часов, отведенных на изучение вопросов оказания первой помощи, рассчитано с учетом часов, отведенных на самостоятельную подготовку, без учета часов, отведенных на проведение промежуточной аттестации.

В целях обеспечения единого подхода к обучению курсантов, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего и среднего профессионального образования, указаниями статс-секретаря — заместителя Министра обороны Российской Федерации от 28 июля 2023 г. утверждены Требования к минимуму содержания и уровням обученности курсантов по учебной дисциплине (разделу учебной дисциплины (модуля) «Медицинское обеспечение»¹, устанавливающие уровень знаний, умений, навыков, наличие которых позволит военнослужащему оказать первую помощь в объеме, установленным требованиями приказа Министра обороны от 9 декабря 2022 г. № 760, независимо от его уровня образования и военно-учетной специальности.

Однако, анализ показал, что учебная дисциплина «Медицинское обеспечение», входящая в структуру учебного плана обучающихся по программам среднего профессионального образования, отличается значительно меньшей трудоемкостью (1 зачетная единица), чем предусмотрено программами высшего образования (2—3 зачетные единицы). Кроме того, изучение тактической медицины курсантами, обучающимися по программам среднего профессионального образования, в некоторых вузах (ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» ВМПИ) вообще не предусмотрено.

Отдельного внимания заслуживает и вопрос обеспечения медицинским и учебно-тренировочным имуществом. В настоящее время обеспечение военного вуза военно-учебным имуществом, техническими средствами обучения, плакатами, приборами, макетами, учебной литературой (учебниками, учебными пособиями, в том числе электронными), а также периодическими изданиями (журналами) по тематике программ военной подготовки осуществляется в соответствии с Табелем

вооружения, военной техники и военно-учебного имущества за счет средств вуза.

Руководящими документами Министерства обороны Российской Федерации предусмотрено обеспечение для учебных целей только медицинским имуществом: военный вуз согласно Табелю вооружения, военной техники и военно-учебного имущества использует норму снабжения медицинским имуществом № 7010 для учебных целей, предназначенную для обучения личного состава выполнению мероприятий по оказанию первой помощи, согласно приказу Министра обороны Российской Федерации от 12 августа 2013 г. № 590дсп «Об утверждении норм снабжения медицинским имуществом соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время».

Существующая норма снабжения медицинским имуществом № 7010 для учебных целей не позволяет обеспечить проведение занятий по тактической медицине в полном объеме:

— количество аптек первой помощи индивидуальных АППИ, предусмотренное нормой снабжения, не обеспечивает возможности выдачи аптечки каждому военнослужащему для отработки оказания приемов первой помощи в красной, желтой, зеленой зонах;

— количество перевязочных материалов, шин, других медицинских изделий, используемых для проведения мероприятий первой помощи, не позволяет осуществить многократное повторение обучающих действий (манипуляций) на занятиях каждым военнослужащим;

— отсутствует медицинское имущество, необходимое для обучения личного состава мероприятиям, входящим в расширенный курс тактической медицины (выполнение внутривенного доступа, про-

¹ Требования к минимуму содержания и уровням обученности курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны Российской Федерации по

учебной дисциплине (разделу учебной дисциплины (модуля) «Медицинское обеспечение». Утверждены и введены в действие 28 июля 2023 г. указаниями статс-секретаря — заместителя Министра обороны Российской Федерации.

ведение инфузионной терапии, декомпрессия органов грудной клетки при напряженном пневмотораксе);

— отсутствуют средства симуляционного обучения (тренажеры для отработки навыков внутривенных, внутрикостных вливаний, навыков устранения пневмоторакса, базовой сердечно-легочной реанимации).

В 2023 г. Министерством обороны Российской Федерации были актуализированы требования к обеспечению военно-учебным имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации. Результатом проведенной работы стало утверждение приказа Министра обороны Российской Федерации от 20 декабря 2023 г. № 710 «Об обеспечении (снабжении) военно-учебным имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации», в который был включен перечень учебно-тренировочного имущества для проведения занятий по тактической медицине (тренажеры для отработки навыков оказания первой помощи), при этом обеспечение военных образовательных организаций высшего образования учебно-тренировочным имуществом требованиями указанного приказа не предусмотрено.

Таким образом, проведенный анализ выявил наличие противоречий как в тре-

бованиях действующих руководящих документов, регламентирующих организацию практической подготовки курсантов военных вузов по тактической медицине, так и между требованиями руководящих документов и их практической реализацией. Устранение данных противоречий позволит повысить эффективность профессиональной подготовки будущих офицеров всех специальностей. Наличие у командиров подразделений сформированных навыков оказания первой помощи, умение применять их в различных условиях обстановки, осознание важности наличия данных навыков у подчиненного личного состава и стремление к их формированию и поддержанию на необходимом уровне будут способствовать снижению уровня безвозвратных потерь, а также позволят предотвратить развитие у раненых осложнений, связанных с некачественным и несвоевременным оказанием первой помощи.

Список источников

1. Евкуров Ю.Б., Павлов А.Н. Тактическая медицина в общевойсковых подразделениях. Армейский сборник. 2022. № 5. С. 97—101.
2. Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32. EDN: RJERPA

Legal aspects of the organization of practical training of military university cadets in tactical medicine

© Liseenko M.V.,

Lieutenant-colonel of Medical Service, Senior officer of the Medical Support Coordination Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Military Medical Academy

Abstract. The article examines the legal aspects of the organization of practical training of military university cadets in tactical medicine, reveals the contradictions that occur in the requirements of the governing documents governing the organization of military medical training as a subject of combat training of the Armed Forces of the Russian Federation, as well as contradictions between the requirements for the organization of practical training of military university cadets in tactical medicine, and their actual implementation.

Keywords: tactical medicine, training, tactical medicine training, military education, practical training.

For citation: Liseenko M.V. Legal aspects of the organization of practical training of military university cadets in tactical medicine // Military Law. 2025. No. 5. pp. 72-78.

The article was received by the editorial office on July 15, 2025.

Военная служба. Статус военнослужащих

Женщины на военной службе в Российской армии

© Курмакаева Алсу Касимовна,
аспирант ФГБОУ ВО «Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П.
Огарёва», помощник адвоката АА «МКА
«Правовое товарищество»

Аннотация. В статье рассматривается участие женщин в военной отрасли на протяжении всей истории нашего государства. Изучен путь и выявлена значимость деятельности лиц женского пола при участии в боевых действиях и в работе в тылу, их вклад в развитие Вооруженных сил России, а также военные подвиги прошлого и настоящего. Проведен анализ проблем, с которыми сталкиваются женщины при несении военной службы, выявлены их основные права, гарантии и социальные льготы. Проведен мониторинг основных нормативно-правовых актов, регламентирующих данную область, и их практическое применение.

Ключевые слова: права женщин-военнослужащих, военное право, женщины в армии России, история участия женщин в военной службе, гарантии и льготы для женщин на военной службе.

Для цитирования: Курмакаева А.К. Женщины на военной службе в Российской армии // Военное право. 2025. № 5. С. 79—85.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2025 г.

Военное дело на протяжении столетий считалось исключительно мужским ремеслом. Однако женщины нередко изъявляли желание участвовать в боевых сражениях, вставая на защиту Родины в самые непростые времена. Но, несмотря на чувство патриотизма и самоотверженность, лицам женского пола, преимущественно, отводилась вспомогательная роль, заключающаяся в помощи раненым бойцам или упорной работе в тылу.

Во все эпохи отечественной государственности неизменный героизм отнюдь не слабого пола вызывал уважение и служил примером. Истоки женского участия в военном деле берут свое начало еще в Древней Руси. Княгиня Ольга вместе с мужем участвовала в военных походах, а после его смерти даже возглавляла Киевскую дружину и управляла государством, ведя внутреннюю и внешнюю политику. В Куликовской битве в 1380 г. принимали участие княгини Дарья Андреевна Ростовская, Феодора Ивановна Пубжоль-

ская и дочь воеводы Фили Фекла, облачившись в мужские одеяния и сражаясь наравне с однополчанами.

Опыт прошлых столетий демонстрирует немало образцов женской храбрости на поле сражения. Алена Арзамасская в 1669 г. собрала отряд из более трехсот бойцов, захватила и удерживала город Темников на протяжении нескольких месяцев. Василиса Кожина в 1812 г. создала партизанский отряд из женщин и подростков, которые, вооружившись вилами, брали в плен французов.

Многие женщины тайно вступали в отряды армии и долгие годы скрывали свою половую принадлежность, не требуя послаблений и индивидуального подхода в силу своих биологических особенностей. В 1807 г. погибла Александра Тихомирова (получившая известность под именем Александр Тихомиров), прослужившая в военных отрядах около 15 лет. Только после ее смерти сослуживцы узнали от духовника, что отважный гвардеец-капитан не тот, за кого себя выдавал.

За наружностью отважного и доблестного бойца скрывалась хрупкая смелая женщина.

От рядового до чина капитана дослужилась Татьяна Маркина, под фамилией Курточкин, казачка из станицы Нагаевской, приведшая в изумление Екатерину II, когда стало известно, что капитан «женского полу»¹.

Надежда Андреевна Дурова, происходившая родом из семьи гусарского ротмистра, также совершила немало подвигов в битвах с французской армией Наполеона. Получив немало военных регалий и наград, она, как выяснилось позже, стала первой отечественной женщиной-офицером. Подчеркнем, что на протяжении всей своей военной карьеры ей удавалось поддерживать легенду о своей личности и гендере. В апреле 1817 г. по личной просьбе Дурова была уволена в отставку в чине штабс-ротмистра с правом ношения уланского мундира².

Перовое упоминание о служении женщин в армии содержится в Воинском Уставе 1716 г. Петра I, где говорится о выполнении ими подсобных и санитарно-хозяйственных работ в военных госпиталях.

До середины XIX в. русские женщины не принимали активного участия в боевых действиях армейских подразделений и не носили оружия. Исключение составляли показательные формирования из женщин, отражающие капризы российских императриц³.

Крымская война 1853—1856 годов явилась важным этапом в развитии отечественной военной медицины, эвакуационной системы медицинского обеспечения

боевых действий войск, стала первым опытом организованного и массового применения женского труда на театре военных действий⁴. В это время было актуально и повсеместно распространено движение сестер милосердия, участницами которого стали представительницы разных возрастов и сословий.

На законных основаниях право пребывания в действующих воинских формированиях женщины получили только в годы Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Так, сестры общин работали не только в госпиталях, санитарных поездках, но в целом ряде случаев и на передовых перевязочных пунктах, и в дивизионных лазаретах⁵.

Первая мировая волна сподвигла многих представительниц женского пола записаться в ряды добровольцев. Были сформированы так называемые женские «батальоны смерти», которые дали достойный отпор противнику. Так, ротная телефонистка Валентина Петрова за доблесть и мужественность при подрыве вражеских окопов была представлена к государственной награде. На Курском вокзале сотрудники милиции задержали гимназистку, дочь состоятельного фабриканта, Стефанию Уфимцеву, предотвратив неудачную попытку побега на фронт несовершеннолетней девушки. В форме монаха была взята под стражу служительница монастыря. Гендерные стереотипы в тот период, безусловно, все еще существовали, но женщины демонстрировали силу духа и стойкость, вступая в рукопашные бои и идя в контратаки на линии фронта.

¹ Женщины на службе Отечеству (историческая ретроспектива) // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://journal.morpolit.ru/zhenshhiny-na-sluzhbe-otechestvu-istoricheskaya-retrospektiva/> (дата обращения 07.07.2025).

² Оконникова Т.И. Надежда Андреевна Дурова — патриот России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 4. С. 5—11.

³ Батракова Л.Г., Краснова Г.Н. Женщины на военной службе в России: исторический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 46—49.

⁴ Цвелев Ю.В., Абашин В.Г., Шмидт А.А. К 200-летию со дня рождения Н.И. Пирогова. Женский труд на войне (сообщение 1). Сестры милосердия в Крымской (1853—1856 г.) войне. Екатерина Бакунина. Даша Севастопольская (Михайлова) // Журнал акушерства и женских болезней. 2010. № 2. С. 100 — 108.

⁵ Фаллер О.В., Мальцева О.Л. Женщина была душой госпиталя... Первые женские медицинские формирования на театре военных действий // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/302501/> (дата обращения 10.07.2025).

В период Гражданской войны закрепились прецеденты женской мобилизации и, более того, женский пол был допущен к командным должностям. Военное дело впервые становится доступным, в том числе, и женщинам. Декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» регламентировал обязательное военное обучение для обоих полов.

В годы Великой Отечественной войны участие женщин в боевых действиях получило массовый характер, были востребованы такие специальности, как снайперы, летчицы, зенитчицы, танкистки, автоматчицы. 90 женщин стали Героями Советского Союза, более половины из них были удостоены звания посмертно¹. Кроме того, служа опорой Красной Армии, они обеспечивали непрерывную работу тыла, перенося острую нужду в продовольствии, сне и отдыхе.

Исторический опыт показывает, что вступление женщин в ряды Вооруженных Сил имеет глубокие корни и непростую хронологию становления. Все перемены, в том числе и в общественном сознании, носили вынужденный и реактивный характер, а не протекали плавно и осмысленно.

Согласно последним статистическим данным, в 2024 в российской армии проходили службу 37,5 тыс. женщин, еще порядка 270 тыс. занимали различные гражданские должности в военных организациях и воинских частях².

Перечень специальностей высшего образования в военных вузах, на которые могут обучаться девушки, ежегодно расширяется. В основном преимущество отдается медицине, однако также пользуются спросом на рынке труда переводчики, психологи, специалисты инфокоммуникационных технологий и систем специальной связи. К примеру, в 2017 г. впервые в Краснодарское высшее военное

авиационное училище летчиков имени Серова поступило 15 девушек.

В настоящий момент для лиц женского пола открыты двери следующих ВУЗов: Военная академия воздушно-космической обороны имени Г.К. Жукова, Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова, Военная Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Военный университет Министерства обороны имени князя Александра Невского и другие.

Учеба сопряжена со строгой дисциплиной, эмоциональными и физическими нагрузками. Конкуренция абитуриентов довольно высокая, и не все проходят многочисленные стадии отбора. Но после завершения обучения и получения диплома девушка получает профессию с высоким социальным статусом, гарантированное последующее трудоустройство, стабильную заработную плату и социальные льготы.

Поступая на военную службу, женщина встает на воинский учет. Для этого необходимо соответствие квалификационным требованиям и категории годности по состоянию здоровья. Если у женщины уже есть статус военнослужащего или она находится в местах лишения свободы за совершение преступления, а также не имеет подходящую военно-учетную специальность, на воинский учет ее не поставят.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» предусматривает прохождение военной службы по призыву только лицами мужского пола. Граждане женского пола вправе заключить контракт в добровольном порядке. Согласно Положению о воинском учете, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 27 но-

¹ Женщины на службе Отечеству (историческая ретроспектива) // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://journal.morpolit.ru/zhenshhiny-na-sluzhbe-otechestvu-istoricheskaya-retrospektiva/> (дата обращения 10.07.2025).

² В российской армии служат более 37 тысяч женщин // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/3836308> (дата обращения 11.07.2025).

ября 2006 г. № 719, сферами, которые открыты для женщин, встающих на воинский учет. являются: связь, вычислительная техника, оптические и звукометрические средства измерения и метеорология, медицина, полиграфия, картография. Также необходима обязательная сдача нормативов для подтверждения наличия физической подготовки и выносливости.

Воинские должности для военнослужащих женского пола формируются в соответствии со специальными перечнями, утвержденными руководителями федеральных органов исполнительной власти. Например, для Министерства обороны Российской Федерации данный перечень является секретным, к нему имеют доступ только должностные лица с оформленным допуском к работе со сведениями, составляющими государственную тайну¹.

Немаловажную роль играют и личностные качества. Несмотря на то, что представительницы женского пола имеют более подвижную психику и эмоциональную реакцию, чувство повышенной справедливости присущее им, скорее положительно сказывается на личностном портрете и моральном облике военнослужащей, хотя и порой воспринимается как слабость и уязвимость. Но именно женщина всегда внимательна к деталям, способна пойти на компромисс, адаптироваться к новым обстоятельствам и проявить силу воли и сдержанность.

Военная служба подразумевает готовность к частым переездам и смене мест жительства. Военные городки нередко имеют бедную инфраструктуру, в них отсутствуют культурные и досуговые пространства, что значительно образом сказывается на социальной жизни военнослужащих. Также существуют ограничения, связанные с выездом за пределы Российской Федерации. В соответствии с п. 1

ст. 6 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право на свободу передвижения реализуется военнослужащими с учетом необходимости поддержания ими боевой готовности воинских частей и обеспечения своевременности прибытия к месту военной службы.

Служба в армии — это всегда риск и опасность. Специфика работы подразумевает участие в вооруженных конфликтах и горячих точках, где женщины наравне с мужчинами рискуют жизнью и идут в атаку. В мае 2025 г. Владимир Владимирович Путин на церемонии в Екатерининском зале наградил Звездой Героя России ефрейтора Людмилу Болилу, накрывшую собой раненого бойца от ракетно-артиллерийского удара в зоне проведения специальной военной операции (СВО). А первой женщиной-героем на СВО стала Ольга Качура, получившая это звание за мужество и отвагу посмертно. За годы службы она получила несколько ранений. Решающая битва состоялась 3 августа 2022 г. Ее жизнь оборвалась во время обстрела на дороге Горловка — Ясиноватая. В «Ниву» полковника попал реактивный снаряд. Травмы, которые получила женщина, были несовместимы с жизнью².

Гендерная дискриминация — это глобальный вызов современности, охватывающий многие сферы деятельности, в том числе и военную отрасль. Укоренившиеся стереотипы и многовековые предрассудки все еще не искоренились из общественной мысли. Командиры воинских частей отказываются принимать в штат женщин, состоящих в браке и имеющих детей, по причине частой смены дислокации и круглосуточного поддержания боевой готовности. Сама среда, характеризующаяся маскулинностью и отсутствием грамотного выстраивания делового обще-

¹ Шалаев П.С. Юридическое равенство полов в условиях прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 4(40). С. 70—79.

² «Фашистов будем бить, никого, не спрашивая»: история женщины-командира из Забайкалья с позывным «Корса» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.irk.kp.ru/daily/27670.5/5020898/https://www.irk.kp.ru/daily/27670.5/5020898/> (дата обращения 12.07.2025).

ния между полами, а также так называемая «армейская субкультура» накладывают отпечаток на профессиональное продвижение и самореализацию женщин.

Безусловно, лицам женского пола труднее продвигаться по карьерной лестнице и получать звезды на погоны. Офицерское звание имеет каждый третий военнослужащий мужского пола и только каждый десятый — женского. В то же время 17 % женщин относятся к категории прапорщиков (против 7,7 % от общей численности мужчин)¹. Первой и единственной женщиной-генералом в Министерстве обороны была Елена Георгиевна Князева, получившая это звание в 2012 г. Позднее она была переведена на должность заместителя начальника Военного университета Минобороны России по учебной и научной работе.

Обратимся к особенностям социального обеспечения женщин-военнослужащих. Ограничения, связанные с замещением женщинами воинских должностей, как правило, связаны с защитой здоровья и материнством. Безусловно, трудовая деятельность, в том числе и военнослужащих женского пола, регулируется нормами трудового законодательства и отдельными нормативными правовыми актами. В частности, Федеральный закон «О статусе военнослужащих» содержит положения, гарантирующие женщинам создание соответствующих условий и мер поддержки, сопряженных с анатомо-физиологическими факторами и присущими им ролевыми моделями.

Женщина, будучи незащищенной, особенно в вопросах, касающихся родительства, имеет ряд преимуществ и льгот. Так, не допускается сокращение беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет военнослужащих при осуществлении организационно-штатных мероприятий, за исключением ликвидации организации. А

все внутренние перемещения производятся только с согласия лиц женского пола.

Беременные женщины на сроке, превышающем 12 недель, не должны привлекаться к исполнению служебных обязанностей, связанных с воздействием неблагоприятных факторов.

Ввиду бережного отношения к лицам женского пола, они не обременяются караульной службой, к ним не применяется дисциплинарный арест, их нельзя обязать поднимать или перемещать тяжелый груз. Действующие нормы направлены на сведение к минимуму негативного воздействия на женский организм.

Для военнослужащих-мужчин не установлен отпуск по уходу за ребенком, как и прочие преференции, связанные с воспитанием несовершеннолетних, например, ограничения на сверхурочную работу, труд в ночное время, в праздничные и выходные дни.

Военное ремесло непрерывно связано с риском для здоровья и повышенной опасностью. На женщин-военнослужащих распространяется льготное обеспечение в области здравоохранения (бесплатный отпуск лекарств или их продажа по сниженным ценам, предоставление путевок на санаторно-курортное лечение со скидкой оплаты их стоимости или бесплатно и некоторые другие преимущества)². Помимо этого, защитникам Отечества полагаются плановые осмотры и реабилитационные мероприятия.

Многих привлекает в карьере в Вооруженных Силах пенсионные выплаты. В соответствии с действующим законодательством, пенсия начисляется по выслуге лет и по инвалидности, если заболевание получено во время службы или в течение трех месяцев после увольнения. В случае гибели военнослужащей члены ее семьи имеют право на получение пенсии по потере кормильца.

¹ Карлова Е.Н. Военно-профессиональный статус женщин в Вооруженных Силах Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13. № 5. С. 30—33.

² Токаева А.Б., Тотрова Л.А. Социальное обеспечение женщин-военнослужащих // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12. С. 583—584.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» устанавливает предельный возраст пребывания женщин на военной службе — 45 лет, вне зависимости от воинского звания. Такой лимит, на первый взгляд, обусловлен большим психологическим напряжением и титаническим объемом работы, но, с другой стороны, после того как женщина завершает карьеру в таком возрасте, у нее могут возникнуть трудности с последующим трудоустройством в гражданском секторе.

Сегодня Армию ассоциируют со стабильностью и государственной поддержкой. За последние несколько лет значительно вырос размер денежного довольствия. Государством предусмотрено служебное жилье или компенсация за найм жилых помещений, также для данной категории граждан предоставляется ипотечное кредитование на льготных условиях.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что женщины на протяжении веков отстаивали свое право нахождения в рядах армии. Служба в Вооруженных Силах подразумевает большую ответственность, самоотдачу, часто ненормированный график работы, сконцентрированность и быструю адаптивность. Не все способны держать высокий темп и выносить не всегда комфортные условия. Получив доступ к военным специальностям, женщины столкнулись с многочисленными вызовами и предрассудками. Обеспечение фактического равенства и трансформация военной культуры, а также ликвидация укоренившихся патриархальных стереотипов будет способствовать укреплению защиты прав женщин-военнослужащих. Инвестиция в будущее военного дела предполагает создание соответствующей среды для самореализации и карьерного роста лиц женского пола. Создание атмосферы, при которой возможно сбалансированное совмещение работы и семейной жизни, требуют комплексного подхода со стороны государства. Прогресс полностью зависит от проводимой политики, контроля за соблюдением норм законодательства и проведения систематического

анализа текущей ситуации. Равные права должны способствовать реализации потенциала женщин-военнослужащих.

Список источников

1. Батракова Л.Г., Краснова Г.Н. Женщины на военной службе в России: исторический аспект // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 46—49.
2. Карлова Е.Н. Военно-профессиональный статус женщин в Вооруженных Силах Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13. № 5. С. 30—33.
3. Оконникова Т.И. Надежда Андреевна Дурова – патриот России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 4. С. 5—11.
4. Токаева А.Б., Тотрова Л.А. Социальное обеспечение женщин-военнослужащих // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12. С. 583—584.
5. Цвелев Ю.В., Абашин В.Г., Шмидт А.А. К 200-летию со дня рождения Н.И. Пирогова. Женский труд на войне (сообщение 1). Сестры милосердия в Крымской (1853—1856 г.) войне. Екатерина Бакунина. Даша Севастопольская (Михайлова) // Журнал акушерства и женских болезней. 2010. № 2. С. 100—108.
6. Шалаев П.С. Юридическое равенство полов в условиях прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 4(40). С. 70—79.

Women in Military Service in the Russian Army

© Kurmakaeva A.K.,

Postgraduate student of the Ogarev National
Research Mordovian State University,
Assistant Attorney at the Law Partnership Law
Association

Annotation. The article examines the participation of women in the military industry throughout the history of our state. The author examines the path and reveals the importance of the activities of women when participating in combat and working in the rear, their contribution to the development of the Russian Armed Forces, as well as military exploits of the past and present. The analysis of the problems faced by women in military service has been carried out, their basic rights, guarantees and social benefits have been identified. The main regulatory legal acts regulating this area and their practical application have been monitored.

Keywords: the rights of female servicemen, military law, women in the Russian army, the history of women's participation in military service, guarantees and benefits for women in military service.

For citation: Kurmakayeva A.K. Women in Military service in the Russian Army // Military Law. 2025. No. 5. pp. 79-85.

The article was received by the editorial office on July 31, 2025.

Дополнительные выплаты участникам специальной военной операции в связи с награждением государственными и ведомственными наградами

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
профессор 25 кафедры ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Министерства
обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье представлен анализ норм законодательства о наградах и поощрениях, применяемых к военнослужащим и иным участникам специальной военной операции. Особое внимание уделено тем наградам и поощрениям, которые имеют определенную материальную составляющую, т.е. влекут за собой производство награжденным определенных единовременных или периодических денежных выплат. Сформулированы некоторые предложения по совершенствованию материального стимулирования граждан, имеющих заслуги перед государством.

Ключевые слова: государственные награды; поощрение; специальная военная операция; поддержка граждан, имеющих особые заслуги перед государством.

Для цитирования: Корякин В.М. Дополнительные выплаты участникам специальной военной операции в связи с награждением государственными и ведомственными наградами // Военное право. 2025. № 4. С. 86—94.

Статья поступила в редакцию 5 августа 2025 г.

1. Единовременное поощрение при награждении.

Важнейшим средством стимулирования участников СВО к добросовестному исполнению воинского долга является их награждение государственными и ведомственными наградами за подвиги и отличия, проявленные на поле боя. Как отмечается в Положении о государственных наградах Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099, государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в области государственного строительства, экономики, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, социально-экономическое и технологическое развитие Российской Федерации, развитие культуры, искусства, науки, просвещения, физической культуры и

спорта, духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание детей и молодежи, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством.

В нашей стране награды традиционно имеют, главным образом, морально-нравственное значение, они являются официальным признанием государством заслуг вооруженных защитников Отечества перед Родиной, обеспечивают им почет и уважение в обществе. Вместе с тем, отдельные виды наград и поощрений имеют и определенную материальную составляющую, когда награждение сопровождается выплатой награжденному определенных денежных средств. Эти выплаты подразделяются на единовременные, т.е. выплачиваемые один раз за одну награду или поощрение, и дящиеся, когда выплаты производятся ежемесячно месяц в нормативно определенных размерах.

Единовременные выплаты предусмотрены Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», в ч. 2.3 ст. 3 которого установлено, что при награждении государственными наградами Российской Федерации или поощрении Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации военнослужащим, а также гражданам, уволенным с военной службы и представленным к награждению или поощрению в период ее прохождения, выплачивается единовременное поощрение за счет средств фонда денежного довольствия военнослужащих.

Размеры такого единовременного поощрения определены Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 765 «О единовременном поощрении лиц, проходящих (проходивших) федеральную государственную службу» и исчисляются в окладах месячного денежного содержания (т.е. сумма оклада по замещаемой воинской должности и оклада в соответствии с присвоенным воинским званием).

Размер единовременного поощрения зависит от вида поощрения и вида государственной награды, которой участник СВО удостоен:

а) при поощрении Правительством Российской Федерации — 1 оклад месячного денежного содержания;

б) при поощрении Президентом Российской Федерации — 2 оклада месячного денежного содержания;

в) при присвоении почетных званий Российской Федерации и награждении знаками отличия Российской Федерации — 3 оклада месячного денежного содержания;

г) при награждении орденами Российской Федерации, медалями Российской Федерации, за исключением юбилейных медалей Российской Федерации, и знаком отличия ордена Святого Георгия — Георгиевским Крестом — 5 окладов месячного денежного содержания;

д) при награждении знаками особого отличия — медалью «Золотая Звезда» и золотой медалью «Герой Труда Российской Федерации» — 10 окладов месячного денежного содержания.

Единовременное поощрение выплачивается исходя из размеров оклада по воинской должности и оклада по воинскому званию, установленных на дату издания правового акта Российской Федерации о поощрении или награждении.

Указанная выплата носит единовременный характер. Однако в некоторых государственных органах, в которых законом предусмотрена военная служба, для лиц, награжденных государственными наградами, установлены периодические выплаты. Так, например, в Росгвардии действует приказ, в соответствии с которым военнослужащим, имеющим государственные награды, выплачивается ежемесячна надбавка за особые достижения в размере 50 процентов по замещаемой воинской должности¹. Военнослужащим военно-следственных органов, имеющих государственные награды, ежемесячно выплачивается надбавка в размере 80 процентов должностного оклада².

2. Виды поощрений и наград, за которые предусмотрены выплаты.

Как следует из приведенных выше норм Указа Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 765, в нем выделяются следующие категории поощрений и наград, дающих право лицам,

¹ Приказ Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

² Приказ СК России от 5 декабря 2012 г. № 82 «Об утверждении Правил выплаты ежемесячной

надбавки за особые достижения в службе военнослужащим, проходящим военную службу по контракту и замещающим должности в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации».

удостоенных их, на получение единовременного поощрения:

1) *поощрения Правительства Российской Федерации*. К ним относятся Почетная грамота Правительства Российской Федерации и благодарность Правительства Российской Федерации¹, а также медаль Столыпина П.А.²;

2) *поощрения Президента Российской Федерации*: Почетная грамота Президента Российской Федерации и благодарность Президента Российской Федерации³;

3) *присвоение почетных званий Российской Федерации*. Действующей наградной системой России предусмотрено 70 разновидностей почетных званий⁴;

4) *награждение знаками отличия Российской Федерации*. К знакам отличия действующая наградная система относит:

- знак отличия ордена Святого Георгия — Георгиевский Крест;
- знак отличия «За благодеяние»;
- знак отличия «За наставничество»;
- знак отличия «За безупречную службу»⁵;

5) *награждение орденами и медалями Российской Федерации*. Современная наградная система Российской Федерации включает 20 наименований орденов Российской Федерации и 21 разновидность медалей Российской Федерации⁶;

6) *награждение знаками особого отличия* — медалью «Золотая Звезда» и золотой медалью «Герой Труда Российской Федерации». Указанными знаками

награждаются лица, которым присвоены высшие звания Российской Федерации — Герой Российской Федерации и Герой Труда Российской Федерации⁷.

3. Особенности награждения государственными наградами участников СВО.

В целях оперативного решения задач по награждению военнослужащих и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, которые выполняют задачи специальной военной операции, проявивших мужество, отвагу и героизм, волю к победе, преданность своей Родине, верность воинскому долгу, Указом Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 722⁸ установлено, что право вручать в особом порядке от имени Президента Российской Федерации государственные награды Российской Федерации имеют командующие группировками войск (сил) — военнослужащим соединений, воинских частей и подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, входящих в состав таких группировок, гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, которые принимают непосредственное личное участие в боевых операциях, связанных с выполнением задач специальной военной операции. Данные лица имеют право вручать орден Мужества, знак отличия ордена Святого Георгия — Георгиевский Крест IV степени, медаль «За отвагу», медаль «За храбрость» II степени, медаль Ушакова, медаль Нестерова и медаль «За спасение

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 января 2009 г. № 73 «О почетной грамоте Правительства Российской Федерации и благодарности Правительства Российской Федерации».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 мая 2008 г. № 388 «О медали Столыпина П. А.».

³ Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2008 г. № 487 «О Почетной грамоте Президента Российской Федерации и благодарности Президента Российской Федерации».

⁴ Подп. «д» п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах

по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации».

⁵ Там же. Подп. «б.1» и «г.2» п. 2.

⁶ Там же. Подп. «б» и «г» п. 2.

⁷ Там же. Подп. «а» п. 2.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 722 «О некоторых вопросах награждения личного состава Вооруженных сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях».

погибавших». Указанные государственные награды Российской Федерации вручаются в районах боевых действий.

4. Выплата единовременного поощрения в случае гибели награжденного.

В соответствии с ч. 2.4 ст. 3 Закона о денежном довольствии военнослужащих и п. 3.1 Указа Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 765 в случае гибели (смерти) военнослужащего, награжденного государственной наградой Российской Федерации или поощренного Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации, а также в случае награждения государственной наградой Российской Федерации посмертно единовременное поощрение выплачивается членам семьи военнослужащего. Выплата единовременного поощрения в таких случаях производится не позднее чем через один месяц со дня истечения шестимесячного срока, в течение которого члены семьи погибшего (умершего) военнослужащего могут обратиться в Минобороны России за выплатой единовременного поощрения. При этом указанный срок исчисляется со дня издания правового акта Российской Федерации о награждении или поощрении такого военнослужащего. При обращении нескольких членов семьи за единовременным поощрением, не полученным указанным военнослужащим в связи с гибелью (смертью), сумма поощрения делится между членами семьи поровну.

В целях информирования членов семьи военнослужащего, поощренного Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или награжденного государственной наградой Российской Федерации, а также в случае его награждения государственной наградой Российской Федерации посмертно, Минобороны России в недельный срок со дня издания правового акта

Российской Федерации о поощрении или награждении письменно уведомляет членов семей погибших (умерших) или награжденных посмертно военнослужащих о его поощрении или награждении и разъясняет им порядок обращения за единовременным поощрением.

Выплата единовременного поощрения членам семей военнослужащего, поощренного Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации или награжденного государственной наградой Российской Федерации, а также в случае его награждения государственной наградой Российской Федерации посмертно, осуществляется путем перечисления соответствующих сумм на лицевые счета членов семей, открытые в кредитной организации, либо путем выдачи им в установленном порядке наличных денежных средств.

Наряду с рассмотренным выше единовременным поощрением для отдельных категорий лиц, удостоенных государственных наград, предусмотрены дополнительные денежные выплаты, носящие периодический характер.

5. Ежемесячные денежные выплаты Героям.

Для лиц, удостоенных высших званий «Герой Российской Федерации» и «Герой Труда Российской Федерации», специальными законодательными актами¹ установлены дополнительные социальные гарантии и денежные выплаты. Их установление является знаком признания особых заслуг перед государством и народом граждан Российской Федерации, удостоенных высших званий, необходимости осуществления государством мер, гарантирующих их экономическое и социальное благополучие, для чего им устанавливается особый статус и предоставляются дополнительные права и льготы.

¹ Закон Российской Федерации от 15 января 1993 г. № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы»; Федеральный закон от 9 ян-

варя 1997 г. № 5-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы».

Среди многочисленных социальных гарантий, установленных для Героев указанными законодательными актами, одно из важнейших мест занимает *ежемесячная денежная выплата*. Данная выплата устанавливается при условии отказа Героя от части иных льгот, предусмотренных законодательством, предоставляемых в натуральном виде. Граждане Российской Федерации, неоднократно удостоенные званий Героя, имеют право на одну ежемесячную денежную выплату.

Ежемесячная денежная выплата устанавливается и осуществляется независимо от предоставления Герою ежемесячных денежных выплат в соответствии с другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Выплата устанавливается территориальным органом Социального фонда России с даты присвоения звания Героя на основании сведений, необходимых для ее назначения, содержащихся в информационных системах, оператором которых является Социальный фонд Российской Федерации, и (или) сведений о присвоении звания Героя полученных Социальным фондом от Минобороны России, которыми Президенту Российской Федерации внесено представление о присвоении гражданину Российской Федерации звания Героя, в порядке межведомственного информационного взаимодействия, в том числе с использованием защищенных каналов связи, включая единую систему межведомственного электронного взаимодействия.

Сведения о присвоении звания Героя направляются Министерством обороны, которым внесено представление о присвоении гражданину Российской Федерации звания Героя Российской Федерации, в Социальный фонд России в порядке межведомственного информационного взаимодействия, в том числе с использованием защищенных каналов связи, включая единую систему межведомственного электронного взаимодействия, не позднее 5 рабочих дней с даты

получения сведений о присвоении звания Героя Российской Федерации.

В случае отсутствия сведений, необходимых для назначения ежемесячной денежной выплаты, в информационных системах, оператором которых является Социальный фонд России, или неполучения Фондом сведений о присвоении звания Героя от Минобороны России, которым Президенту Российской Федерации внесено представление о присвоении гражданину Российской Федерации звания Героя, ежемесячная денежная выплата назначается на основании заявления об установлении ежемесячной денежной выплаты, поданного Героем в территориальный орган Социального фонда России.

Героям, которым это звание присвоено с 1 января 2023 г., не реализовавшим на дату подачи заявления об установлении ежемесячной денежной выплаты право на льготы, предусмотренные законодательством о статусе Героев, ежемесячная денежная выплата устанавливается с даты присвоения звания Героя Российской Федерации (независимо от даты обращения с указанным заявлением) по 31 декабря года, в котором Герой Российской Федерации обратится с заявлением об отказе от получения ежемесячной денежной выплаты в пользу т.н. «натуральных» льгот.

Героям, которым это звание присвоено с 1 января 2023 г., реализовавшим на дату подачи заявления об установлении ежемесячной денежной выплаты право на льготы, предусмотренные законодательством, ежемесячная денежная выплата устанавливается с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором Герой обратится с указанным заявлением, по 31 декабря года, в котором Герой Российской Федерации обратится с заявлением об отказе от получения ежемесячной денежной выплаты.

Порядок осуществления рассматриваемой ежемесячной денежной выплаты установлен приказом Минтруда России от 22 января 2015 г. № 35н «Об утвержде-

нии Порядка осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации».

Согласно Закону Российской Федерации «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» размер ежемесячной денежной выплаты составляет 83 496,41 руб., а для Героев Труда Российской Федерации согласно Федеральному закону «О предоставлении социальных гарантий Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации и полным кавалерам ордена Трудовой Славы» размер данной выплаты составляет 61 566,28 руб.

Размер ежемесячной денежной выплаты подлежит индексации один раз в год с 1 февраля текущего года исходя из индекса роста потребительских цен за предыдущий год. Коэффициент индексации определяется Правительством Российской Федерации. С учетом индексации на 2025 г. размер ежемесячной денежной выплаты составляет:

— Героям Российской Федерации — 98 194,28 руб.;

— Героям Труда Российской Федерации — 72 403,79 руб.;

В случае смерти (гибели) Героя рассматриваемая ежемесячная денежная выплата выплачивается членам его семьи (вдове (вдовцу), родителям, детям в возрасте до 18 лет, детям старше 18 лет, ставшим инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, и детям в возрасте до 23 лет, обучающимся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, по очной форме обучения). Размер ежемесячной денежной выплаты каждому члену семьи умершего (погибшего) Героя определяется путем деления указанного выше размера ежемесячной денежной выплаты на количество членов его семьи, имеющих право на указанную выплату.

6. Дополнительное материальное обеспечение граждан, награжденным государственными наградами.

В целях определения условий и порядка назначения и выплаты дополнительного ежемесячного материального обеспечения гражданам Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией, устанавливаемого к пенсиям, назначенным в соответствии с законодательством Российской Федерации, принят Федеральный закон от 4 марта 2002 г. № 21-ФЗ «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией».

Данным законом установлены 13 категорий граждан, имеющих право на дополнительные ежемесячные денежные выплаты. Обязательным условием их назначения является получение этими гражданами пенсий, назначенных в соответствии с пенсионным законодательством Российской Федерации. Размер этих выплат зависит от вида заслуг гражданина перед государством и вида государственных наград, которыми он награжден. Конкретные суммы ежемесячного материального обеспечения исчисляются в процентном соотношении с размером социальной пенсии, указанной подп. 1 п. 1 ст. 18 Закона о государственном пенсионном обеспечении. Размер социальной пенсии ежегодно индексируется и с 1 апреля 2025 г. установлен в сумме 8 824,08 руб. в месяц.

Применительно к участникам СВО право на ежемесячное материальное обеспечение имеют следующие категории граждан (см. табл.).

Гражданам, имеющим одновременно право на получение дополнительного материального обеспечения по нескольким основаниям, дополнительное материальное обеспечение устанавливается по одному из них, предусматривающему более высокий размер, вне зависимости от количества званий и наград.

Таблица

Размеры дополнительного ежемесячного материального обеспечения отдельных категорий участников СВО, получающих пенсию

№ пп	Категории получателей	Размер выплаты в % к соц. пенсии	Размер выплаты в руб.
1	Герои Российской Федерации; граждане, награжденные орденом Святого апостола Андрея Первозванного; граждане, награжденные орденом Святого Георгия I степени; граждане, награжденные орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени или знаком отличия ордена Святого Георгия — Георгиевским Крестом четырех степеней	415 %	36 619,93
2	Граждане, награжденные орденом Святого Георгия II степени	375 %	33 090,3
3	Граждане, награжденные орденом Святого Георгия III степени; граждане, награжденные орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени; граждане, награжденные орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени; граждане, награжденные тремя орденами Мужества и (или) «За личное мужество»	330 %	29 119,46

Выплата дополнительного материального обеспечения производится одновременно с выплатой соответствующей пенсии. В период выполнения оплачиваемой работы данная выплата не производится.

7. Выплаты награжденным ведомственными наградами.

Наряду с государственной наградной системой в России сложилась и функционирует довольно обширная ведомственная система наград и поощрений. Все руководители федеральных органов исполнительной власти и государственных органов наделены полномочиями по учреждению соответствующих ведомственных наград и знаков отличия.

Согласно информации, размещенной на официальном сайте Главного управления кадров Минобороны России, ведомственные награды Минобороны России разделены на следующие группы:

а) ведомственные знаки отличия Минобороны России (8 знаков);

б) медали Минобороны России (101 медаль);

в) знаки отличия Минобороны России в венках (31 знак);

г) почетные звания Минобороны России (9 званий);

д) знаки отличия Минобороны России на колодках (33 знака);

е) памятные знаки в виде штандартов Минобороны России (25 знаков).

Из представленного обширного перечня ведомственных наград (более 200 наименований) наибольший вес и значение имеют ведомственные знаки отличия Минобороны России, к которым приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. № 777¹ относит 8 медалей: «За боевые отличия», «За воинскую доблесть», «За разминирование», «За укрепление боевого содружества», «За отличие в военной службе», «За трудовую доблесть», «Михаил Калашников», «Участнику военной операции в Сирии». Три из названных ведомственных знаков отличия («За отличие в

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 14 декабря 2017 г. № 777 «О ведомственных знаках отличия Министерства обороны Российской Федерации».

военной службе» 1 и 2 степени, «За трудовую доблесть» и «Михаил Калашников» дают право награжденным на присвоение звания «Ветеран труда».

подавляющее большинство ведомственных наград Минобороны России имеют сугубо нравственный характер и не влекут каких-либо дополнительных материальных последствий для награжденного. Исключение составляют четыре ведомственных знака отличия Минобороны России. В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2019 г. военнослужащим награжденным этими знаками отличия в течение одного года после издания приказа Министра обороны Российской Федерации о награждении ежемесячно выплачивается надбавка за особые достижения в службе в следующих размерах:

— награжденным медалью «За боевые отличия» — 30 % оклада по воинской должности;

— награжденным медалью «За разминирование» — 20 % оклада по воинской должности

— медалью «За воинскую доблесть» I степени — 20 % оклада по воинской должности;

— медалью «За воинскую доблесть» II степени — 10 % оклада по воинской должности.

Следует отметить, что в иных ведомствах также предусмотрены выплаты за наличие ведомственных наград, однако в отличие от Минобороны России они носят более длительный характер — выплачиваются в течение всего периода прохождения военной службы. Такой порядок действует, например, в Росгвардии и СК России (см., например, приказ

Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472 и приказ СК России от 5 декабря 2012 г. № 82).

8. Выводы и предложения.

Проведенный в настоящей публикации анализ законодательства о дополнительных денежных выплатах позволил выявить ряд проблемных вопросов, требующих своего нормативного разрешения:

— *во-первых*, единовременное поощрение за государственную награду, предусмотренное Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 765, подлежит выплате только военнослужащим. Учитывая, что в числе участников СВО довольно заметное место занимают в настоящее время граждане, заключившие контракты о пребывании в добровольческих формированиях и которые также получают государственные и ведомственные награды за боевые отличия, имеется настоятельная потребность в распространении права на получение этих выплат и на добровольцев;

— *во-вторых*, представляется целесообразным в Минобороны России использовать практику, имеющую место в иных государственных органах, где установлены ежемесячные выплаты за государственные и ведомственные награды в течение всего периода прохождения военной службы. Как показано выше, в Минобороны России такие выплаты военнослужащим, имеющим государственные награды, не предусмотрены вовсе, а выплаты за наличие ведомственных наград производятся только в течение одного года после награждения.

Additional payments to participants of a special military operation in connection with the awarding of state and departmental awards

© **Koryakin V.M.**,

Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article presents an analysis of the norms of legislation on awards and rewards applied to military personnel and other participants in a special military operation. Special attention is paid to those awards and incentives that have a certain material component, i.e. entail the production of certain lump-sum or periodic cash payments to the awarded. Some proposals have been formulated to improve the financial incentives for citizens who have debts to the state.

Keywords: state awards; contempt; special military operation; support for citizens with special services to the state.

For citation: Koryakin V.M. Additional payments to participants of a special military operation in connection with the awarding of state and departmental awards // Military law. 2025. No. 4. pp. 86-94.

The article was received by the editorial office on August 5, 2025.

Вопросы получения военными образованием в гражданских образовательных организациях

© Чепель Владимир Иванович,
студент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопросы реализации права военными на получение образования в гражданских образовательных организациях, в том числе в условиях проведения специальной военной операции. В работе рассмотрены ключевые нормативные акты в области образования, проанализированы возможные толкования их норм и проблемы, возникающие при реализации прав и гарантий военными в области получения образования. Предложены некоторые меры по совершенствованию правового регулирования данных вопросов.

Ключевые слова: гражданские образовательные организации, право на образование военными, академический отпуск, восстановление в образовательной организации.

Для цитирования: Чепель В.И. Вопросы получения военными образованием в гражданских образовательных организациях // Военное право. 2025. № 5. С. 95—99.

Статья поступила в редакцию 6 августа 2025 г.

Военное право в условиях проведения специальной военной операции (СВО) в части, касающейся реализации прав военными и их семей, остается очень динамичной отраслью, на что неоднократно указывалось в научных публикациях¹. Текущая ситуация требует как совершенствования принятых ранее, так установления новых социальных гарантий, в особенности для граждан, уволенных с военной службы, так как им необходимо время и возможности для адаптации после увольнения со службы.

Одним из инструментов социального лифта является получение образования. Оно является главным критерием при замещении должностей как на военной службе, так и в трудовой деятельности. Обеспечение получения образования военными является обязанностью Российской Федерации как социального государства согласно ст. 7 и 43 Конститу-

ции России, которая является прямым выражением воли многонационального народа России.

Права военными на образование регламентируются ст. 19 Федерального закона «О статусе военными». Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» также регулирует большую часть правоотношений в области образования, права военными в этом законодательном акте затронуты в части установления определенных льгот для отдельных категорий граждан, таких, например, как ветераны боевых действий, участники специальной военной операции и пр.

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 55 допускает ограничение прав и свобод человека только в соответствии с федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения

¹ См., например: Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024; Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей. Со словаре-справочником (с комментариями) : учебное

пособие / отв. ред. А.И. Землин; привет. слово Е.Л. Забарчук; предис. А.Л. Хазин. М.: КНОРУС, 2024; Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. М.: Изд. «Красная звезда», 2024 и др.

обороны страны и безопасности государства. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в п. 2 ст. 1 повторяет данное положение Конституции, устанавливая, что ограничение прав может быть предусмотрено только данным законом и иными федеральными законами. Тем самым в части правового регулирования правоотношений с участием военнослужащих установлен общедозволительный принцип. Соответственно, необходимо толковать запрет только в том случае, если он прямо указан в законе. Однако ввиду того, что ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» содержит один прямой запрет — на продолжение обучения для военнослужащих по призыву — то возможно неверное толкование данной статьи. Вопросы получения военнослужащими, а также лицами, увольняемыми или уволенными с военной службы, образования в гражданских образовательных организациях регулируются п. 2—5 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Вышесказанное в части запрета на продолжение обучения военнослужащих по призыву в гражданских образовательных организациях не обязывает граждан, призванных на военную службу, отчисляться из образовательных организаций, в которых они обучались. Данная категория военнослужащих вместе с военнослужащими по контракту и гражданами, призванными по мобилизации, имеют право на получение академического отпуска в порядке, утвержденным приказом Министерства образования и науки России. Однако академический отпуск может предоставляться на срок, не превышающий двух лет, а возможность его продления не предусмотрена¹. В связи с этим военнослужащим для сохранения статуса обучающегося необходимо подавать новое заявление на предоставление академического отпуска. Но в обстоятельствах

настоящего времени, когда военнослужащие исполняют служебные обязанности в зоне проведения специальной военной операции, физически даже через использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» они могут не иметь фактической возможности направить такое обращение. Недавний приказ Минобрнауки России от 4 апреля 2025 г. № 303, который вступил в силу с 1 сентября 2025 г.², предусматривает возможность образовательным организациям принимать решение о продлении академического отпуска обучающимся, если они по независящим от них обстоятельствам не приступили по завершению академического отпуска к обязанностям, связанных с освоением ими образовательных программ.

Следует предположить, что в ситуации, когда специальная военная операция идет четвертый год, многие обучающиеся были отчислены в связи с невыходом из академического отпуска. Ст. 62 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предоставляет полномочия образовательным организациям устанавливать порядок и условия восстановления гражданина, отчисленного по инициативе организации. Однако п. 5 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» гарантирует сохранения права на продолжение образования в образовательных организациях, в которых они обучались до призыва. Иными словами, военнослужащие по призыву, заключившие контракт о прохождении военной службы, или граждане, призванные на военную службу по мобилизации, сохраняют за собой право обучения в образовательных организациях. Однако право на обучение у них возникло в результате прохождения конкурсного отбора и зачисления на места за счет бюджетных ассигнований, либо с полным возмещением затрат. В связи с этим локальные акты образовательных ор-

¹ Приказ Минобрнауки России от 13 июня 2013 г. № 455 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» (утратил силу с 1 сентября 2025 г.).

² Приказ Минобрнауки России от 4 апреля 2025 г. № 303 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся».

ганизаций должны гарантировать восстановление на обучение данной категории граждан, в том числе и на места контрольных цифр приема, иначе фактически право будет утрачено, хотя закреплено в российском законодательстве на конституционном уровне. Это снижает достигнутый уровень социальной защиты, что является недопустимым¹ ввиду принятия Российской Федерацией на себя обязанностей социального государства. Стратегия национальной безопасности² при этом определяет одним из средств обеспечения национальной безопасности обеспечение должного уровня социальной защищенности военнослужащих, членов их семей, граждан, уволенных с военной службы.

Также возможно неверное толкование абзаца четырнадцатого п. 5 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих», где идет речь о возможности обучения военнослужащих в т.н. «гражданских» образовательных организациях. Однако в некоторых военных образовательных организациях, в частности, Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова и Военном университете Министерства обороны им. Александра Невского, существуют внебюджетные отделения, где граждане могут по договорам об оказании платных образовательных услуг обучаться в данных организациях, при этом не проходя военную службу и подготовку по военной специальности. Однако в пре-

амбуле закона сказано, что данный нормативно-правовой акт определяет права, свободы, обязанности и ответственность военнослужащих, а также основы государственной политики в области правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей. Соответственно, на граждан, окончивших военные образовательные организации на внебюджетных отделениях, данное положение закона не распространяется. Остается неясным: вправе ли военнослужащие обучаться в этих военных образовательных организациях для получения не военного, а именно «гражданского» образования?

Формулировки п. 2 вышеуказанной статьи также требуют исследования. Абз. 1 и 2 закрепляют право офицеров и иных категорий военнослужащих, чья непрерывная продолжительность военной службы по контракту составляет не менее трех лет, на обучение в гражданских образовательных организациях в порядке, определенном Правительством Российской Федерации.^{3,4} В обоих принятых по данному вопросу постановлениях закреплено право на обучение военнослужащих с освоением программ на очно-заочной и заочной формах обучения. Причем абз. 2, в отличие от абз. 1, в котором закреплены права офицеров, закрепляет право обучения по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации "О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы" в связи с жалобой гражданина С.Н. Борозенца».

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1155 «О порядке реализации права военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (за исключением офицеров), непрерывная продолжительность военной службы по контракту которых составляет не менее 3 лет, на обучение по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования и высшего

образования, а также на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения».

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1156 «О порядке реализации права офицеров, проходящих военную службу по контракту, на обучение в гражданских профессиональных образовательных организациях или гражданских образовательных организациях высшего образования и на подготовительных отделениях таких образовательных организаций высшего образования с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения».

среднего профессионального образования и высшего образования, а в части обучения на подготовительных отделениях добавлено: «за счет средств федерального бюджета». Однако прямого запрета на получение образования по иным формам обучения, или же на других условиях в законе не содержится.

Данные нормы созданы для реализации предоставления гарантий и компенсаций военнослужащим, совмещающим прохождение военной службы с получением образования, что закреплено в указанных выше постановлениях Правительства Российской Федерации. Соответственно, военнослужащие могут обучаться как на местах за счет ассигнований федерального бюджета, так и по договорам об оказании платных образовательных услуг, как на очно-заочных и заочных формах обучения, так и на очных формах, в том числе, если военнослужащий по контракту (за исключением офицеров) проходит военную службу менее 3 лет; однако в случаях, если их форма обучения или же срок службы не соответствуют указанным в п. 2 ст. 19, то командование воинской части не обязано предоставлять гарантии и компенсации для получения военнослужащим образования, в частности, учебные отпуска. Однако в части получения академического отпуска право за военнослужащих сохраняется согласно вышеупомянутому приказу Минобрнауки России от 4 апреля 2025 г. № 303.

Исходя из всего вышесказанного, проведенное исследование позволило выделить несколько проблем в сфере получения образования военнослужащими, в частности предоставление автономии образовательным учреждениям в области регулирования восстановления обучающихся, отчисленных по инициативе организаций без оговорок, т.к. в случае закрепления особого порядка восстановления граждан, призванных во время обуче-

ния на военную службу, могут быть нарушены их конституционно закрепленные права, поскольку восстановление на места контрольных цифр приема чаще всего затруднительно, т.к. требуется, чтобы они были вакантны. Также возможно в п. 2 добавить абзац, касающийся образовательных программ среднего профессионального и высшего образования, а именно о допустимости их освоения, если это не препятствует исполнению обязанностей военной службы. В данной формулировке возможно обучение военнослужащих по программам магистратуры, т.к. обучение по данным программам в большинстве высших учебных заведений осуществляется в вечернее время и в выходные дни. А гарантии на предоставление учебного отпуска предусмотренные при освоении образовательных программ среднего профессионального и высшего образования, следует распространить и на случаи их освоения в ином порядке, чем это предусмотрено постановлениями Правительства. Военнослужащие могут поступить на военную службу и после поступления в образовательные организации или самостоятельно во время службы. Данные меры усилят социальную защиту военнослужащих и обеспечат соответствие законодательства принципам правового, социального государства.

Список источников

1. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: Русайнс, 2024. 294 с. EDN: POZSSN
2. Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей. Со словарем-справочником (с комментариями) : учебное пособие / отв. ред. А.И. Землин ; привет. слово Е.Л. Забарчук ; предис. А.Л. Хазин. М.: КНОРУС, 2024. 608 с. EDN: MOZAIY
3. Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. Москва: ВУ, 2024. 240 с. EDN: WFOLBF

Issues of military personnel receiving education in civilian educational organizations

© Chepel V.I. ,
student of St. Petersburg State University

Annotation. This article examines the implementation of the right of military personnel to receive education in civilian educational organizations, including in the context of a special military operation. The paper examines key normative acts in the field of education, analyzes possible interpretations of their norms and problems arising in the implementation of the rights and guarantees of military personnel in the field of education. Some measures are proposed to improve the legal regulation of these issues.

Keywords: civilian educational organizations, the right to education for military personnel, academic leave, reinstatement in an educational organization.

For citation: Chepel V.I. Issues of military personnel receiving education in civilian educational organizations // Military law. 2025. No. 5. pp. 95-99.

The article was submitted to the editorial office on August 6, 2025.

Уголовное право и криминология

К вопросу о повышении эффективности уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом оружия

© **Бодрягина Ольга Александровна**,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

© **Левин Максим Сергеевич**,
старший преподаватель кафедры специальной тактики и огневой подготовки Рязанского филиала Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

© **Алькаев Роман Романович**,
оперуполномоченный МО МВД России «Ковровский» УМВД России по Владимирской области

Аннотация. Авторами научной статьи подчеркиваются недостатки в нормативной регламентации отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся незаконного оборота оружия. Обосновывается внесение в них изменений и дополнений, которые могут оказать помощь правоприменителям в изучении их правовой природы, объективной квалификации преступлений, надлежащем расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: законодательство, преступность, оружие, уголовная ответственность, осуждённый.

Для цитирования: Бодрягина О.В., Левин М.С., Алькаев Р.Р. К вопросу о повышении эффективности уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом оружия // Военное право. 2025. № 5. С. 100—104.

Статья поступила в редакцию 29 августа 2025 г.

Преступность остается значительным препятствием для проведения политических, экономических и социальных реформ в Российской Федерации, и ситуация в этой области остается не совсем благополучной. Особое внимание уголовным законом уделяется преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия. Хотя количество зарегистрированных преступлений указанной категории в общем массиве не так велико, их опасность заключается в том, что наличие оружия

может привести в любой момент к совершению серьезных и даже особо тяжких преступлений.

Анализируя статистические данные, имеющиеся на официальном интернет-сайте МВД России, можно сказать, что количество преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота оружия, в 2024 г. по сравнению с январем — декабрем 2023 г. сократилось на 4,2 % и составило 18,6 тыс. преступлений. При этом за период времени с января по июнь 2025 г. в

исследуемой области уже было зарегистрировано 9,2 тыс. преступлений¹.

Говоря о действующем законодательстве в сфере незаконного оборота оружия, следует отметить, что в последний раз изменения уголовного законодательства, а именно ст. 222 УК РФ, были осуществлены в 2021 г. Однако события, произошедшие в России после 2022 г., показывают, что незаконный оборот оружия представляет значимую угрозу общественному порядку и общественной безопасности. При этом увеличение количества зарегистрированных преступлений в Белгородской области в 2023 г. может подтверждать то обстоятельство, что большое количество оружия оказывается на территории Российской Федерации незаконно из зоны введения боевых действий.

В то же время актуальность исследуемой темы подчеркивает и то обстоятельство, что в 2024 г. в таких регионах, как Карачаево-Черкесская Республика, Камчатский край, Еврейская автономная область, Забайкальский край, и в первом полугодии 2025 г. — в Магаданской области, Ненецком автономном округе и др. отмечен наибольший темп прироста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Полагаем, что это обуславливается географическим фактором, поскольку в указанных субъектах Российской Федерации охота является промыслом, который позволяет людям существовать. В результате чего незаконный оборот охотничьего оружия образует рассматриваемый состав преступления.

Следует отметить, что в отечественном законодательстве предусмотрены и превентивные меры, направленные на борьбу с преступностью в указанной области. Однако, ни КоАП РФ, ни УК РФ не останавливают граждан совершать действия, запрещенные законом.

Вышеизложенное свидетельствует о возрастающей общественной опасности бесконтрольного и незаконного нахождения большого количества оружия на территории нашего государства. Актуальность исследуемой в научной статье темы состоит и в том, что в настоящее время российское законодательство в сфере незаконного оборота оружия нуждается в совершенствовании. То же самое можно сказать и про уголовно-правовые средства борьбы с ним.

Акцентируем внимание на совершенствовании уголовного законодательства как основного инструмента уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом оружия.

Отметим, что в настоящее время отсутствует закрепление на законодательном уровне уголовной ответственности за хищение газового, холодного и метательного оружия. Однако в уголовном законе акцентируется внимание на том, что за незаконный сбыт вышеуказанных предметов предусматривается уголовная ответственность (ч. 7 ст. 222 УК РФ). Считаем, что противоправные действия, связанные с хищением описанных выше предметов, также имеют достаточно высокую общественную опасность.

В научной литературе встречаются предложения, связанные с дифференциацией уголовной ответственности за противоправные действия в сфере незаконного оборота оружия в части, касающейся закрепления в отдельных нормах УК РФ в качестве квалифицирующего признака — проникновение или попытки проникновения оружия, его основных частей в места лишения свободы или содержания под стражей. Также можно встретить подходы, касающиеся закрепления квалифицирующего признака — специального субъекта. В качестве специального субъекта должны выступать осуждённый, отбывающий наказание в виде лишения сво-

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года, январь-декабрь 2025 года [Электронный ресурс] // Статистика и аналитика / Ми-

нистерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 12.08.2025).

боды, а также подозреваемый (обвиняемый), находящийся в местах содержания под стражей¹. Обобщив мнения и подходы, считаем целесообразным внести следующие изменения в действующее уголовное законодательство. Так, в ч. 5 ст. 222 УК РФ необходимо добавить новые квалифицирующие признаки и изложить в следующей редакции:

«5. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

г) осуждённым, отбывающим наказание в местах лишения свободы, а также подозреваемым или обвиняемым, содержащимся под стражей;

д) в целях проникновения или попытки проникновения огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему в места лишения свободы или места содержания под стражей, —...».

По аналогии с предложенными изменениями в ч. 5 ст. 222 УК РФ возможно внесение дополнений в ст. 223 УК РФ, включив в её содержание положения, обозначенные выше в пунктах «г» и «д».

Другой актуальной проблемой является то обстоятельство, что в настоящее время в уголовном законодательстве отсутствует конкретизированный предмет преступления в сфере незаконного оборота оружия, связанный с количественным критерием. Так, при квалификации деяния не учитывается само количество оружия. Полагаем, что различие в количестве оружия должно оказывать существенное влияние на вид и размер назначаемого наказания. Из этого следует то, что одним из уголовно-правовых средств по борьбе с незаконным оборотом

оружия является закрепление в уголовном законодательстве в качествеотягчающего обстоятельства крупного и особо крупного размера. В данном случае следует воспользоваться уже имеющимся опытом, а именно аналогией права, поскольку в ст. 13 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» непосредственно регламентирована максимально допустимая регистрация оружия при выдаче лицензии (не более пяти единиц). В тех случаях, когда необходимо определить крупный размер оружия, следует ориентироваться на то оружие, которое больше максимально допустимого, а именно более разрешенного действующим законодательством.

По-нашему мнению, особо крупным размером необходимо признавать размер, который превышает крупный размер в пять раз. Эту точку зрения разделяет большинство респондентов и авторов научных работ. Вдобавок, при анализе используемых в тексте УК РФ определений крупного и особо крупного размера наиболее часто используется соотношение 1:5².

В связи с изложенным предлагаем изложить диспозицию ч. 3 и ч. 4 ст. 222 УК РФ в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

г) в крупном размере, —...».

«4. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) в особо крупном размере, —...».

В контексте совершенствования уголовного законодательства особое внимание следует уделить вопросу определения

¹ Пенин О.В. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в исправительные учреждения УИС // Вестник Уголовно-исполнительной системы. 2011. № 3. С. 10.

² Пронькина Е.А. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия: коллизии законодательства и правоприменительной практики // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 548.

возраста, с которого лицо может быть привлечено к ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222—226.1 УК РФ. На сегодняшний день в указанной категории преступлений установлены различные возрастные пороги привлечения к уголовной ответственности — с 14-ти или с 16-ти лет, что свидетельствует, на наш взгляд, о некоторой несогласованности правового подхода. В связи с этим возникает необходимость в унификации возрастных критериев привлечения физических лиц к ответственности за деяния указанной направленности.

Далее отметим, что в действующем уголовном законодательстве необходимо сохранить имеющуюся логическую структуру норм. Следует разграничить уголовную ответственность за противоправные действия, касающиеся степени общественной опасности деяния, по видам оружия. Говоря более простым языком, отметим, что разграничение должно касаться непосредственно оружия массового поражения и любого другого оружия.

В качестве примера отметим диспозицию ч. 2 ст. 226 УК РФ, предусматривающую хищение либо вымогательство материалов или оборудования, которое возможно использовать для последующего создания оружия массового поражения. Подобную норму мы можем увидеть в ст.

355 УК РФ. Рассматриваемая статья закрепляет признаки, а также состав преступления, связанный с разработкой, производством, накоплением, приобретением или сбытом оружия массового поражения.

Внимание правоприменителей должно быть акцентировано на том, что в качестве определяющего критерия должна выступать общественная опасность деяния, а именно, признак массового поражения. В результате чего, по нашему мнению, в ст. 355 УК РФ должен быть закреплён признак, указанный в ч. 2 ст. 226 УК РФ.

Нами рассмотрены некоторые средства уголовно-правового характера, направленные на борьбу с незаконным оборотом оружия. Данные предложения могут быть использованы в последующем для разработки изменений в действующее уголовное законодательство. Считаем, что предложенные изменения позволят повысить эффективность правоприменительной практики.

Список источников

1. Пенин О.В. Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в исправительные учреждения УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 3. С. 7—11.
2. Пронькина Е.А. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия: коллизии законодательства и правоприменительной практики // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 547—550.

On the issue of increasing of the effectiveness of the criminal law measures to combat of the illegal arms trafficking

© Bodryagina O.A.,

candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department of logistics support of the penitentiary system of the Academy of law and management of the Federal penitentiary service

© Levin M.S.,

senior lecturer of the department of special tactics and fire training of the Ryazan branch of the Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

© Alkaev R.R.,

operative officer of the inter-municipal department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation «Kovrosky» of the UMVD of Russia for the Vladimir region

Abstract. The authors of the scientific article emphasize the shortcomings in the normative regulation of some articles of the Criminal Code of the Russian Federation concerning illegal arms trafficking. The introduction of amendments and additions to them that can assist law enforcement officers in studying of their legal nature, objective qualification of crimes and proper investigation of criminal cases is substantiated.

Key words: legislation, crime, weapon, criminal liability, convicted person.

For citation: Bodryagina O.V., Levin M.S., Alkaev R.R. On the issue of improving the effectiveness of criminal law means to combat illegal arms trafficking // Military law. 2025. No. 5. pp. 100-104.

The article was received by the editorial office on August 29, 2025.

Дополнительное наказание осужденному по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения

© Раков Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент
Военного университета
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассмотрено ряд правоприменительных ситуаций, связанных с назначением осужденным дополнительного наказания в связи с его мотивированностью, законностью и справедливостью.

Ключевые слова: судебная практика военных судов, назначение наказания, дополнительное наказание, уголовная ответственность военнослужащих.

Для цитирования: Раков А.В., Харитонов С.С. Дополнительное наказание осужденному по материалам военно-судебной практики: проблемы правоприменения // Военное право. 2025. № 5. С. 105—110.

Статья поступила в редакцию 27 августа 2025 г.

Правильно или неправильно — это вопрос философский.

Виктор Черномырдин

Правовое регулирование правил назначения осужденному дополнительных наказаний изложено в ст. 45 УК РФ, разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 59, 60), а применительно к военнослужащим — дополнительно в п. 113 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

Дополнительные наказания дают возможность в значительной степени индивидуализировать уголовную ответственность и гарантировать достижение целей наказания.

Напомним, что большинство дополнительных наказаний применяется к военнослужащим без каких-либо изъятий. К ним относятся штраф (ст. 46 УК РФ), лишение права занимать определенные должности (исключение — и наказание в

виде лишения военнослужащего права занимать воинские должности в течение определенного срока, которое предусмотрено в качестве самостоятельного основания для его увольнения с военной службы согласно подп. «з» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ).

Военнослужащий может быть лишен воинского звания и государственных наград.

В то же время военнослужащим не назначается ограничение свободы (ст. 53 УК РФ), лишения специального звания, поскольку им присваивается только воинское звание.

Отметим, что о вопросах теории и практики назначения дополнительных наказаний военнослужащим продолжают

размышлять военные юристы¹, что в свою очередь, демонстрирует востребованность данной темы.

Мы же, не углубляясь в обсуждении круга и содержания дополнительных наказаний, относимых к числу уголовно-правовых, рассмотрим некоторые ошибки, допущенные военным судьями при назначении уголовного наказания. Анализ судебных решений позволяет выработать правильное и единообразное применение норм уголовного закона, регламентирующих правила и порядок назначения наказания.

С учетом изложенного, представляется возможным привести некоторые примеры судебной практики военных судов, которые иллюстрируют правовые позиции по ряду вопросов, актуальных и сегодня, возникающих при назначении дополнительного наказания.

Гражданам, проходившим на момент совершения преступления военную службу, ограничение свободы не назначается.

По приговору гарнизонного военного суда с учетом изменений, внесенных апелляционным определением флотского военного суда, К. за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, наряду с основным наказанием в виде лишения свободы назначено дополнительное наказание в виде ограничения свободы. Это же дополнительное наказание

К. определено по совокупности преступлений.

Между тем, как следует из материалов дела, на момент совершения преступления К. проходила военную службу.

Согласно ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы военнослужащим не назначается.

Поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 9 УК РФ преступность и наказуемость деяния, а, следовательно, и все правовые последствия, связанные с последующим назначением наказания, определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления, увольнение К. на момент постановления приговора значения для решения вопроса о возможности назначения ей указанного вида дополнительного наказания не имеет.

По результатам рассмотрения дела кассационным военным судом исключено из обжалованных судебных актов указание о назначении К. наказания в виде ограничения свободы за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, и по совокупности преступлений².

Положения ст. 73 УК РФ применяются только к основному виду наказания.

По приговору гарнизонного военного суда Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 264 УК РФ, к лишению свободы на срок 6 лет с лишением права заниматься деятельно-

¹ См., например: Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2004; Власов С.Ю., Харитонов С.С. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 168—172; Заказнова А.Н., Моргуленко Е.А. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 250—255; Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198; Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20

Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128, и др.

² См.: Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2020 году, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ 22 сентября 2021 года URL: http://severnfyvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=331 (дата обращения 01.03.2022).

стью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 года. При этом суд первой инстанции постановил назначенное наказание, в том числе дополнительное, на основании ст. 73 УК РФ считать условным, с испытательным сроком 5 лет.

Окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке по представлению прокурора, приговор в части назначения Б. дополнительного наказания изменил, указав следующее.

В силу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в п. 62 Постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 73 УК РФ при условном осуждении могут быть назначены дополнительные наказания, то условным может быть признано лишь основное наказание.

Исправляя допущенную ошибку, суд исключил из приговора суда указание о применении положений ст. 73 УК РФ к назначенному Б. дополнительному виду наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами¹.

Не приведение судом первой инстанции обоснований необходимости лишения осужденного воинского звания повлекло изменение приговора.

По приговору гарнизонного военного суда П. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, к лишению свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима, с лишением в соответствии со ст. 48 УК РФ воинского звания «майор».

Апелляционным определением окружного военного суда приговор изме-

нен, судом исключено указание о назначении осужденному дополнительного наказания в виде лишения воинского звания.

В обоснование принятого решения суд апелляционной инстанции указал следующее.

В силу требований п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решений всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания.

Согласно ст. 48 УК РФ за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления суд может лишить виновного воинского звания, с учетом его личности.

В силу разъяснений, изложенных в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», помимо тяжести преступления, должны быть учтены и другие, указанные в ст. 60 УК РФ, обстоятельства.

Вместе с тем, суд, приведя смягчающие обстоятельства и положительные данные о личности, послужившие основанием для неназначения П. дополнительных наказаний, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, одновременно указал о необходимости лишения осужденного воинского звания «майор» в соответствии со ст. 48 УК РФ, однако каких-либо мотивов принятого решения не привел².

Неназначение осужденному дополнительного наказания, предусмотренного санкцией соответствующей статьи УК РФ в качестве обязательного, возможно лишь при применении ст. 64 УК РФ с обязательной мотивацией этого решения в приговоре.

По приговору гарнизонного военного суда рядовой Д. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, с применением ст. 73 УК

¹ См.: Обзор судебной практики окружных (флотских) военных судов по уголовным делам в 2020 году, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 сентября 2021 года URL: http://severnfyfs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=331 (дата обращения 01.03.2022).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам за первое полугодие 2021 года, утверждён на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 16.07.2021 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=283 (дата обращения 28.02.2022).

РФ, к 3 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев.

При назначении Д. наказания гарнизонный суд в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ обоснованно признал смягчающими наказание обстоятельствами добровольное возмещение потерпевшему морального вреда и затрат военного госпиталя на его лечение, а также принял во внимание положительные данные о личности осужденного, признание им вины и чистосердечное раскаяние в содеянном, мнение потерпевшего о смягчении осужденному наказания и противоправность поведения потерпевшего, послужившего поводом для преступления.

Сославшись на эти обстоятельства, гарнизонный суд посчитал возможным не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный санкцией ч. 3 ст. 286 УК РФ в качестве обязательного, однако не обосновал применение ст. 64 УК РФ и не сослался на эту норму в резолютивной части приговора.

Согласно взаимосвязанным положениям ч. 1 ст. 64 УК РФ и разъяснениям, изложенным в п. 35, 41 и 59 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», суд в этом случае обязан был мотивировать применение ст. 64 УК РФ в описательно-мотивировочной части приговора и сделать ссылку на эту норму в его резолютивной части.

Изменяя приговор, флотский суд признал совокупность указанных выше установленных по делу смягчающих наказание обстоятельств и положительных данных о личности Д. исключительной, дающей основания для применения ст. 64 УК РФ и назначения ему наказания по п.

«а» ч. 3 ст. 286 УК РФ без применения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного¹.

В случае применения ст. 64 УК РФ ссылка на нее в резолютивной части приговора обязательна.

По приговору Биробиджанского гарнизонного военного суда К. за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, осужден к лишению свободы сроком на 3 года условно с испытательным сроком 3 года без указания о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК и основан на правильном применении уголовного закона.

Указанные требования не были соблюдены в полной мере при назначении К. наказания. В силу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в п. 35 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в случае применения ст. 64 УК РФ ссылка на нее в резолютивной части приговора обязательна. Поскольку суд первой инстанции, обосновав в описательно-мотивировочной части приговора свой вывод о назначении К. наказания без применения в отношении него предусмотренного санкцией п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ обязательного дополнительного вида наказания, фактически данную норму закона не применил, то окружной военный суд приговор суда изменил, исправил указанную ошибку путем внесения соответствующего изменения в резолютивную часть приговора².

¹ См.: Обзор апелляционной практики Тихоокеанского флотского военного суда по уголовным делам за 1 полугодие 2021 года URL: http://tihookeanskyfvs.prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=173 (дата обращения 05.03.2022).

² См.: Обзор судебной практики 1-го Восточного окружного военного суда и подведомственных ему гарнизонных военных судов по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и материалам о грубых дисциплинарных проступках за первое полугодие 2021 года (Извлечение) URL:

В соответствии со ст. 264.1 УК РФ дополнительным видом наказания является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Признав М. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, гарнизонный военный суд наряду с основным наказанием в виде штрафа назначил осужденному дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами, в то время как подобный дополнительный вид наказания законом не предусмотрен.

При этом санкция ст. 264.1 УК РФ предусматривает при назначении основного наказания в виде штрафа и назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью.

Окружной военный суд, согласившись с доводами апелляционного представления прокурора, изменил приговор, назначив М. по ст. 264.1 УК РФ дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, исключив из резолютивной части приговора указание о назначении ему дополнительного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами¹.

Описанные выше в обзорах военных судов ошибки в назначении дополнительного наказания показывают, что при рас-

смотрении дел и постановлении приговоров военным судам надлежит уделять особое внимание соответствию назначаемого дополнительного наказания характеру и степени общественной опасности преступления, личности подсудимых, а также квалификации действий виновных лиц.

Список источников

1. Власов С.Ю., Харитонов С.С. О некоторых аспектах практики применения уголовного наказания военными судами // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 168—172.
2. Заказнова А.Н., Моргуленко Е.А. Особенности детерминации насильственных преступлений против военной службы в условиях боевых действий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 250—255.
3. Лобов Я.В., Шарапов С.Н. Исполнение наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части (научно-практический комментарий к главе 20 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 108—116.
4. Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198.
5. Раков А.В. Применение военными судами уголовных наказаний в отношении военнослужащих : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 26 с.
6. Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208.
7. Харитонов В.С. О возможностях проявления вигилантизма в армии: нормативный и криминологический аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 11 (316). С. 126—128.

http://1vovs.hbr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=4;
http://files.sudrf.ru/1682/docum_sud/doc20211112-024233.pdf (дата обращения 28.02.2022).

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за

первое полугодие 2021 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 13.07.2021 г. № 17 / URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=305 (дата обращения 04.03.2022).

Additional punishment for a convict based on military judicial practice: problems of law enforcement

© **Rakov A.V.**,

candidate of legal sciences, associate professor
of the Military University

© **Kharitonov S.S.**,

candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article examines a number of law enforcement situations related to the appointment of additional punishment to convicts in connection with its motivation, legality and fairness.

Keywords: judicial practice of military courts, sentencing, additional punishment, criminal liability of military personnel.

For citation: Rakov A.V., Kharitonov S.S. Additional punishment for a convicted person based on Military judicial practice: Problems of Law enforcement // Military law. 2025. No. 5. pp. 105-110.

The article was received by the editorial office on August 27, 2025.

Уголовный процесс и криминалистика

О повышении уровня правовой защиты военнослужащих по уголовным делам

© Кириченко Николай Сергеевич,

юрист, кандидат юридических наук

© Попов Александр Александрович,

юрист, кандидат юридических наук

© Александрова Наталья Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент

кафедры кадрового, правового и

психологического обеспечения Академии

Государственной противопожарной

службы МЧС России

Аннотация. Обеспечение правовой защиты человека представляет собой важный и необходимый элемент, присущий правовому государству. При этом некоторым категориям государственных служащих, например, таким, как военнослужащие, деятельность которых связана с выполнением задач, сопряженных с риском для жизни и здоровья, правовая защита должна быть на более высоком уровне. Особенно это необходимо в случае возбуждения уголовного дела в отношении военнослужащего, если факт преступного деяния, в котором он подозревается, непосредственно сопряжен с выполняемыми им задачами (например, в спорной ситуации правомерности применения оружия при охране объекта). В данной статье рассмотрены предложения, направленные на повышение уровня правовой защиты военнослужащих в указанных ситуациях.

Ключевые слова: военная служба, правовая защита, уголовно-правовая защита, защита военнослужащих.

Для цитирования: Кириченко Н.С., Попов А.А., Александрова Н.Г. О повышении уровня правовой защиты военнослужащих по уголовным делам // Военное право. 2025. № 5. С. 111—115.

Статья поступила в редакцию 30 июня 2025 г.

Одной из важных и актуальных тем в настоящее время остается вопрос обеспечения правовой защиты гражданина и человека. Интерес к данной теме не снижа-

ется, о чем свидетельствует большое количество научных работ отечественных ученых¹.

¹ См. напр.: Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49—56; Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 113—121; Кудашкин А.В., Потапова Н.Д., Потапов А.В. К вопросу о правовом статусе лиц, направленных для обеспечения решения задач в ходе специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 2 (319). С. 121—128; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность

граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54; Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 153; Спирин Н.Д. Совершенствование правового регулирования денежной выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (членам их семей) // Военное право. 2025. № 1 (89). С. 87—93; Иванов В.Ю. Осведомленность о содержании военно-социального законодательства как гарантия социальной защищенности участников специальной военной операции и их семей // Военное право. 2025. № 2 (90). С. 226—230.

Гарантии правовой защиты человека в России закреплены Конституцией Российской Федерации. Например, согласно ст. 48 каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Также важным аспектом данной темы является правовая защита отдельных категорий граждан, имеющих определенную профессиональную принадлежность, например, военнослужащих.

В соответствии с положениями ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации. Правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации. Реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возлагается на органы государственной власти, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления, федеральные суды общей юрисдикции, правоохранительные органы в пределах их полномочий, а также является обязанностью командиров (начальников). Реализации прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей

в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации могут также содействовать общественные объединения.

В воинских частях (организациях) вопросами обеспечения правовой защиты военнослужащих и членов их семей преимущественно занимаются должностные лица правовых подразделений. Например, согласно п. 67 Наставления по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 декабря 2015 г. № 717, юридическое консультирование по вопросам, возникающим в деятельности должностных лиц воинской части, возлагается на подразделения (должностных лиц) юридической службы. Консультирование осуществляется в ходе подготовки личного приема соответствующих командиров и начальников, при опросе военнослужащих во время инспектирования (проверки) войск, в часы работы нештатной юридической консультации гарнизона, при проведении занятий и бесед по правовой тематике, а также в другое время.

Кроме этого, обязанность должностных лиц правовых подразделений консультировать личный состав войск национальной гвардии Российской Федерации установлена Наставлением по правовой работе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденным приказом Росгвардии от 8 декабря 2017 г. № 524.

При этом возникают ситуации, когда военнослужащим требуется особая правовая помощь, консультирование и даже защита. Речь идет о случаях возбуждения уголовного дела в отношении военнослужащего.

Зачастую командование воинской части придерживается позиции о необходимости защиты интересов подчиненного военнослужащего, в отношении которого возбуждено уголовное дело. Например, такие ситуации происходили в период выполнения задач в условиях вооруженного конфликта в ходе контртеррористических

операций на территории Северо-Кавказского региона. В некоторой степени это были спорные ситуации, связанные с применением военными оружием.

В соответствии с положениями ст. 244 УПК РФ в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п. 1—6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства.

Право подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу на защиту также закреплено УПК РФ (ст. 46 и 47). Исходя из положений ст. 49 УПК РФ защитник — это лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников участвуют адвокаты.

Мы не подвергаем сомнению квалификацию и опыт адвокатов, представляющих интересы военнослужащих по уголовным делам, однако нередко возникают ситуации, когда должностное лицо правового подразделения воинской части (организации) имеет больше специальных знаний и опыта в области военного права, а также в вопросах, подлежащих рассмотрению в ходе уголовного дела. При этом может возникнуть необходимость в применении таких знаний на конкретном следственном действии с участием подозреваемого (обвиняемого) военнослужащего, как говорится, «здесь и сейчас». Ведь известно, что иногда следователи назначают военно-уставную экспертизу, когда требуются разъяснение вопросов, вытекающих из специфики законодательства в сфере военного права¹. Кроме этого, зачастую командир (начальник) воинской части (организации) имеет больше заинтересованности защитить своего подчиненного,

так как возбуждение уголовного дела, это «не очень хорошо» для воинской части и оказание помощи боевому товарищу — это дело офицерской чести!

При этом согласно ст. 6 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» воздействие в какой-либо форме федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, иных органов, средств массовой информации, их представителей, а также должностных лиц на сотрудника Следственного комитета в целях оказания влияния на принимаемое им процессуальное решение или воспрепятствования в какой-либо форме его процессуальной деятельности влечет за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации. Сотрудники Следственного комитета не обязаны давать какие-либо объяснения по существу находящихся в их производстве дел и материалов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Дела и материалы Следственного комитета, в том числе затрагивающие права и свободы человека и гражданина, предоставляются для ознакомления в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации. Данные проверок и предварительного расследования, проводимых Следственным комитетом, могут быть преданы гласности лишь с разрешения сотрудника Следственного комитета в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, командование воинской части (организации) и его должностные лица не имеют процессуального права участвовать в рассмотрении уголовного дела и оказывать помощь военнослужащему напрямую, все это возможно лишь через адвоката.

¹ Кириченко Н.С., Набиев А.С. О некоторых вопросах проведения военно-уставной экспертизы при производстве предварительного следствия по

уголовным делам в отношении военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8 (325). С. 86—89.

Тем не менее, на наш взгляд, выход из данной ситуации имеется.

Мы возвращаемся к ранее рассмотренной ст. 49 УПК РФ, согласно положениям которой, как было указано, в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мировой судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

Из указанных положений следует, что иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, может быть допущено в качестве защитника на стадии рассмотрения дела в суде. Полагаем, что целесообразно внести изменения в УПК РФ, допускающие возможность участие «иных лиц» наряду с адвокатом на любой стадии предварительного расследования. Либо предлагается рассмотреть вопрос о предоставлении такого права участия в рассмотрении уголовного дела только представителям военных и силовых ведомств.

По нашему мнению, такие изменения никакого вреда качеству производства предварительного расследования не принесут, а наоборот, будут способствовать усилению правовой защиты военнослужащих.

Библиография

1. Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49—56.
2. Иванов В.Ю. Осведомленность о содержании военно-социального законодательства как гарантия социальной защищенности участников специальной военной операции и их семей // Военное право. 2025. № 2 (90). С. 226—230.
3. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Богданов С.Л. Юридическая ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях // Военное право. 2024. № 1 (83). С. 49—54.
4. Кириченко Н.С., Набиев А.С. О некоторых вопросах проведения военно-уставной экспертизы при производстве предварительного следствия по уголовным делам в отношении военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8 (325). С. 86—89.
5. Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 113—121.
6. Кудашкин А.В., Потапова Н.Д., Потапов А.В. К вопросу о правовом статусе лиц, направленных для обеспечения решения задач в ходе специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 2 (319). С. 121—128.
7. Смирнов Д.В., Харитонов С.С. Практика применения военными судами уголовного законодательства при назначении наказания // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 153—157.
8. Спирин Н.Д. Совершенствование правового регулирования денежной выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (членам их семей) // Военное право. 2025. № 1 (89). С. 87—93.

On Increasing the Level of Legal Protection for Military Personnel in Criminal Cases

© Kirichenko N. S.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Popov A. A.,

Lawyer, Candidate of Legal Sciences

© Alexandrova N. G.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia of the Russian Federation

Abstract. Ensuring legal protection for individuals is an important and necessary element of a legal state. However, certain categories of public servants, such as military personnel, whose activities involve risks to life and health, require a high level of legal protection. This is particularly important when a criminal case is initiated against a military personnel, as the alleged criminal act may be directly related to their duties (for example, in cases where the use of weapons is disputed during the protection of an object). This article will discuss proposals aimed at improving the legal protection of military personnel in these situations.

Keywords: military service, legal protection, criminal law protection, protection of military personnel.

For citation: Kirichenko N.S., Popov A.A., Alexandrova N.G. On Increasing the level of legal protection of Military personnel in criminal Cases // Military law. 2025. No. 5. pp. 111-115.

The article was received by the editorial office on June 30, 2025.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

Типология зарубежной военной уголовной юстиции

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры организации судебной и
правоохранительной деятельности
Российского государственного
университета правосудия имени В.М.
Лебедева; старший научный сотрудник
Военного университета Министерства
обороны Российской Федерации имени
князя Александра Невского

Аннотация. В статье обосновывается авторская дифференциация военной уголовной юстиции иностранных государств, которая не имеет в избранных подходах и предложенных решениях аналогов в современной отечественной и зарубежной юридической науке. С помощью избранного метода систематизации знаний, информация по зарубежной военной уголовной юстиции организована в систему из трех соподчиненных классов и четырех групп, между которыми страны, чьи войска расположены на европейском театре военных действий, распределены на основании способа организации и функционирования военно-судебных органов в мирное и военное время. В результате выявлена стойкая тенденция увеличения числа стран, в которых военные суды (трибуналы) упразднены, а уголовные дела в отношении военнослужащих рассматриваются судами общей юрисдикции по единым для всех субъектов правоотношений процессуальным правилам или с незначительными особенностями.

Автор доказывает точку зрения, что процесс деградации зарубежной военной уголовной юстиции не является спонтанным, утверждает, что инструментом эрозии данного судоустройства феномена является судебная практика Европейского суда по правам человека и квалифицирует сущностью обнаруженного процесса устранение военнослужащих из числа субъектов, непосредственно участвующих в отправлении правосудия по делам членов военной корпорации, и ликвидацию самостоятельных систем военно-судебных органов родов войск и видов вооруженных сил.

В работе делается вывод, что опыт стран, сумевших сохранить рациональное отношение к месту и роли военно-судебных органов в системе обеспечения национальной безопасности, может быть использован для совершенствования судебной системы Российской Федерации в особые периоды.

Ключевые слова: военная уголовная юстиция, суды ad hoc, особые периоды, судоустройство военного времени, военные суды Польши, варианты организации судебных систем, деградация военно-судебных органов в Европе, Европейский суд по правам человека.

Для цитирования: Аулов В.К. Типология зарубежной военной уголовной юстиции // Военное право. 2025. № 5. С. 116—126.

Статья поступила в редакцию 11 августа 2025 г.

Общую типологию судебных органов зарубежной военной уголовной юстиции стран, чьи войска расположены на европейском театре военных действий, можно непротиворечиво свести в три класса.

Первый: военные суды ad hoc созывают всякий раз командиры (начальники) для рассмотрения конкретного дела по первой инстанции. Вышестоящие инстанции, которые рассматривают жалобы на

решения судов *ad hoc*, представлены постоянно действующими апелляционными судами. Страна: США¹.

Второй: военные суды *ad hoc* уже не созываются, но при этом институционально обособленные военно-судебные органы не сформированы. Уголовные дела в мирное и военное время рассматривает состав военного суда, способ формирования которого похож на создание судов *ad hoc*, однако само уголовное дело инициируется не командиром (начальником), а независимой от суда стороной обвинения. Апелляционная инстанция, объявленная самостоятельным постоянно действующим судом, таковым не является: ее состав по конкретному делу формируется из судей иных судебных органов. Страна: Великобритания².

Третий класс: уголовные дела в отношении военнослужащих рассматриваются судами, действующими на постоянной основе. В свою очередь, страны с судами, действующими на постоянной основе, по критерию способа организации и функционирования военно-судебных органов в мирное и военное время подразделяются на четыре группы.

Первая группа: государства, где в мирное и военное время постоянно действуют институционально обособленные военные суды (трибуналы). Страны: Польша³, Швейцария⁴, Италия⁵.

Вторая группа: страны, где военные суды (трибуналы) упразднены, а в мирное время дела в отношении военнослужащих рассматривают специализированные суды общей юрисдикции (специализированные составы или отделы таких судов). В военное время правосудие в отношении военнослужащих осуществляют военные суды (трибуналы), создаваемые по отличному от ординарных судов принципу. Страны: Нидерланды⁶, Португалия⁷.

Третья группа: страны, в которых военные суды (трибуналы) упразднены, а дела в отношении военнослужащих рассматривают по единым процессуальным правилам суды общей юрисдикции в мирное и военное время. В военное время развертывание военных судов (трибуналов) не предусмотрено. Страны: Дания⁸, Чехия⁹, Словакия¹⁰, Украина¹¹. К этой группе относится и Белоруссия, где военные суды упразднены в 2013 г.¹².

¹ The Uniform Code of Military Justice [Электронный ресурс] URL: <https://ucmj.us/> (дата обращения 13.07.2025).

² Armed Forces Act 2006 | UK Legislation [Электронный ресурс] URL: <https://uk-legislation.com/armed-forces-act-2006> (дата обращения 30.07.2025). Закон вступил в силу 31 октября 2009 г.

³ Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 r. – Prawo o ustroju sądów wojskowych | Dlajurysty.PL [Электронный ресурс] URL: <https://dlajurysty.pl/prawo/art/pusw> (дата обращения 13.07.2025).

⁴ SR 322.1 - Militärstrafprozess vom 23. März 1979... | Fedlex [Электронный ресурс] URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1979/1059_1059_1059/de#art_14 (дата обращения 26.07.2025).

⁵ Некрасов Ф.О. Развитие и современное состояние военных судов Италии // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 10-1. С. 215—225.

⁶ Mobiele Rechtbank maakt ‘doorstart’ | 01 | Defensiekrant [Электронный ресурс] URL: https://magazines.defensie.nl/defensiekrant/2022/26/01_mobiele-rechtbank_26 (дата обращения 18.07.2025).

⁷ Ч. 3 ст. 211, ст. 23 Constitution of the Republic of Portugal, 1976 | Wikisource [Электронный ресурс]

URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Republic_of_Portugal,_1976 (дата обращения 31.07.2025).

⁸ § 61 Конституции Дании (Danmarks Riges Grundlov (Grundloven). См.: Grundloven | Retsinformation.dk [Электронный ресурс] URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1953/169> (дата обращения 16.07.2025).

⁹ Soudy v Česku | Wikipedia [Электронный ресурс] URL: https://cs.wikipedia.org/wiki/Soudy_v_%C4%8Cesku (дата обращения 13.07.2025).

¹⁰ Oborožene sile Slovaške republike | Wikipedia [Электронный ресурс] URL: https://sk.wikipedia.org/wiki/Ozbrojen%C3%A9_sily_Slovenskej_republiky#cite_note-17 (дата обращения 13.07.2025).

¹¹ Военные апелляционные и военные местные суды ликвидированы Указом Президента Украины от 14 сентября 2010 г. № 900/2010 «О ликвидации военных апелляционных и военных местных судов».

¹² Дэкрэт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь 29 лістапада 2013 г. № 6 «Аб удасканаленні судовай сістэмы Рэспублікі Беларусь» | Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd13000>

Четвертая группа стран: Австрия¹, Бельгия², Испания³, Литва⁴, Латвия⁵, Норвегия⁶, Словения⁷, Франция⁸, ФРГ⁹, Швеция¹⁰, Эстония¹¹. Военные суды (трибуналы) в этих государствах упразднены на мирное время или вообще не создавались. Дела в отношении военнослужащих в мирное время по единым процессуальным правилам рассматривают суды общей юрисдикции. В особые периоды военные суд (трибуналы) могут быть развернуты (созданы) по штату военного времени.

Необходимо оговориться, что авторское распределение по группам и классам, как и любая классификация, достаточно условно. Например, во Франции с 2012 г., после роспуска Tribunal aux armées de Paris (военный суд Парижа), в мирное время уголовные дела о преступлениях, совершенных за пределами территории военнослужащими французских воору-

женных сил или против них рассматриваются Le tribunal judiciaire de Paris — специализированным, как принято считать во французской правовой доктрине, составом суда общей юрисдикции. Еще девять «специализированных» судебных органов общей юрисдикции рассматривают уголовные дела в отношении военнослужащих при совершении ими преступлений внутри страны и уголовные дела, где военнослужащие являются потерпевшими¹². Казалось бы, Франция относится к третьей группе стран, но французское законодательство предусматривает создание военно-судебных органов на время войны и других чрезвычайных ситуаций.

Включение в какую-либо группу осложнено тем, что так называемая «специализация» судебных органов в Европе проявляет себя в основном субъектным признаком сторон по делу. С точки зрения

06 (дата обращения 13.07.2025).

¹ Статья 84 Bundes-Verfassungsgesetz der Republik Österreich (geltende Fassung) | Verfassungen in Österreich [Электронный ресурс] URL: <https://verfassungen.at/indexheute.htm> (дата обращения 28.07.2025).

² Article 157 Belgium 1831 (rev. 2014) Constitution | Constitute [Электронный ресурс] URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Belgium_2014 (дата обращения 16.07.2025).

³ Subsection 5 section 117 Constitución Española | Senado de España [Электронный ресурс] URL: <https://www.senado.es/web/conocersenado/normas/constitucion/detalleconstitucioncompleta/index.html#t5> (дата обращения 17.07.2025).

⁴ Конституция Литовской Республики. Глава 9 — Суд | Wikisource [Электронный ресурс] URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Lithuania#CHAPTER_9_%E2%88%92_THE_COURT (дата обращения 14.07.2025).

⁵ Согласно ст. 86 Конституции Латвийской Республики военные суды в Латвии создаются на основании отдельного закона. Сведения о принятии такого закона не обнаружены. См.: Latvijas prezidents | Конституция [Электронный ресурс] URL: <https://web.archive.org/web/20190121233129/https://www.president.lv/ru/latviiskaya-respublika/konstituciya-latvii>

⁶ United Nations Peacekeeping | [Электронный ресурс] URL: <https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/norway-fact-sheet.pdf> (дата обращения 31.07.2025).

⁷ Člen 126 Ustava Republike Slovenije | Wikivir

[Электронный ресурс] URL: https://sl.wikisource.org/wiki/Ustava_Republike_Slovenije (дата обращения 16.07.2025).

⁸ Статьи L1-L3, L111-1, L112-1, L112-3 Code de justice militaire (nouveau) | Légifrance [Электронный ресурс] URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/legiOrKali?id=LE-GITEXT000006071360.pdf&size=348,7%20Ko&pathToFile=/LEGI/TEXT/00/00/06/07/13/60/LE-GITEXT000006071360/LE-GITEXT000006071360.pdf&title=Code%20de%20justice%20militaire%20\(nouveau\)](https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/legiOrKali?id=LE-GITEXT000006071360.pdf&size=348,7%20Ko&pathToFile=/LEGI/TEXT/00/00/06/07/13/60/LE-GITEXT000006071360/LE-GITEXT000006071360.pdf&title=Code%20de%20justice%20militaire%20(nouveau)) (дата обращения 20.07.2025). Подробнее см.: Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции. М., 2016. С. 69.

⁹ Ч. 2 ст. 96*(103) Основного закона ФРГ | Legal NS [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения 14.07.2025).

¹⁰ Militär rättegångslag (1948:472) | Lagen.nu [Электронный ресурс] URL: <https://lagen.nu/1948:472> (дата обращения 31.07.2025).

¹¹ Параграф 148 Конституции Эстонской Республики | Riigi Teataja [Электронный ресурс] URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/530102013003/consolide> (дата обращения 14.07.2025).

¹² Décret n° 82-1120 du 23 décembre 1982 fixant la liste et le ressort des juridictions compétentes pour connaître des infractions en matière militaire et de sûreté de l'Etat — Légifrance | Journal officiel de la République française [Электронный ресурс] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT00000518314> (дата обращения 12.07.2025).

отечественной системы правовых координат, одного этого факта недостаточно для квалификации судебного органа в качестве «специализированного». Например, Суд по интеллектуальным правам позиционируется в России специализированным не просто по причине концентрации в его производстве споров определенной категории, но и поскольку этот судебный орган, как исключение из общего порядка обжалования, в качестве суда кассационной инстанции рассматривает дела, разрешенные им по первой инстанции.

Анализ судоустройства иностранных государств обнаруживает стойкую тенденцию увеличения числа стран, в которых военные суды (трибуналы) упразднены, а уголовные дела в отношении военнослужащих рассматриваются судами общей юрисдикции по единым для всех субъектов правоотношений процессуальным правилам или с незначительными особенностями.

Вывод сделан на основе сравнения численных показателей в обозначенных выше группах с информацией из доклада «Судебное разбирательство в военных судах» Руководящего комитета по правам человека Совета Европы (CDDH) за 2003 г.¹ В документе использовано построение типологизации систем военной юстиции 60 государств по критерию континуальности функционирования военных судов в мирное и военное время. К первому типу отнесены системы стран, в которых «военные суды функционируют на постоянной основе, как в мирное время, так и во время военных действий, как на территории государства, так и за пределами его

территории, например на военных базах за пределами страны»; ко второму — системы государств, где существует «смешанная юрисдикция», то есть военные суды функционируют на постоянной основе, но не как самостоятельный судебный орган, а как специализированная палата (отдел), при «общих гражданских судах». К третьему типу отнесены системы военной юстиции государств, где военные суды начинают осуществлять правосудие только во время войны².

В целом содержательность и полнота классификации систем военной уголовной юстиции западными исследователями не всегда безупречна. Применяемые познавательные приемы зачастую бывают идеологизированы. Например, в 1979 г. John Gilissen в основу классификации систем военной уголовной юстиции положил явно неоднородные признаки³. Он объединил массив данных в две эквивалентные группы: систем общего и римского права, выделив при этом в качестве третьей самостоятельной группы систему на основе «социалистического права». Между тем «социалистическое право» большей частью оценивается вариантом романо-германской правовой семьи: из римского права правовые системы социалистического типа заимствовали терминологию юридической науки, законодательную технику, деление права на отрасли, кодифицированное законодательство и т.д.⁴

После распада Союза ССР в англоязычных источниках классификация военной уголовной юстиции осуществляется,

¹ Comité Directeur pour les Droits de l'Homme. Contribution à l'exercice de "monitoring" du Comité des Ministres: Procédures Judiciaires devant les Tribunaux Militaires. CDDH(2003)018 addendum III. Strasbourg, le 30 juin 2003. 79 p. URL: <https://rm.coe.int/09000016804600ef> (дата обращения 21.07.2025).

² Kaplina O.V. Military justice in the focus of the European Court of Human Rights // Scientific Journal of Public and Private Law. January 2022. С.181—191.

³ John Gilissen, "Evolution actuelle de la justice militaire — Rapport général", in Huitième Congrès International, Ankara, 11—15 octobre 1979, L'Evolution actuelle de la justice militaire, Recueils de la Société

internationale de droit pénal militaire et de droit de la guerre, VIII, Volume 1, Brussels, 1981, p.48. Цит. по Federico Andreu — Guzmán. Military Jurisdiction and National Law. 2004. International commission of jurists. P. 154.

⁴ Гааг Л.В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 32—40; Мхитарян Л.Ю. Социалистическая правовая семья: компаративистский анализ // Пермский юридический альманах. 2023. С. 48—53; Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс-Клувер, 2009. С. 109.

как правило, через призму так называемых демократических ценностей — по критерию «способности военных судов служить инструментом репрессий против гражданского населения»¹. Отсюда некоторая неконкретность классификации на системы военной уголовной юстиции малых стран традиционной демократии (Бельгия, Дания, Люксембург и Нидерланды), крупных традиционных демократий (Франция, Великобритания), «поставторитарных» демократий (Германия, Италия, Польша, Испания)².

Доведенный до своего логического завершения, подобный подход к выбору критериев членения систем военной уголовной юстиции привел западных исследователей к делению этого понятия на системы «полностью цивилизованных государств» (военные суды в мирное время не функционируют) и «частично цивилизованных» стран («гибридная система военной юстиции, в которой компетенции военных судов и гражданских судов пересекаются в зависимости от многих факторов»). В третьей группе систем стран, которые тактично обозначены как «чисто военные», «военное правосудие действует в рамках отдельной судебной системы с судьями в форме и исключительной компетенцией рассматривать военные дела в мирное или военное время»³.

Сопоставление подходов к классификации судебных органов военной уголовной юстиции позволяет выявить ряд обстоятельств.

Первое: процесс деградации зарубежной военной уголовной юстиции не является спонтанным. Существенные усилия в этом направлении приложили, как они сами об этом заявляют, International Society for Military Law and the Law of War (Международное общество военного права и права войны), Finabel (Организация командующих сухопутными войсками Европы), International Commission of Jurists (Международная комиссия юристов), а также Geneva Centre for Security Sector Governance (DCAF) (Женевский центр по управлению сектором безопасности)⁴.

Второе: инструментом эрозии военной уголовной юстиции является судебная практика Европейского суда по правам человека.

Третье: сущность указанного процесса состоит в устранении военнослужащих из числа субъектов, непосредственно участвующих в отправлении правосудия по делам членов военной корпорации, и ликвидация самостоятельных систем военно-судебных органов родов войск и видов вооруженных сил.

Четвертое обстоятельство: в своем большинстве деструкция военной уголовной юстиции наиболее явно проявляется в странах с европейско-континентальным типом судостроительства.

Пионером демилитаризации военной уголовной юстиции в Европе является Дания. В этой стране военные суды были

¹ Brett J. Kyle, Andrew G. Reiter. *Military Courts, Civil-Military Relations, and the Legal Battle for Democracy*. Routledge. 2021. p.252.

² Nolte G. and Krieger H. (2003), *European Military Law Systems*, De Gruyter Recht, Berlin. p. 908. Цитируется по: *The role of military courts across Europe a comparative understanding of military justice systems* | Finabel [Электронный ресурс] URL: <file:///C:/Users/Home/Downloads/20.-The-role-of-Military-Courts-across-Europ.pdf> (дата обращения 18.07.2025).

³ Gwenaël Guyon, Jean-Paul Laborde, Stéphane Baudens. *Military Justice. Introduction. Contemporary challenges, History and Comparison* (1st International Military Justice Forum, Paris, 18-19 November 2021). p.10-11. [Электронный ресурс] URL:

https://www.researchgate.net/publication/371011180_Book_-_Military_Justice_Contemporary_challenges_History_and_Comparison (дата обращения 18.07.2025).

⁴ International Society for Military Law and Law of War | официальный сайт [Электронный ресурс] URL: <https://www.ismlw.org/about-us/> (дата обращения 12.07.2025); The European Land Force Commanders Organisation | Finabel [Электронный ресурс] URL: <https://finabel.org/> (дата обращения 18.07.2025); Military court | International Commission of Jurists [Электронный ресурс] URL: <https://www.icj.org/?s=military+court> (дата обращения 24.07.2025); Home | DCAF – Geneva Centre for Security Sector Governance [Электронный ресурс] URL: dcaf.ch (дата обращения 23.07.2025).

упразднены в 1919 г.¹ В настоящее время военная уголовная юстиция в Дании представлена Военной прокуратурой (подчиняется Министру обороны), которая является единственным органом, расследующим уголовные дела в отношении военнослужащих. Рассмотрение уголовных дел судами Дании осуществляется по единообразной процедуре для обвиняемых всех категорий². Но по-настоящему процесс деструкции систем военной юстиции европейских стран был развернут после распада Союза ССР. В Нидерландах военные суды распущены в 1991 г., в Чехии упразднены в 1993 г., в Бельгии (на мирное время) — с 2004 г., в Словакии — в 2009 г., на Украине — в 2010 г. Там, где полностью ликвидировать военные суды оказалось невозможным, влияние военнослужащих на исход дела минимизировано разными способами.

Исключением являются две европейские страны: Великобритания и Польша. Обе страны подвергались критике по поводу того влияния, которое командиры (начальники) могут оказывать на результат рассмотрения конкретного уголовного дела, участвуя в процедуре наделения судей полномочиями или непосредственно формируя состав суда³.

Обеим странам удалось сохранить рациональное отношение к месту и роли военно-судебных органов в системе обеспечения национальной безопасности. Опыт

Великобритании, в силу специфики государственно-правового устройства и особенностей организации вооруженных сил, ограничен. Он не может быть востребован и воспроизведен, как и способы, с помощью которых монархии удалось оставить за командованием решающую роль в судопроизводстве по уголовным делам в отношении военнослужащих, задекларировав при этом отказ от военных судов *ad hoc*, но так и не создав систему институционально обособленных и постоянно действующих военно-судебных органов.

Практика Польши интересна тем, что страна развивает «позднесоветские» версии юридической конструкции системы военно-судебных органов и судопроизводства по уголовным делам в отношении военнослужащих. Иначе говоря, в Польше сохраняется трехзвенное построение системы военных судов, военно-судебные органы в мирное и военное время функционируют по единым стандартам, а их структура соответствует предназначению, структуре, боевому составу и численности войск.

Низшим звеном являются гарнизонные военные суды, второй инстанцией — окружные военные суды⁴. Рассмотрение дел по первой инстанции в Польше осуществляется профессиональными судьями, проходящими военную службу на офицерских должностях, и народными заседателями из числа военнослужащих⁵.

¹ The Danish Military Justice System. P. 09. | The Danish Ministry of Defense. Military Prosecution service [Электронный ресурс] URL: [blob:https://neuro.translate.yandex.ru/fd1289a1-396b-499b-822e-720e88023558](https://neuro.translate.yandex.ru/fd1289a1-396b-499b-822e-720e88023558) (дата обращения 20.07.2025).

² Militær retsplejelov LOV nr 531 af 24/06/2005 | Retsinformation.dk [Электронный ресурс] URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/2005/531> (дата обращения 20.07.2025).

³ Претензии к Польше см.: Joint urgent Opinion no.977/2019 of the Venice Commission and the Directorate General of Human Rights and Rule of Law (DGI) of the Council of Europe on Amendments to the Law on the Common Courts, the Law on the Supreme Court, and some other laws. CDL-PI(2020)002. Strasbourg, 16 January 2020 | Archiwum Osiatynskiego [Электронный ресурс] URL: [Komisja-Wenecka-Opinion-No-977-2019.pdf](https://www.komisja-wenecka.europa.eu/Opinion-No-977-2019.pdf) (дата обращения 31.07.2025); Претензии к Великобритании см.: Findlay v. The United Kingdom | The European Court of Human Rights [Электронный ресурс] URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-58016%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-58016%22]%7D) (дата обращения 30.07.2025); Steel and Morris v. The United Kingdom | ECHR [Электронный ресурс] URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2015/07/CASE-OF-STEEL-AND-MORRIS-v.-THE-UNITED-KINGDOM.pdf> (дата обращения 30.07.2025); Cooper v The United Kingdom | Swarb.co.uk [Электронный ресурс] URL: <https://swarb.co.uk/cooper-v-the-united-kingdom-echr-16-dec-2003/> (дата обращения 26.07.2025).

⁴ Имеются в виду судебные округа.

⁵ Присяжными заседателями по польской терминологии.

Верховный суд Польши (Sąd Najwyższy Rzeczypospolitej Polskiej) в лице Военной коллегии осуществляет надзор за судебной деятельностью военно-судебных органов и законностью вынесенных ими судебных актов¹. Все девять судей этого структурного подразделения Верховного суда Польши действующими военнослужащими не являются. В то же время, больше половины судей из состава коллегии должны обладать опытом военной службы². Помимо Верховного Суда, надзорными функциями в сфере организации и административной деятельности военных судов наделены Министр юстиции и Министр национальной обороны, чьи полномочия закреплены в Законе Польши от 21 августа 1997 года «О системе военных судов» (далее — Закон о системе)³.

Министр национальной обороны (Ministrem Obrony Narodowej) надзирает за соблюдением порядка прохождения военной службы судьями военных судов и другими «профессиональными солдатами» (żołnierzy zawodowych), проходящими по контракту военную службу в секретариате судов⁴. Данное должностное лицо согласовывает назначение и лишение судейских полномочий председателей и заместителей председателей окружных и гарнизонных военных судов; в день назначения Президентом Республики Польша кандидата на должность судьи издает приказ о зачислении судьи на военную службу⁵. По согласованию с Министром обороны Министр юстиции утверждает образец официальной одежды судей и народных заседателей⁶.

Именно Министр национальной обороны, с учетом потребностей Вооруженных сил в случае объявления мобилизации и во время войны, по согласованию с

Министром юстиции и после консультации с Национальным судебным советом (Krajowej Radzie Sądownictwa) создает и упраздняет военные суды, определяет места их дислокации и территориальную юрисдикцию⁷. Руководитель военного ведомства также определяет правила выборов и увольнения народных заседателей, порядок проведения собраний военнослужащих по этим вопросам (статья 64 Закона о системе)⁸.

Согласование Министра национальной обороны требуется для решений относительно предельной штатной численности военных судей, структуры конкретных военно-судебных органов, правил поведения и внутреннего распорядка в военных судах, порядка хранения, уничтожения и передачи в соответствующие архивы судебных дел.

Поскольку военные суды финансируются за счет бюджетных средств Министерства национальной обороны, Министр по согласованию с министрами юстиции и финансов определяет для военных судов порядок финансового планирования, расходования бюджетных средств и отчетности по результатам их использования. Бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств системы военных судов указываются в бюджетной росписи военного ведомства отдельной строкой и не могут быть уменьшены решениями Министра. Главным распорядителем бюджетных средств являются председатели военных судов, которые разрабатывают финансовые планы руководимых ими судебных органов. Министр национальной обороны определяет требования

¹ Верховный суд Польши осуществляет надзор за судебной деятельностью и проверку в порядке апелляции и кассации законности судебных актов, вынесенных военными судами.

² Параграф 2 ст. 28 Ustawa z dnia 23 listopada 2002 r. o Sądzie Najwyższym karnego | LexLege.pl [Электронный ресурс] URL: <https://lexlege.pl/ustawa-osadzie-najwyzszym/> (дата обращения 20.07.2025).

³ Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 r. Prawo o ustroju

sądów wojskowych | Standardy Prawa [Электронный ресурс] URL: <https://standardyprawa.pl/akt/171> (дата обращения 16.07.2025).

⁴ Статья 5 Закона о системе.

⁵ Параграфы 3,5,6 и 6а ст. 11 Закона о системе.

⁶ Параграф 2 ст. 25 Закона о системе.

⁷ Параграф 3 ст. 3 Закона о системе

⁸ По согласованию с Министром юстиции

к установлению и выплате вознаграждения судьям военных судов в отставке¹. Выплата такого вознаграждения осуществляется «военным пенсионным органом»².

Важным индикатором самостоятельности и способности военно-судебной системы выполнять стоящие перед ней задачи в условиях быстро меняющейся обстановки являются полномочия Министра санкционировать направление судьи военного суда в любой другой суд общей юрисдикции для осуществления правосудия и в Министерство юстиции для «выполнения административных действий»³. Так, судьи окружных военных судов могут привлекаться к осуществлению правосудия в Верховном суде или Высшем административном суде Польши по ходатайству председателей данных судов. В таком же порядке осуществляется откомандирование судей гарнизонных военных судов на должности помощников судей Верховного суда Польши⁴. Согласие Министра обороны необходимо на откомандирование Министром юстиции судьи военного суда для выполнения мероприятий за рубежом в соответствии с международными договорами⁵.

На время мероприятий боевой подготовки Министр национальной обороны по согласованию с Министром юстиции может поручить временное исполнение обязанностей судьи любого военного суда офицеру запаса, который наделен полномочиями судьи суда общей юрисдикции и призван из резерва на военные сборы⁶. При необходимости маневр силами может

осуществить и председатель военного окружного суда. Это должностное лицо с согласия коллегии возглавляемого им суда обладает правомочием откомандировать судью для осуществления правосудия в другой гарнизонный суд того же округа⁷.

Требования к кандидатам на должность судьи военного суда включают, помимо польского гражданства, отсутствие судимости по делу публичного обвинения за совершение умышленного преступления и безупречные характеристики. Кандидат должен достичь возраста 29 лет, сдать экзамен на судью или прокурора, получить в Польше степень магистра права (или признанное Польшей профильное образование за границей), пройти доподготовку в Национальной школе судебной системы и прокуратуры⁸, куда зачисление производится по конкурсу, либо иметь трехлетний стаж работы на должностях прокурорских работников⁹.

Назначение на должности военных судей в конкретный военно-судебный орган производится Президентом Республики Польша, которому назначенный судья приносит присягу. Претенденты на должности судей выдвигают свои кандидатуры в инициативном порядке. Министр юстиции организывает первичную проверку представленных документов, сообщает данные кандидата Министру обороны и запрашивает мнение о кандидате соответствующей Коллегии военного окружного суда (*Kolegium wojskowego sądu okręgowego*). Позиция Коллегии военного окружного суда по

¹ По согласованию с Министром юстиции (параграф 4 статьи 36а Закона о системе).

² Параграф 2 ст. 36а Закона о системе.

³ На срок не более трех месяцев в календарном году. С согласия судьи срок откомандирования может быть продлен § 3 ст. 26 Закона о системе.

⁴ Ustawa z dnia 23 listopada 2002 r. o Sądzie Najwyższym karnego | LexLege.pl [Электронный ресурс] URL: <https://lexlege.pl/ustawa-o-sadzie-najwyzszym/> (дата обращения 20.07.2025).

⁵ Параграф 1 ст. 26а Закона о системе.

⁶ Ст. 27 Закона о системе.

⁷ Параграф 2 ст. 26 Закона о системе.

⁸ Krajowej Szkole Sądownictwa i Prokuratury.

⁹ Ст. 22 Закона о системе. От сдачи судейского или

прокурорского экзамена и доподготовки освобождаются профессоры и доктора юридических наук в польских высших учебных заведениях, в Польской академии наук и в других научных и научно-исследовательских учреждениях, а также кандидаты, занимавшие ранее должности судей, прокуроров, заместителей прокуроров и их помощников. Помимо перечисленных лиц, не сдают судейский или прокурорский экзамен адвокаты, юрисконсультанты и нотариусы, которые осуществляли профессиональную деятельность не менее 3 лет. От сдачи экзамена и доподготовки освобождены лица, которые в течение того же периода занимали должности президента, вице-президента или советника Генеральной прокуратуры Республики Польша.

представленным персоналиям доводится до Собрания судей военных судов — еще одного органа судейского самоуправления (Zgromadzenie Sędziów Sądów Wojskowych). Собрание путем голосования оценивает кандидатуры и сообщает Министру юстиции о результатах голосования по всем претендентам. В свою очередь, Министр представляет всех кандидатов Национальному судебному совету (Krajowa Rada Sądownictwa), который принимает решение о представлении Президенту Республики Польша одного из кандидатов к назначению на должность.

К моменту представления кандидатов Национальному судебному совету кандидаты на должности судей военного суда должны пройти военную подготовку, сдать экзамен на офицера и заключить контракт о прохождении военной службы, который вступает в силу в день наделения судейскими полномочиями.

Прагматизм польского законодателя проявляется и в системе дисциплинарных взысканий, применяемых в отношении судей военных судов. Помимо объявления замечания или выговора, данная категория судей в дисциплинарном порядке может быть переведена без их согласия к новому месту службы в другой военный суд (для судей гарнизонных военных судов — в суд того же судебного округа). На срок от шести месяцев до двух лет судьям в диапазоне 5—20 % может быть снижено «основное вознаграждение судьи».

Особенности определения подсудности и процедуры рассмотрения уголовных дел в военных судах Польши прописаны в XV разделе УПК Польши (ст. 646—682 УПК)¹. Процедура по своим основным характеристикам совпадает с общими правилами рассмотрения уголовных дел в судах «общей юрисдикции» этой страны².

По первой инстанции дела рассматриваются военными окружными судами и гарнизонными судами в составе одного судьи и двух народных заседателей. По

решению председателя соответствующего суда в случае особой сложности дела или его важности рассмотрение дела осуществляется в составе трех профессиональных судей. По делам о преступлениях, за которые закон предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы, суд выносит решения в составе двух судей и трех народных заседателей.

Военному окружному суду по первой инстанции подсудны уголовные дела в отношении: военнослужащих в звании от майора и выше; дезертиров, пересекших государственную границу; подчиненных, совершивших насильственные действия в отношении начальника с применением оружия (безотносительно тяжести причиненного вреда); лиц гражданского персонала, совершивших преступления во время пребывания вооруженных сил Польши за границей государства (ст. 654 УПК Польши). К его юрисдикции отнесено также рассмотрение дел о преступлениях, совершенных в связи с исполнением служебных обязанностей военнослужащими и гражданским персоналом вооруженных сил иностранных государств, находящихся на территории Республики Польша.

В качестве суда второй инстанции окружной военный суд рассматривает в апелляционном порядке жалобы на решения и постановления, вынесенные по первой инстанции военным гарнизонным судом. Состав суда: три профессиональных судьи. При рассмотрении апелляции на приговор, предусматривающий пожизненное заключение, дело рассматривается в составе пяти судей.

Таким образом опыт функционирования военной уголовной юстиции Польши представляет ценный эмпирический материал, который может быть использован для совершенствования судебной системы Российской Федерации в особые периоды.

¹ Kodeks postępowania karnego | LexLege.pl [Электронный ресурс] URL: <https://lexlege.pl/kodeks-postepowania-karnego/> (дата обращения 19.07.2025).

² Исключениями из общего правила является запрет на рассмотрение дел в военных судах дел в порядке частного обвинения, ускоренное разбирательство и приказное производство (ст. 464 УПК).

Список источников

1. Барабанов П.К. Уголовный процесс Франции. Москва, 2016. 512 с.
2. Гааг Л.В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 32—40.
3. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Москва: Волтерс-Клувер, 2009. 529 с.
4. Мхитарян Л.Ю. Социалистическая правовая семья: компаративистский анализ // Пермский юридический альманах. 2023. С. 48—53.
5. Некрасов Ф.О. Развитие и современное состояние военных судов Италии // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 10-1. С. 215—225.
6. Brett J. Kyle, Andrew G. Reiter. Military Courts, Civil-Military Relations, and the Legal Battle for Democracy. Routledge. 2021. P.252.
7. Federico Andreu – Guzmán. Military Jurisdiction and National Law. 2004. International commission of jurists. P.154.
8. Gwenaël Guyon, Jean-Paul Laborde, Stéphane Baudens. Military Justice. Introduction. Contemporary challenges, History and Comparison (1st International Military Justice Forum, Paris, 18-19 November 2021). p.10—11.
9. John Gilissen, “Evolution actuelle de la justice militaire - Rapport général”, in Huitième Congrès International, Ankara, 11-15 octobre 1979.
10. Kaplina O.V. Military justice in the focus of the European Court of Human Rights // Scientific Journal of Public and Private Law. January 2022. С.181—191.
11. L’Evolution actuelle de la justice militaire, Recueils de la Société internationale de droit pénal militaire et de droit de la guerre, VIII, Volume 1, Brussels, 1981, p. 48.
12. Nolte G. and Krieger H. (2003), European Military Law Systems, De Gruyter Recht, Berlin. p. 908.

Typology of foreign military criminal justice

© Aulov V.K.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities at the Lebedev Russian State University of Justice, Senior Researcher at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article substantiates the author's differentiation of military criminal justice in foreign countries, which has no analogues in the chosen approaches and proposed solutions in modern domestic and foreign jurisprudence. Using the chosen method of systematization of knowledge, information on foreign military criminal justice is organized into a system of three subordinate classes and four groups, among which the countries whose troops are located in the European theater of military operations are distributed based on the way the military judicial authorities are organized and functioned in peacetime and wartime. As a result, there has been a steady increase in the number of countries in which military courts (tribunals) have been abolished, and criminal cases against military personnel are considered by courts of general jurisdiction according to the same procedural rules for all subjects of legal relations or with minor features.

The author proves the point of view that the process of degradation of foreign military criminal justice is not spontaneous, argues that the instrument of erosion of this judicial phenomenon is the judicial practice of the European Court of Human Rights, and the essence of the discovered process is the elimination of military personnel from among the subjects directly involved in the administration of justice for members of the military corporation, and the elimination of independent systems military judicial bodies of the armed forces and branches of the armed forces.

The paper concludes that the experience of countries that have managed to maintain a rational attitude to the place and role of military judicial authorities in the national security system can be used to improve the judicial system of the Russian Federation in special periods.

Keywords: military criminal justice, ad hoc courts, special periods, wartime judicial system, Polish military courts, organization options for judicial systems, degradation of military judicial bodies in Europe, European Court of Human Rights.

For citation: Aulov V.K. Typology of Foreign Military Criminal Justice // Military law. 2025. No. 5. Articles 116-126.

The article was received by the editorial office on August 11, 2025.

Проблема имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, в отечественное законодательство и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации

© Жевноватый Сергей Валерьевич,
соискатель 25 кафедры ФГКБОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. Обязанность выполнять предписания международно-правовых и военно-правовых норм, регулирующих вооруженные конфликты, лежит на соответствующих государствах. Государства должны принять целый ряд юридических и практических мер — как в мирное время, так и в ситуациях вооруженного конфликта, — направленных на обеспечение соблюдения этих норм в полном объеме. Выполнение норм международного гуманитарного права, регулирующего вооруженные конфликты на море, является крайне важным и необходимым, особенно на современном этапе, в эпоху глобальных конфликтов, нарастания противостояний между государствами, использования гибридных форм борьбы и прокси-сил. Термином «имплементация на национальном уровне» обозначаются все меры, которые должны быть приняты в целях обеспечения, применения и осуществления норм международного права на внутригосударственном уровне. Однако важно не просто применять эти нормы, когда начинаются боевые действия, а также применять и обеспечивать их надлежащее применение в мирное время. Эти меры необходимы для обеспечения того, чтобы: как гражданские лица, так и лица из состава вооруженных сил были знакомы с нормами международного права; нарушения международного гуманитарного права предотвращались, а виновные в их совершении привлекались к ответственности. В работе рассматривается порядок и механизмы имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, в национальное законодательство Российской Федерации в ракурсе обеспечения национальной безопасности страны. Представлены результаты изучения проблем осуществления и реализации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, на внутригосударственном уровне. Указывается необходимость обновления и совершенствования правовых механизмов имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, при применении их на внутригосударственном уровне.

Ключевые слова: вооруженные конфликты на море, международное право, военное право, вооруженный конфликт, осуществление, международное гуманитарное право, имплементация, национальные законодательства.

Для цитирования: Жевноватый С.В. Проблема имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, в отечественное законодательство и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2025. № 5. С. 127—138.

Статья поступила в редакцию 21 августа 2025 г.

Генезис становления и развития международно-правовых и внутригосударственных норм исторически показывает, что даже в самые сложные исторические периоды существовала необходимость и возможность согласования позиций различных государств по вопросу

формирования принципа воздержания от угрозы силой или ее применения, с одной стороны, и принципов регулирования вооруженного конфликта — с другой. Сегодня, на фоне серьезных противоречий между участниками современ-

ных политических отношений и вооруженных конфликтов существует необходимость придерживаться принципов и норм международного гуманитарного права, эти вопросы регулирующего.

Важнейшая задача права, как цивилизованного способа социальной регуляции, на современном этапе — объединить усилия всего мирового сообщества для обеспечения соблюдения действующих норм международного и внутригосударственного права и его прогрессивного развития.

При этом имплементация норм международного права в национальные законодательства является важнейшим инструментом его реализации государствами. В ракурсе имплементации целесообразно использовать компетенции национальных парламентов в целях объективной глобальной оценки существующих практических и правовых проблем современных вооруженных конфликтов и поиска путей их решения¹. В этой связи национальные парламенты несут особую ответственность в том, что касается имплементации норм международного права в национальное законодательство.

Необходимо комплексно проанализировать и сопоставить действующие нормы национального законодательства Российской Федерации, в которых имплементированы нормы международного права, регулирующие вооруженные конфликты на море², выявить существующие различия и имеющиеся правовые пробелы. Международное сотрудничество, в том числе международное военное сотрудничество государств, должно быть направлено на разработку единых (гармонизированных) подходов в рамках имплементации норм международного

права, регулирующих вооруженные конфликты на море, и усиление роли национальных законодателей в решении актуальных проблем, возникающих в связи с этими конфликтами, и выполнение норм международного права, имплементированных в национальные законодательства.

Позитивная деятельность каждого государства в целях развития международного права и имплементации его норм может открыть уникальные возможности для продвижения проблематики, целей и принципов международного права, регулирующего вооруженные конфликты на море, смягчения последствий войн для сторон и лиц, не являющихся комбатантами.

В ходе имплементации норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, в национальное законодательство Российской Федерации уже был принят целый ряд позитивных мер, например: 1) перевод документов международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, на русский язык; 2) широкое распространение знаний о нормах международного права, имплементированных в национальное законодательство Российской Федерации, как в вооруженных силах, так и среди населения в целом; 3) пресечение нарушения положений международного права, применимых в вооруженных конфликтах на море, и, в частности, принятие уголовного законодательства, предусматривающего наказания за совершение военных преступлений; 4) обеспечение того, чтобы лица, объекты и места, находящиеся под защитой права, были должным образом определены и обозначены; 5) принятие мер для предотвращения неправомерного использования красного креста и других

¹ Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М.: РГУП, 2022.

² Петров О.Ю. Современное состояние международно-правового регулирования военного мореплавания, направленного на предотвращение

опасной военно-морской деятельности государств, предупреждение инцидентов и происшествий, исключение вооруженных конфликтов на море (краткий анализ современных предпосылок к вооруженным конфликтам на море) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 69—82.

эмблем и знаков, предусмотренных международным гуманитарным правом; 6) обеспечение того, чтобы покровительствуемым лицам предоставлялись судебные и другие основные гарантии во время вооруженных конфликтов на море; 7) назначение и подготовка персонала в области международного гуманитарного права, в частности юридических советников в вооруженных силах; 8) запрет использования неразрешенных средств и методов ведения вооруженной борьбы на море; 9) предоставление возможностей для учреждения и функционирования национальных обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и других добровольных обществ по оказанию помощи; 9) принятие во внимание положений международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, при выборе мест расположения военных объектов и разработке и принятии на вооружение оружия; 10) организация санитарных, нейтрализованных и демилитаризованных зон.

Стоит отметить, что многие из этих мер до сих пор требуют принятия соответствующего законодательства или нормативных правовых актов на внутригосударственном уровне в Российской Федерации.

В глобальном мировом сообществе существуют разные методы и формы имплементации норм международного права на внутригосударственном уровне в национальное законодательство¹. В монистических государствах договоры, как правило, имеют прямое действие в национальном праве без специального имплементирующего законодательства. В качестве части процедуры присоединения к договору парламент страны принимает то, что называется «законом о ратификации» и издает приказ о его публикации в официальном правовом издании. Однако данный подход для обеспечения национальной безопасности не всегда является верным.

Связано это с тем, что зачастую, многие положения международных договоров, регулирующих вооруженные конфликты на море, требуют принятия чего-то большего, чем то, что обычно содержится в типовом законе о ратификации. Многие международные конвенции и договоры, регулирующие вооруженные конфликты на море, требуют введения целого ряда конкретных положений, включая, например, принятие мер по защите эмблемы или учреждения национального справочного бюро.

Часто государства используют обе модели, в основном в зависимости от уровня детализации в положениях соответствующего договора. В государствах дуалистической модели требование принять имплементирующее законодательство очевидно и обязательно, поскольку без него договоры не имеют прямого действия в национальном праве.

Международные договоры в нашем государстве образуют правовую основу межгосударственных отношений, содействуют поддержанию всеобщего мира и безопасности, развитию международного сотрудничества в соответствии с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций (ООН). Международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государств, при соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела страны.

Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Международные договоры — существенный элемент стабильности международного правопорядка и отношений России с зарубежными странами, функционирования правового государства.

Согласно Федеральному закону от

¹ Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права /

А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. М.: Инфра-М, 2023.

15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах» (ст. 15) международные договоры Российской Федерации об основах межгосударственных отношений по вопросам, затрагивающим обороноспособность Российской Федерации, по вопросам разоружения или международного контроля над вооружениями, по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, а также мирные договоры и договоры о коллективной безопасности подлежат ратификации. Ратификация осуществляется в форме принятия федерального закона.

Наряду с основными источниками международного права, регулируемыми вооруженные конфликты на море, к которым относятся международный договор, международный обычай, общепризнанные принципы международного права, признанные цивилизованные государствами, существуют и вспомогательные: решения или постановления международных органов и организаций, национальное законодательство — внутригосударственный закон, решение национального суда, доктрина¹.

Основополагающими документами по международному праву, регулирующими вооруженные конфликты на море, являются:

1) Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.), которая ориентирует на соблюдение ее подписантами общепринятых международных правил, регулирующих безопасность в акватории морей. Ст. 192 Конвенции 1982 г. закрепляет требования, направленные на защиту и сохранение морской среды;

2) Конвенция по охране человеческой жизни на море (1974 г.) и протоколы к ней 1978 и 1988 гг., государства-участники которой обязуются издавать законы, устанавливать правила и принимать другие меры, в целях обеспечения

охраны человеческой жизни на море;

3) Женевские конвенции 1949 г.: Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (первая Женевская конвенция); Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вторая Женевская конвенция); Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция) Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция);

4) Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам на море, которое во многих его аспектах является продолжением Оксфордского руководства по правилам морской войны, регулирующим отношения между воюющими сторонами, принятого Институтом международного права в 1913 г., так как многие положения последнего получили развитие в данном Руководстве;

5) Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г.: Дополнительный протокол, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (Женева, 8 июня 1977 г.); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II) (Женева, 8 июня 1977 г.); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы (Протокол III) (Женева, 8 декабря 2005 г.). Право вооруженного конфликта на море не получило такого развития, какое получило право вооруженного конфликта на суше с подписанием Дополнительного протокола I 1977 г. к Женев-

¹ Холиков И.В., Берг Л.А. Морские зоны в праве вооруженных конфликтов на море // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 6. С. 87—95.

ским конвенциям 1949 г. Хотя некоторые из положений Протокола I и относятся к военным действиям на море, в особенности в том, что касается расширения защиты санитарных судов и летательных аппаратов, предоставляемой II Женевской конвенцией 1949 г., часть IV Протокола, обеспечивающая гражданским лицам защиту от последствий военных действий, применима лишь к военно-морским операциям, затрагивающим гражданских лиц и гражданские объекты на суше;

6) Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., которая была полностью пересмотрена в 2005 г. (далее — Римская конвенция 1988 г.). Российская Федерация ратифицировала эту Конвенцию в 2001 г. Римская конвенция 1988 г. была принята с целью обеспечения безопасности на море и борьбы с незаконными действиями, такими как пиратство, угон судов, нападения на суда и другие формы противоправной деятельности. Данная конвенция определяет круг общественно опасных деяний, которые направлены против безопасности морского судоходства. Конвенция не применяется к: военному кораблю; судну, принадлежащему государству или эксплуатируемому им, когда оно используется в качестве военно-вспомогательного либо для таможенных или полицейских целей; судну, выведенному из эксплуатации или поставленному на прикол;

7) Гаагские конвенции, принятые в 1907 г.: «О мирном решении международных столкновений»; «Об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам»; «Об открытии военных действий»; «О положении неприятельских торговых судов при начале военных действий»; «Об обращении торговых судов

в суда военные»; «О постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин»; «О бомбардировании морскими силами во время войны»; «О применении к морской войне начал Женевской конвенции (впоследствии заменена Женевской конвенцией 1949 г.)»; «О некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне»; Об учреждении Международной призовой палаты» (не вступила в силу); «О правах и обязанностях нейтральных держав в случае войны» и декларация: «О запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров», принятые в 1907 г.

Традиционные институты по-прежнему важны для построения более безопасного морского порядка. В этом плане ведущую роль взяла на себя Международная морская организация (International Maritime Organization, ИМО).

Так в 2002 г. государства-члены ИМО (в том числе Российская Федерация) приняли масштабные изменения к Конвенции по безопасности человеческой жизни на море 1974 г. (далее — СОЛАС-74), а в 2005 г. была полностью пересмотрена Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. (Римская конвенция 1988 г.). Спустя три года по призыву Генерального секретаря Международной морской организации Совет Безопасности ООН напрямую вмешался в борьбу с пиратством.

Международная нормативно-правовая основа в области регулирования вооруженных конфликтов на море и практика государств по ее реализации представляют собой ключевые аспекты в области обеспечения применения права вооруженных конфликтов в вооруженном конфликте на море¹. Различные между-

¹ Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Международный вооруженный конфликт: важные аспекты в современных условиях // Право в Вооруженных

Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 11(328). С. 2—13.

народные конвенции, декларации и соглашения устанавливают нормы и стандарты, направленные на обеспечение соблюдения норм международного права в вооруженном конфликте на море¹. Применение международно-правовых норм и практика их реализации на государственном уровне играют значительную роль в обеспечении применения права вооруженных конфликтов в вооруженном конфликте на море.

Когда норма международного права порождает национальное правоотношение необходимо обеспечить трансформацию нормы международного права в норму внутригосударственного права. На основании этого происходит принятие соответствующим государством нормативных актов национального законодательства².

Российская Федерация, как добросовестный участник международных отношений, соблюдающий нормы международного права, стремящийся к сохранению стройного и утвердившегося международного правопорядка, борющийся с мировыми угрозами и сохраняющий национальную безопасность и суверенитет, имплементирует важнейшие нормы международного права, регулирующие вооруженные конфликты на море, в национальное законодательство, сохраняя приверженность общепризнанным мировым ценностям и национальным интересам³.

Последовательно познавая международно-правовые нормы и принципы, регулирующие вооруженные конфликты

на море, как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, рассмотрим содержательные и функциональные характеристики отечественных норм, связанных с международным правом и правом вооруженных конфликтов, регулирующие вооруженные конфликты на море⁴.

Россия в целях сохранения суверенитета, защиты территориальной целостности и ослабления вмешательства во внутренние дела общества и государства предприняла ряд координированных шагов, итогом которых стало принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵.

Ключевым положением, принятым в части реализации защиты России от неблагоприятного международного воздействия, защиты прав и свобод человека и гражданина, сохранения конституционного строя, стало изменение ст. 79 Конституции. В силу ее правовых предписаний Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных

¹ Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. М.: Издательство «Юнити-Дана», 2020. С. 431—459; Ясевичус Г.А., Никифорчин М.И., Степанишин Н.С. Проблемы разминирования местности и объектов в современных условиях и пути их решения // Военная мысль. 2024. № 6. С. 58—66.

² Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : Научно-практическое пособие / С.Л. Нудель,

В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. М.: Проспект, 2023.

³ Жевноватый С.В. Правовая характеристика современных вооруженных конфликтов на море и пути их предупреждения // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 54—61.

⁴ Евменов Н.А. Характер вооруженной борьбы на море и тенденции ее развития // Военная мысль. 2023. № 12. С. 6—10.

⁵ Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 1. С. 6—12.

органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Реализуя правовые механизмы и алгоритмы принятия таких решений, были внесены соответствующие изменения в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые утвердили полномочия суда в рамках осуществления конституционного правосудия устанавливать, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации (ст. 104.1—104.4 Конституции).

Основными документами, имплементирующими нормы международного права, регулирующие вооруженные конфликты на море, на внутригосударственном уровне на территории Российской Федерации являются: федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне», от 3 апреля 1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии России», от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности», Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ, от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также Военная доктрина России (утв. Президентом России 25 декабря 2014 г. № Пр-

2976), Морская доктрина Российской Федерации, утв. Президентом Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512, указы Президента России от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности», от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»¹.

В состав правовых актов, образующих правовые основы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации при использовании морского транспорта, кроме того входят Корабельный устав Военно-Морского Флота, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 511, постановление Правительства России от 8 сентября 2006 г. № 554 «Об утверждении Правил транспортно-экспедиционной деятельности», а также распоряжения Правительства страны от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года»².

Ст. 5 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не случайно определяет, что правовую основу обеспечения безопасности составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон,

¹ Холиков И.В., Куприянович М.С. Организация безопасности на морском транспорте как фактор обеспечения национальной безопасности Рос-

сийской Федерации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 46—54.

² Там же. С. 48.

другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности. Соответствующее международное сотрудничество в этой сфере позволяет использовать Вооруженные Силы для поддержания международного мира и безопасности за пределами Российской Федерации, а также иным органам в целях обеспечения национальной безопасности осуществлять деятельность по международному сотрудничеству в этой сфере.

Важнейшим документом в области военного права и военной деятельности государства¹, регулирующим, в том числе, вооруженные конфликты на море, является Военная доктрина России. Она является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту нашего государства.

Подп. «б» п. 15 Военной доктрины Российской Федерации указывает, что характерными чертами и особенностями современных военных конфликтов является, в том числе массированное применение систем вооружения и военной техники, высокоточного, гиперзвукового оружия, средств радиоэлектронной борьбы, оружия на новых физических принципах, сопоставимого по эффективности с ядерным оружием, информационно-управляющих систем, а также беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружения и военной техники².

Весьма важно и актуально было

утверждение Указом Президента Российской Федерации Корабельного устава Военно-Морского Флота. Это в полной мере соответствует современным тенденциям и является правовым ответом на агрессивные действия в отношении России на море, поскольку в настоящей военно-политической ситуации Военно-Морской Флот страны находится в условиях постоянного боевого применения. В целях соблюдения личным составом общепризнанных принципов и норм международного права установлены обязанности должностным лицам Военно-Морского Флота по их соблюдению, а также определено, что в период вооруженных конфликтов, при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности помощник командиров по правовой работе исполняет обязанности юридического советника командира соединения или корабля (ст. 95 и 176 Корабельного устава).

В соответствии с п. 2 Морской доктрины России, ее правовую основу составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере морской деятельности, а также общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации в сфере морской деятельности и использования ресурсов и пространств Мирового океана.

В соответствии с п. 22 Морской доктрины России, основными вызовами и угрозами национальной безопасности и устойчивому развитию Российской Федерации, связанными с Мировым океаном, являются: стратегический курс США на доминирование в Мировом океане, и стремление к ограничению доступа Российской Федерации к ресурсам Мирового океана и жизненно важным

¹ Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6(76). С. 233—237.

² Холиков И.В., Куприянович М.С. Указ. соч. С. 49.

морским транспортным коммуникациям, территориальные претензии к Российской Федерации ряда государств, касающиеся некоторых ее приморских и островных территорий, продвижение военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора (НАТО) к границам Российской Федерации и многие другие¹.

В соответствии с п. 63 Морской доктрины России к видам деятельности, обеспечивающим и создающим условия для эффективного осуществления морской деятельности, относятся судостроение, кадровое обеспечение, образование и воспитание, обеспечение безопасности, защита и сохранение морской среды, информационное обеспечение, международно-правовое обеспечение и международное сотрудничество.

Важно упомянуть, что Российская Федерация активно борется с вооруженным терроризмом, в том числе на море. В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О противодействии терроризму», вооруженные Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации, в целях устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации.

Стоит отметить, что в исследуемом

вопросе значение имеет и Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года. В данной Стратегии выделяются следующие основные проблемы развития морской деятельности Российской Федерации, связанные с безопасностью: необходимость приведения систем обеспечения безопасности мореплавания Крымского полуострова в соответствие со стандартами систем обеспечения безопасности мореплавания в других регионах Российской Федерации; в развитии видов обеспечения безопасности морской деятельности и другие².

Одной из актуальных и проблемных вопросов, влияющих на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, является использование в приграничной зоне и в нейтральных водах частных военных морских компаний, гибридных видов противостояния и прокси-сил³. Использование силы на морских акваториях частными субъектами⁴ — это новшество в современных международных отношениях, ставшее серьезным вызовом для международного права и устоявшейся правоприменительной практики. Еще одним серьезным вызовом стало активное применение беспилотных морских систем, разработка новых и совершенствование существующих образцов вооружений, которые могут применяться на морских театрах военных действий⁵.

¹ Холиков И.В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105—114.

² Бочарников И.В., Кравченко В.Ю. Военные аспекты конфликтов и военное противостояние на Черном море // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2008. № 15. С. 30—47.

³ Холиков И.В., Окоча В.А. Характерные критерии наемничества в современном праве и особенности деятельности частных военных (частных военных охранных) компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 94—101.

⁴ Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации

современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207—218; Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158.

⁵ Лиховидов К.С., Холиков И.В., Плакса В.Н. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 144—149; Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282; Холиков И.В. Беспилотные системы: динамика границ эксплуатации

Таким образом, деятельность Российской Федерации в целях развития международного права в области вооруженных конфликтов на море и имплементации норм международного права открывает уникальные возможности для продвижения проблематики, целей и принципов международного права, регулирующего вооруженные конфликты на море, смягчения последствий вооруженного нападения. Ведущую роль в обеспечении безопасности Российской Федерации при угрозе вооруженного конфликта на море играют Вооруженные Силы Российской Федерации (особенно Военно-Морской Флот), а также органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации (особенно пограничные органы и войска) и войска национальной гвардии Российской Федерации, поскольку в их состав входят морские воинские части и подразделения, выполняющие задачи по охране и обороне объектов транспортной инфраструктуры в соответствующих акваториях.

Подводя итог, отметим, что организация правового регулирования вооруженного конфликта на море требует консолидированных усилий международного сообщества, прежде всего в соблюдении, выполнении и развитии норм международного права, регулирующего эту сферу социального взаимодействия¹. Соблюдение норм международного права, регулирующих вооруженные конфликты на море, их имплементация в национальное законодательство, — важнейшая часть обеспечения национальной безопасности Российской Федерации².

и перспективы правового регулирования минимизации ее рисков // Мир транспорта. 2024. Т. 22, № 1(110). С. 142—146.

¹ Петров О.Ю. Современные коллизии при применении норм международного обычая, международно-правовая регламентация вод исторических заливов, направленная на предотвращение опасной военной деятельности государств и предупреждение вооруженных конфликтов на море

Список источников

1. Бочарников И.В., Кравченко В.Ю. Военные аспекты конфликтов и военное противостояние на Черном море // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2008. № 15. С. 30—47. EDN XOZJRZ.
2. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с.
3. Евменов Н.А. Характер вооруженной борьбы на море и тенденции ее развития // Военная мысль. 2023. № 12. С. 6—10. EDN DSPPGF.
4. Жевноватый С.В. Правовая характеристика современных вооруженных конфликтов на море и пути их предупреждения // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 54—61. EDN UPTNJF.
5. Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6(76). С. 233—237. EDN SLNHFA.
6. Кудашкин А.В., Мельник Н.Н. Международный вооруженный конфликт: важные аспекты в современных условиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 11(328). С. 2—13. EDN IQBWQS.
7. Лиховидов К.С., Холиков И.В., Плакса В.Н. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 144—149. EDN XGDWXA.
8. Наумов П.Ю. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207—218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218. EDN GYTVQQ.
9. Петров О.Ю. Современное состояние международно-правового регулирования военного мореплавания, направленного на предотвращение опасной военно-морской деятельности государств, предупреждение инцидентов и происшествий, исключение вооруженных конфликтов на море (краткий анализ современных предпосылок к вооруженным конфликтам на море) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 69—82. EDN DANWXA.

// Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 100—111.

² Холиков И.В., Жевноватый С.В. Военно-правовое исследование генезиса правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 2(331). С. 24—29.

10. Петров О.Ю. Современные коллизии при применении норм международного обычая, международно-правовая регламентация вод исторических заливов, направленная на предотвращение опасной военной деятельности государств и предупреждение вооруженных конфликтов на море // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 100—111. EDN EQTPUL.

11. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права / А.Я. Капустин, В.Р. Авхадеев, Г.М. Азнагулова [и др.]. Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2023. 336 с. — DOI 10.12737/1926386. EDN EKYHRA.

12. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование): Научно-практическое пособие / С.Л. Нудель, В.Ю. Артемов, А.М. Белялова [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. 352 с. EDN NRINAB.

13. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 6—12. DOI 10.12737/jflcl.2021.001.

14. Холиков И.В., Берг Л.А. Морские зоны в праве вооруженных конфликтов на море // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 6. С. 87—95. DOI 10.61205/jzsp.2023.084. — EDN PGMDNK.

15. Холиков И.В. Беспилотные системы: динамика границ эксплуатации и перспективы правового регулирования минимизации ее рисков // Мир транспорта. 2024. Т. 22, № 1(110). С. 142—146. DOI 10.30932/1992-3252-2024-22-1-17. — EDN GRWKDA.

16. Холиков И.В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105—114. DOI 10.31857/S1026945225020109.

17. Холиков И.В., Жевноватый С.В. Военно-правовое исследование генезиса правового

регулирования вооруженных конфликтов на море // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 2(331). С. 24—29. EDN PQFUTG.

18. Холиков И.В., Куприянович М.С. Организация безопасности на морском транспорте как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 46—54. EDN UXNBTV.

19. Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282. EDN WSJKKB.

20. Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охраняемыми компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158. DOI 10.12737/jrl.2020.154. EDN UPVTVB.

21. Холиков И.В., Окоча В.А. Характерные критерии наемничества в современном праве и особенности деятельности частных военных (частных военных охранных) компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 5(334). С. 94—101. EDN BJWHAV.

22. Холиков И.В. Противодействие преступным посягательствам на международную морскую безопасность // Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / Институт государства и права РАН. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2020. С. 431—459. EDN DUQIOJ.

23. Ясевичус Г.А., Никифорчин М.И., Степанишин Н.С. Проблемы разминирования местности и объектов в современных условиях и пути их решения // Военная мысль. 2024. № 6. С. 58—66. EDN ZHNTGN.

The problem of implementing the norms of international law governing armed conflicts at sea into domestic legislation and ensuring national security of the Russian Federation

Zhevnovaty S.V.,

applicant for the 25th department Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of Russia

Annotation The obligation to comply with international law governing armed conflicts lies with states. States must take a range of legal and practical measures, both in peacetime and in situations of

armed conflict, to ensure full respect for this body of law. The implementation of international humanitarian law governing armed conflicts at sea is essential and necessary, especially at the present stage, in an era of global conflicts and confrontations between states. The term "implementation at the national level" refers to all measures that must be taken to ensure, apply and implement international law at the domestic level. However, it is important not only to apply these norms when hostilities begin, but also to apply in peacetime. These measures are necessary to ensure that both civilians and members of the armed forces are familiar with international law; violations of international humanitarian law were prevented and perpetrators punished. National parliaments have a special responsibility to implement the norms of international law in national legislation. The paper examines the procedure and mechanisms for implementing the norms of international law governing armed conflicts at sea into the national legislation of the Russian Federation. The results of an analysis of the problems of implementation and implementation of international law governing armed conflicts at sea at the domestic level are presented. The need to update and amend the legal mechanism for the implementation of international law governing armed conflicts at sea, when applied at the domestic level, is indicated.

Keywords: armed conflicts at sea, international law, armed conflict, implementation, international humanitarian law, implementation, national legislation.

For citation: Zhevnovaty S.V. The Problem of Implementing the Norms of International Law Governing Armed Conflicts at Sea into Domestic Legislation and Ensuring the National Security of the Russian Federation // Military law. 2005. No. 5. pp. 127-138.

The article was received by the editorial office on August 21, 2025.

Некоторые вопросы развития правового регулирования прохождения военной службы в государствах – участниках СНГ

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права и
административного процесса Института
государства и права РАН

Аннотация. И в Российской Федерации, и в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество) военная служба является основным видом профессиональной деятельности граждан, посвятивших свою жизнь защите своей страны, её суверенитета и территориальной целостности от внешних угроз, требующих адекватного применения средств вооруженной борьбы для их предотвращения и пресечения. Как показывает практика межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ, само образование и существование Содружества не стало панацеей от возникновения угроз национальной и военной безопасности между данными государствами. Поэтому от состояния национальных вооруженных сил, правового регулирования всего комплекса связанных с ними общественных отношений зависит существование каждого государства и его полноправное участие в качестве суверенного субъекта в международных отношениях. Прохождение военной службы является одой из приоритетнейших областей военно-правового регулирования. В предлагаемой статье обращено внимание на динамику внесения изменений и дополнений в национальные законы о военной службе в государствах-участниках СНГ, а также дан краткий анализ ряда норм Положения о порядке прохождения военной службы, утв. постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 г. № 361.

Ключевые слова: оборона; вооруженные силы; прохождение военной службы; поступление, назначение, перевод, освобождение и увольнение с военной службы; сроки военной службы; лишение, восстановление и снижение в воинских званиях; проведение аттестаций; виды отпусков; исключение из списков личного состава; состав запаса; особенности прохождения военной службы в военное время; порядка учёта служебного времени; предоставление дополнительного дня отдыха; Содружество Независимых Государств.

Для цитирования: Редкоус В.М. Некоторые вопросы развития правового регулирования прохождения военной службы в государствах — участниках СНГ // Военное право. 2025. № 5. С. 139—146.

Статья поступила в редакцию 14 августа 2025 г.

Правовое регулирование прохождения военной службы — важнейший вид праворегулирующей деятельности, осуществляемой в любом современном государстве, где есть вооруженные силы, обеспечивающие его суверенитет и территориальную целостность, военную безопасность, как важнейшую составляющую национальной безопасно-

сти¹. От качества правового регулирования прохождения военной службы зависит эффективность осуществления военнослужащими своих обязанностей, пишут в своих работах В.М. Корякин, Ю.Н. Туганов, С.И. Журавлев и иные

¹ Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административ-

ного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.

ученые¹.

Этот фактор играет немаловажную роль в современном государственном управлении на правовом пространстве государств — участников СНГ, где национальные вооруженные силы играют все большую роль в решении государственно-важных задач обеспечения военной безопасности, решения пограничных проблем, а также территориальных споров между государствами. Последний пример — использование вооруженных сил в рамках конфликта между Азербайджанской Республикой и Республикой Армения.

Динамика отношений в области военной службы отражается на динамике изменений в законодательстве о военной службе. В государствах — участниках СНГ приняты национальные законы, в которых регламентированы организационно-правовые основы военной службы и её прохождения:

— Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (Российская Федерация);

— Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2011 г. № 274-IVQ 22 «О воинской обязанности и военной службе»;

— Закон Республики Армения от 29 ноября 2017 г. № ЗР-195 «О военной службе и статусе военнослужащего»;

— Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. № 1914-ХІІ «О воинской обязанности и воинской службе»;

— Закон Республики Казахстан от 16 февраля 2012 г. № 561-IV ЗРК «О воинской службе и статусе военнослужащих»;

— Закон Кыргызской Республики от 9 февраля 2009 г. № 43 «О всеобщей

воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах»;

— Закон Республики Молдова от 18 июля 2002 г. № 1245-XV «О подготовке граждан к защите Родины»;

— Закон Республики Таджикистан от 29 января 2021 г. № 1753 «О воинской обязанности и военной службе»

— Закон Туркменистана от 25 сентября 2010 г. № 134-IV «О воинской обязанности и военной службе»

— Закон Республики Узбекистан от 12 декабря 2002 г. № 436-II «О всеобщей воинской обязанности и военной службе»;

— Закон Украины от 25 марта 1992 г. № 2232-ХІІ «О воинской обязанности и военной службе».

Каждый из названных законодательных актов менялся и корректировался после их принятия не менее полутора десятков раз, что свидетельствует об изменчивости и вариативности общественных отношений в рассматриваемой области, требующих соответствующего правового регулирования.

Преимущественно в государствах СНГ вопросы военной службы в соответствующих законах связываются с воинской обязанностью граждан (Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина), однако в зависимости от законодательских традиций и предпочтений национальный законодатель в ряде государств Содружества вопросы военной службы регламентирует одновременно с правовым статусом военнослужащего (Республика Армения, Республика Казахстан), с альтерна-

¹ Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10; Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт,

2022; Туганов Ю.Н. Теоретико-правовая характеристика института дисциплинарной ответственности военнослужащих: монография. Чита: ЧитГУ, 2006; Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) : монография. Чита: ЧитГУ, 2007.

тивной службой (Кыргызская Республика), подготовкой граждан к защите Родины (Республика Молдова).

Законам государств Содружества о воинской обязанности и военной службе, как правило, коррелируют подзаконные нормативные правовые акты — положения о порядке прохождения военной службы, в которых конкретизируются положения национальных законодательных актов в рассматриваемой области.

Законы государств СНГ о воинской обязанности и военной службе содержат как материальные, так и процессуальные нормы. В подзаконных положениях о порядке прохождения военной службы материальные и процессуальные правовые нормы законодательных актов наполняются, как правило, дополнительным процессуальным содержанием, позволяющим тщательно урегулировать соответствующие общественные отношения с учетом государственных и общественных интересов, а также интересов граждан, проходящих военную службу и обладающих статусом военнослужащих.

В государствах Содружества приняты и действуют следующие подзаконные положения о прохождении военной службы:

— Положение о прохождении военной службы, утвержденное Законом Азербайджанской Республики от 3 октября 1997 г. № 377-IQ;

— Положение о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 25 апреля 2005 г. № 186;

— Положение о порядке прохождения срочной военной службы солдатами Вооруженных Сил, других воинских формирований и государственных органов Кыргызской Республики, в которых законом предусмотрена военная служба, утв. Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 27 августа 2024 г. № 509;

— Положение о порядке исполнения военной службы в вооруженных силах, утв. Постановлением Правительства

Республики Молдова от 17 августа 2006 г. № 941;

— Положение о порядке прохождения военной службы, утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 г. № 361;

— Положение о порядке прохождения военной службы по призыву, утв. Указом Президента Туркменистана от 16 мая 2003 г. № ПП-3861;

— Положение о порядке прохождения военной службы гражданами Республики Узбекистан, утв. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 12 сентября 2019 г. № ПП-4447, и др.

В данной области правотворчества также проявляется национальная специфика. Так, например, на Украине приняты и действуют указы Президента страны: от 7 ноября 2001 г. № 1053/2001 «О положении о прохождении военной службы соответствующими категориями военнослужащих»; от 10 июня 2016 г. № 248/2016 «Об утверждении Положения о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Украины иностранцами и лицами без гражданства»; от 29 декабря 2009 г. № 1115/2009 «О Положении о прохождении гражданами Украины военной службы в Государственной пограничной службе Украины»; от 9 октября 2019 г. № 739/2019 «О Положении о прохождении военной службы (обучения) курсантами высших военных учебных заведений (военных учебных подразделений учреждений высшего образования) Службы безопасности Украины»; от 31 июля 2015 г. № 463/2015 «Об утверждении Положения о прохождении военной службы (обучения) военнослужащими Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины» и др.

Также указом Президента страны от 27 декабря 2007 г. № 1262 утверждено Положение о прохождении военной службы военнослужащими Службы безопасности Украины (СБУ), а приказом СБУ от 14 октября 2008 г. № 772 утвер-

ждена Инструкция об организации выполнения Положения о прохождении военной Службы военнослужащими Службы безопасности Украины.

Конечно же, можно в процессе подзаконного правотворчества принять положения о порядке прохождения военной службы каждой категорией военнослужащих, а также применительно к каждому органу исполнительной власти, где предусмотрена военная служба. Важно, чтобы в данных положениях отражались конкретные особенности военной службы той или иной категорией военнослужащих, или общие особенности военной службы в том или том органе исполнительной власти, где предусмотрена военная служба. В таком случае принятие названных положений можно считать объективно обусловленным. В иных случаях данная практика может вызывать вопросы у ученых, а также создавать проблемы правоприменителям.

Одним из последних подзаконных нормативных правовых актов, принятых в государствах СНГ и регламентирующих порядок прохождения военной службы, является Положение о порядке прохождения военной службы, утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 г. № 361 (далее — Положение РТ). Положение регулирует вопросы порядка прохождения службы, поступления, назначения, перевода, освобождения и увольнения с военной службы, а также состава военнослужащих и воинских званий, порядка присвоения воинских званий, сроков военной службы в воинском звании, лишения, равнозначности, восстановления и снижения в воинских званиях, проведения аттестаций, видов отпусков, исключения из списков личного состава, состава запаса, особенностей прохождения военной службы в военное время, порядка учёта служебного времени и предоставления дополнительного дня отдыха.

К дефинитивным нормам можно отнести определение прохождения военной службы, а также ее содержания.

В п. 2 Положения РТ прохождение военной службы определено как «изменение определенных правоотношений за период от начала военной службы и до ее окончания, регулируемый законодательством Республики Таджикистан, Положением и воинскими уставами».

В п. 2 Положения о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее — Положение РФ), закреплено, что прохождение военной службы включает в себя назначение на воинскую должность, присвоение воинского звания, аттестацию, увольнение с военной службы, а также другие обстоятельства (события), которыми в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», другими федеральными законами и названным Положением определяется служебно-правовое положение военнослужащих.

Если таджикский законодатель положил в основу определения прохождения военной службы регулируемый законодательством страны срок (период) военной службы, то российский — обстоятельства (события), которыми в соответствии с законодательством страны определяется служебно-правовое положение военнослужащего.

При кажущейся разности подходов в определениях явного противоречия между ними нет, так как срок военной службы является одним из основных обстоятельств, в течение которого лицо обладает служебно-правовым положением военнослужащего, то есть проходит военную службу.

В Положении РТ закреплено, что содержание прохождения военной службы составляют следующие правоотношения: 1) назначение на воинскую должность, переход по службе и перевод в другие структуры для продолжения военной службы; 2) присвоение, понижение, восстановление и лишение воинского звания; 3) обучение и профессио-

нальная подготовка; 4) исполнение обязанностей военной службы и определение времени отдыха; 5) проведение аттестации; 6) призыв, поступление, увольнение и восстановление на военную службу; 7) прохождение военной службы в запасе; 8) прохождение военной службы при мобилизации и в военное время.

Положение РФ такой статьи не содержит, однако о содержании прохождения военной службы можно судить как по определению прохождения военной службы, так и по содержанию самого Положения РФ.

Сравнительный анализ норм о порядке прохождения военной службы, утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 24 июня 2025 г. № 361, и Положения о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237, показывает общность подходов по большинству вопросов правового регулирования прохождения военной службы.

Выделим еще ряд новелл Положения РТ, которые могут представить определенный теоретический и практический интерес для российских специалистов в области военного права.

Следует обратить внимание на раздел 2 Положения РТ «Сроки, продолжительность, начало и окончание военной службы».

Так, в соответствии со ст. 43 Закона РТ «О воинской обязанности и военной службы» сроки военной службы устанавливаются в следующем порядке: 1) срочная военная обязательная служба на должностях солдат и сержантов — 24 месяца и имеющие высшее профессиональное образование — 12 месяцев; 2) солдаты с высшим профессиональным образованием и окончившие военные кафедры при государственных учреждениях профессионального образования по программе подготовки офицеров запаса и имеющие желание прохождения военной службы на офицерских должностях,

— после 3 месяцев обязательной срочной образцовой военной службы, при добровольном назначении на должность с присвоением офицерского воинского звания «младший лейтенант» — 24 месяцев; 3) солдаты с высшим профессиональным образованием, имеющие желание прохождения военной службы на должностях прапорщика, — после 3 месяцев обязательной срочной образцовой военной службы, при добровольном назначении на должность с присвоением воинского звания «прапорщик» — 3 года; 4) военная служба в составе призывного мобилизационного запаса на должностях солдат и сержантов — 1 месяц; 5) военная служба по призыву на должностях офицерского состава — 24 месяца; 6) сержанты, прапорщики, а также военнослужащие женского пола, проходящие военную службу в добровольном порядке, — 3 года; 7) офицеры, окончившие государственные военно-образовательные учреждения высшего профессионального образования, — 10 лет; 8) офицеры, окончившие государственные военно-образовательные учреждения среднего профессионального образования по программе трехлетнего образования, — 7 лет; 9) офицеры, окончившие образовательные учреждения органов национальной безопасности РТ или на основании направления данного органа окончившие образовательные учреждения безопасности или специальные службы иностранных государств, — не менее 15 лет; 10) военнослужащие, проходящие военную службу в добровольном порядке в органах национальной безопасности РТ на должностях сержантского состава, — 3 года; 11) офицеры, поступившие из состава запаса на военную службу в добровольном порядке, — не менее 5 лет.

Достаточно интересна дифференциация сроков военной службы в зависимости от целого ряда обстоятельств: обязательного или добровольного характера прохождения военной службы; пола; органа, где лицо проходит военную

службу; замещаемой должности; полученного образования и т.д.

Граждане, избравшие военную службу своей профессией в добровольном порядке, считаются кадровым составом Вооруженных Сил РТ, других войск и воинских формирований. Понятие «кадровый состав» в российском законодательстве о военной службе практически не используется. По крайней мере, ни Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы», ни Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» термином «кадровый состав» не оперируют. Да и рассматриваемое нами Положение РТ использует словосочетание «кадровый состав» всего 2 раза по тексту Положения РТ. Это говорит о том, что использование термина «кадровый состав» в законодательстве о воинской обязанности и военной службе должно быть обоснованным и влечь реальные правовые последствия, а не просто «украшать» военное законодательство.

В Положении РТ более подробно, чем в Положении РФ урегулированы вопросы перевода военнослужащих из одного органа, где законодательством предусмотрена военная служба, в иной орган, где законодательством также предусмотрена военная служба.

В п. 104—105 Положения РТ сказано, что военнослужащие могут быть переведены для дальнейшего прохождения военной службы из Вооруженных Сил РТ в другие государственные органы, в которых законодательством предусмотрена военная служба, а также из этих министерств и силовых структур в Вооруженные Силы РТ, либо между этими министерствами и силовыми структурами в следующих случаях: в связи с организационно-штатными мероприятиями и невозможностью последующего размещения военнослужащего на воинские должности в других государственных органах, в которых законодательством предусмотрена военная служба; при выполнении требований

указов и распоряжений Президента РТ, постановлений и распоряжений Правительства РТ; при выделении другим государственным органам, в которых законодательством предусмотрена военная служба, выпускников государственных военных образовательных учреждений высшего профессионального образования, на основании утвержденного в установленном порядке плана их распределения; в других случаях, при наличии соответствующего приказа министра обороны РТ, руководителей других государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба. Перевод военнослужащих производится к новому месту службы после сдачи должности, но не позднее месячного срока со дня получения воинской частью выписки из приказа или предписания, кроме случаев, когда военнослужащий находится в основном отпуске или на стационарном лечении.

В Положении РТ регламентированы вопросы лишения воинского звания, снижения военнослужащего в воинском звании, что также может представить определенный интерес для российского правотворчества в рамках совершенствования

Так, военнослужащий лишается воинского звания в следующих случаях: по приговору суда — независимо от присвоенного воинского звания и занимаемой должности; прапорщики — по приказу министра обороны РТ, руководителей других государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба, за дискредитацию воинского звания военнослужащего; младший офицерский состав — по приказу министра обороны РТ, руководителей других государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба, за дискредитацию высокого воинского звания военнослужащего; старший офицерский состав — по приказу министра обороны РТ, руководителей других государственных органов, в которых законодательством

предусмотрена военная служба, за дискредитацию высокого воинского звания с учетом решения офицерского собрания или суда чести офицерского состава. Лишение воинского звания является крайней мерой и производится лишь в исключительных случаях, когда другие меры дисциплинарного воздействия не дали положительных результатов или военнослужащий совершил проступок, несовместимый со статусом военнослужащего.

Снижение военнослужащего в воинском звании на одну-две ступени может производиться как мера дисциплинарного воздействия по ходатайству товарищеского суда чести офицеров (прапорщиков) приказом должностного лица, которому представлено право присваивать такое воинское звание. Военнослужащие, пониженные в воинском звании, восстанавливаются в прежнем воинском звании не ранее, чем через один год со дня понижения при положительной аттестации, приказом должностного лица, принявшего решение о понижении в воинском звании, ему равных и выше лиц.

До восстановления военнослужащего в прежнем воинском звании и присвоения ему очередного воинского звания повторное понижение в воинском звании не допускается. Период с момента снижения в воинском звании до момента его восстановления не засчитывается в срок, установленный для присвоения очередного воинского звания.

Гражданин, лишенный воинского звания, если в последующем зарекомендует себя быть достойным замещать воинскую должность в военное время, может быть восстановлен в прежнем воинском звании, но не ранее чем через 3 года должностным лицом, принявшим решение о лишении воинского звания.

Военнослужащий или гражданин, незаконно осужденный по приговору суда с лишением воинского звания, восстанавливается в прежнем воинском звании приказом должностного лица, имеющим право присваивать это воинское

звание.

Период с момента лишения этого воинского звания до момента его восстановления засчитывается в установленный срок для присвоения очередного воинского звания.

Офицеры, проходящие военную службу по призыву, лишенные воинского звания (кроме лишенных по приговору суда) и не дослужившие установленного срока военной службы, освобождаются от должности и направляются для прохождения обязательной срочной военной службы по призыву на должностях, подлежащих замещению солдатами и сержантами, до окончания установленного срока обязательной срочной военной службы.

Таким образом, даже при общности большинства подходов к вопросам регулирования военной службы в России и в Республике Таджикистан, можно всегда найти определённые различия, «нюансы», представляющие интерес для правотворчества, правоприменения и дальнейшего развития военно-юридической науки.

Список источников

1. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.
2. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10 (291). С. 2—10.
3. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И. Военная администрация : учеб. пос. для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2022. 197 с.
4. Туганов Ю.Н. Теоретико-правовая характеристика института дисциплинарной ответственности военнослужащих : монография. Чита: ЧитГУ, 2006. 292 с.;
5. Туганов Ю.Н. Дисциплинарная ответственность военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) : монография. Чита: ЧитГУ, 2007. 413 с.

Some issues of development of legal regulation of military service in the CIS member states

© Redkous V.M.,

Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS

Resume. In both the Russian Federation and the member states of the Commonwealth of Independent States (hereinafter referred to as the CIS, the Commonwealth), military service is the main type of professional activity of citizens who have dedicated their lives to the defense of their country, its sovereignty and territorial integrity from external threats that require adequate use of armed forces to prevent and suppress them. As the practice of interstate cooperation within the CIS shows, the very formation and existence of the Commonwealth did not become a panacea for the emergence of threats to national and military security between these states. Therefore, the existence of each state and its full participation as a sovereign entity in international relations depend on the state of the national armed forces, legal regulation of the entire complex of related public relations. Military service is one of the most priority areas of military legal regulation. The proposed article draws attention to the dynamics of amendments and additions to national laws on military service in the CIS member states, and also provides a brief analysis of a number of provisions of the Regulation on the procedure for passing military service, approved. By the Decree of the Government of the Republic of Tajikistan dated June 24, 2025 No. 361.

Keywords: defense; armed forces; military service; admission, appointment, transfer, release and discharge from military service; terms of military service; deprivation, restoration and reduction in military ranks; certification; types of vacations; exclusion from the list of personnel; reserve composition; features of military service in wartime; the order of accounting for official time; provision of an additional day of rest; the Commonwealth of Independent States.

For citation: Redkous V.M. Some Issues of the Development of Legal Regulation of military service in the CIS member States // Military Law. 2025. No. 5. pp. 139-146.

The article was received by the editorial office on August 14, 2025.

К вопросу о правосубъектности НАТО в современном международном праве

© Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской
Федерации, профессор кафедры
организации судебной и
правоохранительной деятельности
Российского государственного
университета правосудия им. В.М.
Лебедева, профессор Российской
таможенной академии

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу международной правосубъектности Организации Североатлантического договора (НАТО) в контексте современного международного права. Автор исследует формально-юридические основания правосубъектности НАТО, включая Лондонское и Оттавское соглашения (1951 г.), практику заключения международных договоров альянсом с третьими сторонами и санкционирование его операций резолюциями Совета Безопасности ООН. Особое внимание уделяется применению доктрин функциональной правосубъектности и подразумеваемых полномочий к деятельности военно-политического союза. Центральной проблемой исследования выступает противоречие между *de facto* признанием способности НАТО к самостоятельным действиям (дипломатия, договоры) и фундаментальными ограничениями его правосубъектности, прежде всего в сфере международно-правовой ответственности за применение силы. На основе анализа международной судебной практики, позиций государств-членов и нечленов альянса, а также официальных заявлений руководства НАТО, автор приходит к выводу о гибридном, ограниченном и преимущественно функциональном характере правосубъектности Североатлантического союза, недостаточной для его квалификации в качестве полноценного субъекта международного права, сопоставимого с государствами.

Ключевые слова: военно-политический союз, Организация Североатлантического договора (НАТО), международная правосубъектность, международно-правовая ответственность, применение силы, Совет Безопасности ООН.

Для цитирования: Туганов Ю.Н. К вопросу о правосубъектности НАТО в современном международном праве // Военное право. 2025. № 5. С. 147—156.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2025 г.

Современная система международных отношений характеризуется высокой сложностью и динамизмом, в которой наряду с государствами активно действуют производные (вторичные) субъекты международного права — международные межправительственные организации (ММПО). Их возрастающая и нередко ключевая роль в обеспечении глобальной и региональной безопасности неоспорима¹. Наиболее показатель-

ным примером ММПО является Организация Североатлантического договора (НАТО), как крупнейший и наиболее институционализированный военно-политический союз в новейшей истории. Вместе с тем уникальный статус, степень влияния на международные процессы и масштаб деятельности данной организации ставят перед международно-правовой доктриной и практикой фундаментальный вопрос о международной правосубъектности НАТО.

¹ Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов,

аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14.

Актуальность данной проблемы обусловлена прежде всего тем фактом, что без международной правосубъектности международная организация не может нести ответственность в соответствии с международным правом. Эскалация международной напряженности и применение силы, в частности, участие НАТО в современных вооруженных конфликтах, особенно на фоне проведения Россией специальной военной операции, резко обострило вопрос о неурегулированности международной ответственности этого военного блока¹.

Так, правовой пробел наблюдается в определении субъекта применения силы и присвоения ответственности за возможные нарушения международного гуманитарного права или ущерб гражданскому населению в ходе операций, планируемых и координируемых командными структурами Североатлантического союза. Барьеры в разграничении ответственности между НАТО как организацией и государствами-членами, проявившиеся еще в делах о бомбардировках Югославии (1999 г.) и Ливии (2011 г.), снижают доверие к международному правопорядку и препятствуют доступу пострадавших к средствам правовой защиты.

Расширение сферы деятельности НАТО и появление новых глобальных вызовов после окончания Холодной войны привели к выходу мандата военного альянса далеко за рамки первоначальной задачи коллективной обороны, закрепленной в Уставе данной организации. Обеспечение безопасности в киберпространстве и энергетике, борьба с терроризмом, противодействие химическим, биологическим и гибридным угрозам, экологическая повестка — все эти

направления потребовали от руководства Североатлантического блока активного взаимодействия с другим государствами и международными организациями². Руководство НАТО приступило к последовательному развитию с ними международного сотрудничества посредством различных региональных форматов, программ и инициатив (например, программа «Партнерство ради мира», Средиземноморский диалог, Стамбульская инициатива по сотрудничеству и др.). Регулярно заключаются международные соглашения о статусе организации и ее вооруженных сил, транзите, обмене разведанными, поддержке военного потенциала партнеров и пр. В зону влияния данного военно-политического союза вовлекается растущее число государств-нечленов блока. Легитимное участие НАТО в решении данных вопросов возможно только при условии подтверждения и признания правоспособности данного союза.

Вопросы правосубъектности военнополитических союзов также тесно связаны с доступом военного альянса к правосудию и его иммунитетом. Отсутствие механизмов привлечения НАТО к международной ответственности за совершаемые деяния и иммунитет от юрисдикции национальных судов государств, где расположены его органы управления или действуют подчиненные силы, демонстрирует серьезные пробелы в защите прав лиц, организаций и государств, пострадавших от присваиваемых Североатлантическому союзу действий. Основной причиной этому являются сложности в определении надлежащего ответчика и наличие юрисдикционных барьеров³.

¹ Баймышев В.Г. О проблеме регулирования международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 54—61.

² Гребенюк А.Н., Холиков И.В. Усилия НАТО по противодействию химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам // Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334, № 3. С. 91—

93; Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17—28.

³ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

Классическая доктрина традиционно выделяет ряд ключевых признаков международной правосубъектности, присущих прежде всего суверенным государствам: способность к самостоятельному участию в международных отношениях, автономность воли, право заключать международные договоры, обладание иммунитетами и привилегиями, а также способность нести международно-правовую ответственность. Перечень не является исчерпывающим, могут быть и другие признаки, которые позволяют признать международную правосубъектность организации. Однако применительно к международным организациям как производным субъектам международного права данные признаки требуют существенной адаптации и специфического толкования.

Значимый вклад в понимание природы правосубъектности международных организаций внесло Консультативное заключение Международного Суда ООН по делу о возмещении ущерба, понесенного на службе Организации Объединенных Наций (1949 г.). Суд однозначно констатировал, что ООН является субъектом международного права «... и способна обладать международными правами и обязанностями»¹. Вместе с тем он исключил уравнивание организации с государством. Ключевое значение имеет вывод Международного Суда ООН о производном (вторичном) характере такой правосубъектности: она возникает не в силу самого факта (*ipso facto*), а как функциональная необходимость, обусловленная целями и задачами, возложенными на организацию государствами-членами через ее учредительный акт, и объемом предоставленных ей полномочий. Правосубъектность международной организации, таким образом, производна от воли ее участни-

ков, выраженной в учредительном договоре, и ограничена рамками ее компетенции.

Данный подход получил развитие в теории функциональной правосубъектности². В соответствии с ней объем прав и обязанностей международной межправительственной организации, а значит и содержание ее правосубъектности, строго определены ее учредительным договором (уставом) и заложенными в нем целями и функциями. Права организации не являются абсолютными или универсальными, они ограничены задачами, для выполнения которых она создана. При этом для достижения поставленных целей организация может обладать не только теми полномочиями, явно прописанными в ее уставе, но и теми, которые логически вытекают из него или являются необходимыми для эффективной реализации ее предназначения — так называемыми «подразумеваемыми полномочиями» (*implied powers*)³. Эта концепция, получившая отражение в практике Международного Суда ООН, подчеркивает эволюционный потенциал правосубъектности организации, способный развиваться в соответствии с практическими потребностями ее деятельности, но в пределах, заданных первоначальным мандатом или его разумным толкованием.

Военно-политические союзы, к категории которых относится НАТО, обладают выраженной спецификой в контексте правосубъектности, существенно отличающей их от универсальных организаций (как ООН) или организаций с широким интеграционным или экономическим мандатом (как Европейский Союз, Всемирная торговая организация или Шанхайская организация сотрудничества).

Во-первых, цели НАТО узко сфокусированы на вопросах коллективной

¹ Консультативное заключение Международного Суда ООН «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН» от 11 апреля 1949 г. // ICJ Reports. 1949. P. 174—180.

² Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974.

³ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 37.

обороны и безопасности, что ограничивает сферу их возможной правосубъектности. Исходным источником компетенций НАТО, а следовательно, и объема его потенциальной правосубъектности, является Вашингтонский договор (1949 г.), учредивший Североатлантический союз¹. Однако документ не содержит прямого закрепления международной правосубъектности военного блока. Отсутствие явных положений о праве заключать международные договоры, обладать иммунитетами или нести ответственность свидетельствует о первоначальном восприятии военно-политического союза прежде всего, как межгосударственного координационного форума, а не как самостоятельного субъекта права.

Во-вторых, в структуре военно-политического союза действует принцип доминирования государств-членов (примата суверенитета). Ключевые решения, включая санкционирование применения вооруженной силы, принимаются высшим политическим органом — Советом НАТО — исключительно на основе консенсуса. Это означает, что автономия воли и способность к самостоятельным действиям организации в критически важных сферах жестко ограничена необходимостью достижения согласия всех членов альянса.

В-третьих, военный союз принципиально не обладает собственными вооруженными силами или автономным бюджетом в полном объеме. Военный потенциал и финансирование НАТО полностью формируются за счет выделения или передачу под управление суверенными государствами-членами своих национальных контингентов, вооружений и инфраструктуры, а также путем

выплаты обязательных взносов в привязке к объему внутреннего валового продукта членов блока.

В-четвертых, сохраняется неоднозначность в вопросах присвоения Североатлантическому союзу деяний и привлечения его к ответственности за их совершение. Военные операции планируются и осуществляются коалиционным командованием альянса. В то же время административное управление и контроль за фактической деятельностью национальных контингентов сохраняется за предоставившими их государствами. Эта двойственность подчинения и размытость понимания «эффективного руководства и контроля», определенного в проекте статей об ответственности международных организаций Комиссии международного права ООН в качестве одного из оснований присвоения деяния, создает сложность в определении субъекта, несущего международно-правовую ответственность за возможные нарушения в ходе военных операций.

Фундаментальный шаг в формальном признании правосубъектности НАТО был сделан с принятием Соглашения о статусе Организации Североатлантического договора, национальных представителей и международного персонала (Оттавское соглашение, 1951 г.)². Этот документ стал ключевым для установления внутренней правосубъектности союза на территориях государств-членов. Ст. 4 Соглашения прямо устанавливает, что «Организация обладает правосубъектностью. Она наделена правоспособностью заключать договоры, приобретать или лишать движимого и недвижимого имущества и распоряжаться им, выступать истцом и ответчиком в национальных судах». Последующие статьи детально регулируют иммунитеты и привилегии Организации, ее

¹ The North Atlantic Pact. Department of State Publication 3462. Washington: Department of State, 1949. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 1.08.2025).

² Соглашение о статусе Организации Североатлантического договора, национальных представителей и международного персонала. 1951 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17248.htm (дата обращения: 1.08.2025).

имущества и активов, а также персонала от юрисдикции государств пребывания. Тем самым, Оттавское соглашение явно делегирует НАТО необходимые атрибуты юридического лица в рамках правовых систем государств-участников, что является классическим проявлением функционального подхода: правосубъектность признается как инструмент для эффективного функционирования организации на территории стран-членов, включая управление штаб-квартирой, персоналом и имуществом. Это, однако, относится к правосубъектности военного блока во внутренних системах ее государств-членов, что само по себе не является признаком правосубъектности международных организаций в международном праве.

Правовой режим для объединенных вооруженных сил НАТО определен в Соглашении между Сторонами Североатлантического договора о статусе их вооруженных сил (Лондонское соглашение, 1951 г.)¹. Документ регулирует статус национальных контингентов, дислоцированных на территории других государств-членов, в том числе вопросы юрисдикции, налогов, таможи, ввоза/вывоза имущества, и косвенно подтверждает роль НАТО как институционального объединения. Последующее соглашение о статусе международных военных штабов НАТО (Парижский протокол 1952 г.) уточнило иммунитеты и привилегии исключительно для коалиционных структур блока². Однако данные правовые акты аналогично Оттавскому соглашению не предоставляют НАТО правосубъектности как таковой в международном праве. Они лишь регулируют отношения между государствами-членами и определяют правовой статус ее субъектов в организации и самой организации в правовых системах стран-участниц договора, оставляя за

рамками способность НАТО действовать самостоятельно на международной арене в правоотношениях с третьими сторонами.

Расширение Североатлантического союза и его зон географической и функциональной ответственности, особенно после окончания «холодной войны», потребовало пересмотра первоначального, территориально ограниченного правового статуса альянса. В глобальном контексте формирование правосубъектности военно-политического союза получило реализацию через теорию «подразумеваемых полномочий». В целях придания легитимности разворачиванию и применению коалиционных сил за пределами территорий государств-членов руководство блока внедрило в практику заключение со странами, не входящими в НАТО, конкретных международных договоров и соглашений. Среди них соглашения о статусе сил; о транзите, размещении и логистической поддержке при проведении операций; меморандумы о взаимопонимании с международными организациями (ООН, ЕС, ОБСЕ, Интерпол) и отдельными государствами по вопросам сотрудничества и обмена информацией; соглашения о безопасности, регулирующие защиту информации, передаваемой партнерам и др.

Помимо договорной практики, особое признание роли и места НАТО в международной системе безопасности исходит от Организации Объединенных Наций. Резолюции Совета Безопасности ООН неоднократно санкционировали или прямо уполномочивали военный альянс на проведение операций, тем самым косвенно подтверждая правовой статус и потенциал военно-политических союзов в урегулировании проблем международного характера.

¹ Соглашение между Сторонами Североатлантического договора о статусе их вооруженных сил [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17265.htm (дата обращения: 1.08.2025).

² Протокол о статусе международных военных штабов, созданных в соответствии с Североатлантическим договором, 28 августа 1952 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17300.htm (дата обращения: 1.08.2025).

Так, резолюция Совета Безопасности ООН 1203 (1998) по ситуации в Косово обязывала Союзную Республику Югославия сотрудничать с контрольными миссиями НАТО¹. Резолюция СБ ООН 1386 (2001) санкционировала развертывание Международных сил содействия безопасности в Афганистане, руководство которыми позже взяло на себя командование НАТО². Резолюция СБ ООН 1973 (2011) предоставила НАТО полномочия на принятие «всех необходимых мер» для защиты гражданского населения в Ливии, что было использовано руководством блока для обоснования военной операции «Объединенный защитник»³.

Более того, в официальных документах ООН и совместных коммюнике Североатлантический союз признается в качестве важного партнера в поддержании международного мира и безопасности⁴. Однако это положение носит в большей степени функциональный и политический характер, основанный на возможностях военно-политических союзов в урегулировании международных кризисных ситуаций с использованием вооруженной силы, чем на формальном юридическом подтверждении универсальной правосубъектности этой международной организации, сравнимой с правовым статусом государств.

Документы свидетельствуют о признании контрагентами договорной правоспособности НАТО как международной организации — самостоятельного субъекта международного права.

Сформировавшаяся договорная практика, не основанная в явном виде на

мандате Вашингтонского договора, рассматривается военно-политическим союзом и его государствами-партнерами как закономерное следствие функциональной правосубъектности НАТО. Данный статус, по взглядам руководства блока, необходим для эффективного решения задач по кризисному урегулированию и коллективной безопасности с учетом появления новых международных вызовов и угроз.

Тем самым можно утверждать, что Организация Североатлантического договора обладает всеми формальными признаками, подтверждающими ее правосубъектности — наличие постоянной институциональной структуры (Генеральный секретарь, Совет НАТО, Группа ядерного планирования, Военный комитет, Международный секретариат, Международный военный штаб и др.), способность формировать относительно автономную волю (через решения органов, принимаемые консенсусом суверенных государств-членов, но от имени НАТО), реализация правоспособности и пользование иммунитетом (преимущественно на основе Лондонского и Оттавского соглашений, Парижского протокола).

Однако наиболее сложным и формально не урегулированным учредительными документами остается вопрос о способности НАТО нести самостоятельную международно-правовую ответственность⁵.

В комментарии к статьям об ответственности государств Комиссии международного права Организации Объединенных Наций подчеркивается, что

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН 1203 (1998). S/RES/1203. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/1203> (1998) (дата обращения: 1.08.2025).

² Резолюция Совета Безопасности ООН 1386 (2001). S/RES/1386. [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1386\(2001\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1386(2001)) (дата обращения: 1.08.2025).

³ Резолюция Совета Безопасности ООН 1973 (2011). S/RES/1973. [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)) (дата обращения: 1.08.2025).

⁴ Обновленная Совместная декларация между НАТО и ООН, определяющая планы будущего сотрудничества между двумя организациями. 26 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_160004.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 1.08.2025).

⁵ Холиков И.В., Баймышев В.Г. Проблемные вопросы регламентации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 102—110.

«понятие ответственности за противоправное поведение является основным элементом наличия международной правосубъектности»¹.

Судебной практики международных судов или трибуналов, которая устанавливала бы существование международной правосубъектности НАТО, не существует². До настоящего времени Организация Североатлантического договора не получала и не предъявляла международных претензий ни одному государству, включая государств ее членов³. Иски предъявлялись к отдельным государствам-членам НАТО, но не к самой НАТО. Это связано с тем, что у НАТО нет международного статуса быть стороной в суде (*locus standi*)⁴. При этом ни один из действующих органов международного правосудия не наделен компетенцией принимать иски против военного блока. Именно поэтому призывание к ответственности НАТО после проведения альянсом в 1999 г. операции в Югославии осуществлялось в отношении отдельных государств-членов данного военно-политического союза, а не самой организации как единой структуры, обладающей международной правосубъективностью⁵. Организация Североатлантического договора за всю историю своего существования фактически не понесла никакой международной ответственности, за исключением принесения

отдельных извинений военно-политическим руководством некоторых стран-участниц данного союза⁶. Североатлантический союз мог получить претензию от КНР по поводу бомбардировки в мае 1999 г. китайского дипломатического представительства в г. Белград во время операции «Союзническая сила». В ответ на призывание НАТО к ответственности США подтвердили ошибку в выборе цели и компенсировали Китаю причиненный ущерб в форме добровольного платежа (*ex gratia*), урегулировав тем самым ситуацию мирным путем. По мнению ряда международных экспертов, данная выплата свидетельствует об отрицании Соединенными Штатами существования международной правосубъектности НАТО⁷.

Наряду с этим имеется практика признания за Североатлантическим альянсом международной правосубъектности со стороны государств и международных организаций.

В делах по иску Сербии и Черногории к странам НАТО о применении силы в Международном суде ООН государства-ответчики (в том числе Нидерланды, Португалия и Франция) утверждали, что военный союз является международной организацией, обладающей международной правосубъективностью, и, что действия против бывшей Югославии могут быть присвоены блоку, а не отдельным странам⁸.

¹ Комментарий к ст. 1, п. 7. ПСОГ КМП ООН [Электронный ресурс]. Официальный сайт ООН. URL:

<https://legal.un.org/ilc/reports/2001/russian/chp4.pdf> (дата обращения: 1.08.2025 г.).

² Холиков И.В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105—114.

³ Nauta, David, International responsibility of NATO and its personnel during military operations / Leiden; Boston : Brill Nijhoff, 2018.

⁴ Ст. 34 Статута Международного Суда: «Только государства могут быть сторонами в делах, рассматриваемых Судом». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icj-cij.org/statute> (дата обращения: 1.08.2025).

⁵ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного

Суда 2003—2007 годы. ST/LEG/SER.F/I/Add.3 / Официальный сайт МС ООН. [Электронный ресурс]. URL:

https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serfl_add3.pdf. (дата обращения: 1.08.2025 г.).

⁶ Баймышев В.Г. О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 2(90). С. 178—187.

⁷ Gazzini T. NATO coercive military activities in the Yugoslav crisis (1992—1999), European Journal of International Law, 2001. 12(3), pp. 391—436.

⁸ ICJ, Case Concerning Legality of Use of Force (Yugoslavia v. Netherlands), Preliminary objections of the Kingdom of The Netherlands, para. 7.2.7, 5 July 2000.; ICJ, Legality of the use of force, Preliminary objections of the Portuguese Republic, p. 38, 5 July 2000. ICJ, Legality of Use of Force, Preliminary

Другим характерным примером является обращение Совета ООН по правам человека при расследовании предполагаемых нарушений, совершенных НАТО в Ливии, за разъяснениями к руководству Североатлантического союза, а не к отдельным странам, предоставлявшим войска. Тем самым международный орган подтвердил наличие у альянса отдельного правового статуса¹.

Существование международной правосубъектности НАТО также подтверждал Генеральный секретарь альянса Яап де Хооп Схеффер².

Кроме того, в комментариях НАТО к проекту статей об ответственности международных организаций Комиссии по международному праву ООН утверждается, что альянс «... является международной организацией по смыслу пункта 2(а) проекта статей и как таковая является субъектом международного права. Она обладает международной правосубъектностью, а также правоспособностью заключать договоры»³.

Наряду с этим, юридический советник Генерального секретаря НАТО Болдуин де Видтс придерживался неоднозначного мнения о том, является ли данная организация субъектом международного права, заявив, что «именно отдельные государства-члены несут юридические обязательства. Собственные юридические должностные лица государств должны обеспечивать соблюдение участвующими в них силами норм международного права»⁴. Этим заявлением

он подчеркнул первостепенную ответственность государств-членов за соблюдение норм международного права их контингентами.

Все другие имевшиеся правонарушения, которые могли бы служить основаниями для призвания военного блока к ответственности, руководство союза либо квалифицировало их как неизбежные издержки, либо отрицало сам факт международно-противоправного деяния в принципе⁵.

Таким образом, правосубъектность НАТО представляет собой уникальный гибридный феномен. Военно-политический союз обладает значительным объемом функциональной правосубъектности, достаточной для административного функционирования, дипломатического взаимодействия и заключения международных соглашений, необходимых для реализации *de facto* расширенного мандата. Однако эта правосубъектность является производной и ограниченной, что обусловлено доминирующей ролью суверенных государств-членов и особенно остро проявляется в сфере ответственности за применение силы. Это не позволяет квалифицировать НАТО в качестве полноценного субъекта международного права, сопоставимого с государствами или универсальными организациями типа ООН. Тем самым проявляется разрыв между фактическими возможностями военно-политических союзов влиять на международную обстановку и потребностью в

objections of the French Republic, 5 July 2000, Chapter II, para 40.

¹ UN Human Rights Council, Report of the International Commission of Inquiry on Libya, A/HRC/19/68, 2 March 2012.

² NATO Secretary General, Strategic Airlift Capability (SAC) – Initiative Adoption of the NAMO charter, 20 June 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_56625.htm?selectedLocale=is (дата обращения: 1.08.2025 г.).

³ Ответственность международных организаций. Комментарии и замечания, полученные от международных организаций. A/CN.4/637 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/637>. (дата обращения: 1.08.2025 г.).

⁴ Amnesty International, NATO/Federal Republic of Yugoslavia “Collateral damage” or unlawful killings? Violations of the Laws of War by NATO during Operation Allied Force, p. 13, 5 June 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur70/018/2000/en/>. (дата обращения: 1.08.2025 г.).

⁵ Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 2. С. 183—190.

правовом регулировании применения вооруженной силы, защиты прав человека в ходе конфликтов и поддержания стабильности в условиях растущей геополитической напряженности в современной системе международных отношений.

Список источников

1. Баймышев В.Г. О проблеме регулирования международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 54—61.
2. Баймышев В.Г. О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 2(90). С. 178—187.
3. Гребенюк А.Н., Холиков И.В. Усилия НАТО по противодействию химическим, биологическим, радиологическим и ядерным угрозам // Военно-медицинский журнал. 2013. Т. 334, № 3. С. 91—93.
4. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : учебник / 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2005. 517 с.
5. Рябцева Т.Т., Холиков И.В. Правовое регулирование информационной безопасности в современных условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 17—28.
6. Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-

концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 2. С. 183—190. DOI: 10.7256/2454-0668.2016.2.15527.

7. Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1974. 131 с.

8. Холиков И.В. Борьба за мир (о нарушениях норм международного права Североатлантическим альянсом) // Государство и право. 2025. № 2. С. 105—114. DOI 10.31857/S1026945225020109. EDN XALVLU.

9. Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия современным угрозам безопасности // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права». Оренбург: ООО «Первая типография», 2017. С. 5—14. – EDN QSCSGC.

10. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111. EDN CNBUSK.

11. Холиков И.В., Баймышев В.Г. Проблемные вопросы регламентации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 102—110. EDN VPEPIS.

On the issue of the legal personality of NATO in modern international law

© Tuganov Yu.N.,

Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Organization of Court and Law
Protection Activity of Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev,
Professor of the Russian Customs Academy

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the international legal personality of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) within the framework of contemporary international law. The author examines the formal legal foundations of NATO's legal personality, including the Ottawa and London Agreement (1951), the practice of concluding international agreements by the Alliance with third parties, and the authorization of its operations by UN Security Council resolutions. Particular attention is paid to the application of the doctrines of functional legal personality and implied powers to the activities of the military-political alliance. The core problem addressed is the contradiction between the de facto recognition of NATO's capacity for independent action (diplomacy, treaty-making) and the fundamental limitations of its legal personality, primarily concerning international legal responsibility for the use of force. Through analysis of judicial practice, the positions of member and non-

member states, and official statements by NATO leadership, the author concludes that the Alliance's legal personality is hybrid, limited, and predominantly functional in nature. This status is deemed insufficient for qualifying NATO as a full subject of international law comparable to states.

Keywords: North Atlantic Treaty Organization (NATO), international legal personality, implied powers, international legal responsibility, use of force, UN Security Council.

For citation: Tuganov Yu.N. On the Issue of the Legal Personality of NATO in Modern International Law // Military Law. 2025. No. 5. pp. 147-156.

The article was received by the editorial office on August 20, 2025.
